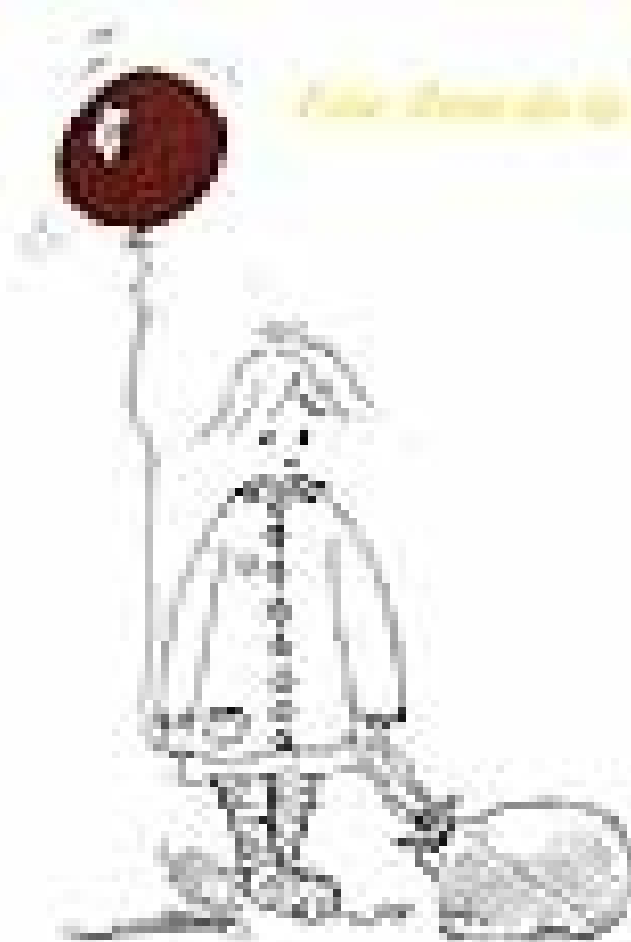

Practically

Practically Impossible to Ignore

Марк Левин?

Где ты ●

Mark Levin

Where are you?

Annotation

Что нужно человеку для счастья? Способна ли взаимная любовь удержать от поисков смысла жизни?

«Где ты?» — психологическая драма. Красивая история любви. Роман о том, что каждый выбирает свой путь... Хотя многое в жизни предопределено детскими мечтами и кошмарами.

Главные герои Филипп и Сьюзен могли бы стать идеальной парой, когда их детская дружба переросла в серьезную любовь, но... некая сила заставляет девушку бежать от семейного благополучия на край света. Что обретает она среди беснующихся ураганов и их бесконечных жертв? Куда уводят мечты и какова их цена?

События развиваются на фоне реальных войн и природных катаклизмов, подчеркивающих хрупкость человеческого существования.

- [Марк Леви](#)

- [I](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)

- [II](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)

- [От автора](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Марк Леви

Где ты?

Только любовь и дружба скрашивают одиночество наших дней. Счастье — не данность, за него надо постоянно бороться. И думаю, когда оно приходит, важно уметь его принять.

Орсон Уэллс

Посвящается Луи и М.

Он родился 14 сентября 1974 года в восемь часов утра в точке с координатами 15°30' северной широты и 65°западной долготы. Его колыбелью стал маленький островок, расположенный неподалеку от берегов Гондураса. Новорожденный, зарегистрированный под номером 734, ничем не привлекал к себе внимания. Первые два дня своей жизни он развивался при полном всеобщем равнодушии. Его жизненные параметры оставались стабильными и не давали повода беспокоиться о его развитии. С ним обходились точно так же, как и с любым подобным малышом. Согласно обычной процедуре его данные фиксировались каждые шесть часов. 16 сентября в 14 часов дня результатами его анализов заинтересовалась группа ученых в Гваделупе. Их озадачил рост малышки, вроде бы выходявший за пределы нормы. К вечеру того же дня руководитель группы, которой было поручено наблюдение за развитием младенца, уже не мог скрыть своей обеспокоенности и связался с американскими коллегами. Происходило нечто чрезвычайно важное. Кардинальные изменения в состоянии новорожденного требовали внимания всего человечества. Плод союза холода и жары начал проявлять свой опасный характер. Если его сестричка Элейн, родившаяся в апреле того же года, прожила лишь одиннадцать дней, так и не набрав достаточной силы, то он же, напротив, рос с удручающей быстротой и всего за два дня достиг весьма тревожной величины. На исходе третьего он закрутился волчком. Он вертелся на месте, все живее и живее, как будто никак не мог решить, куда именно податься.

В два часа ночи с 16-го на 17 сентября профессор Хак наблюдал за подопечным при свете одинокой неоновой лампы и, склонившись над

столом, заваленным листами с колонками цифр и какими-то графиками, удивительно похожими на кардиограммы, принял решение как можно скорее окрестить младенца в связи с его критическим состоянием, как будто таким образом можно предотвратить надвигающееся несчастье. Учитывая поразительные видоизменения малыша, рассчитывать, что дело только этим и ограничится, не приходилось. Имя было выбрано заранее, задолго до его рождения. Его нарекут Фифи. Он войдет в историю 17 сентября 1974 года в восемь часов утра, превысив скорость 120 км/ч. Тогда-то он и будет официально зарегистрирован метеорологами CDO^[1] в Пуент-а-Питре и их коллегами из ННС^[2] в Майами как ураган первого класса по шкале Саффира-Симпсона. В последующие дни он очень быстро сменит класс, перескочив во второй, к вящему ужасу всех изучавших его профессоров. В 14 часов Фифи развивал скорость до 138 км/ч, а к вечеру дошел до 150. Но наибольшую тревогу вызывало его опасно изменившееся местопребывание. Теперь он находился на 16°30' северной широты и 81°70' западной долготы. И тогда была объявлена тревога. 18 сентября в два часа ночи он приблизился к берегам Гондураса, обрушив на северный берег шквальные порывы ветра, достигавшие скорости 240 км/ч.

Аэропорт Ньюарка. Таксист высадил ее на тротуаре, и машина растворилось в транспортном потоке, наводнявшем пространство вокруг терминалов. Она проводила машину взглядом. Огромный зеленый рюкзак, стоявший у ее ног, весил чуть ли не больше ее самой. Поморщившись, она подняла его и вскинула себе на плечи. Миновала двери терминала номер один, прошла по залу и спустилась на несколько ступенек. Лестница справа спиралью уходила вверх. Сгибаясь под тяжестью рюкзака, она поднялась по ступенькам и решительно двинулась по коридору. Остановилась у бара, освещенного оранжевым светом, и через стекло заглянула внутрь. Возле стойки с десятков мужчин потягивали пиво, бурно обсуждая результаты матчей, которые транслировались по телевизору, висящему у них над головами. Толкнув деревянную дверь с круглым окошком-иллюминатором, она вошла и окинула взглядом красные и зеленые столики. И увидела его: он сидел в глубине зала, у самого окна. Перед ним на столе лежала газета, а он, опершись подбородком о правую руку, левой что-то рисовал карандашом на бумажной скатерти.

Его глаза, невидимые ей, были обращены к бетонному полу, расчерченному желтыми линиями разметки, куда неспешно выруливали самолеты, готовившиеся к разбегу перед взлетом. Поколебавшись, она двинулась по проходу справа, чтобы подойти к нему незаметно. Проскользнув мимо гудящего холодильника, быстро и бесшумно подошла вплотную к ожидавшему ее молодому человеку и, коснувшись затылка, легонько взъерошила ему волосы. На бумажной скатерти красовался ее портрет.

~ Я заставила тебя ждать? — спросила она.

— Брось, ты почти вовремя. Вот скоро ты действительно заставишь себя ждать...

— Давно сидишь?

— Понятия не имею. Ты такая красивая! Да садись же! Улыбнувшись, она посмотрела на часы:

— Через час я улетаю.

— Сделаю все, чтобы ты опоздала! Чтобы никогда не попала на этот чертов рейс!

— Тогда я отчаливаю отсюда через две минуты, — пообещала она и села.

— Ладно, обещаю, больше не буду. Смотри, что я тебе принес.

Он достал черный пластиковый пакет, положил на стол и пальцем пододвинул к ней. Она наклонила голову набок, в свойственной ей манере спрашивая: «Что это?» Прекрасно понимая ее мимику, он ответил глазами: «Открой». В пакете лежал маленький фотоальбом.

Он открыл его. Первая черно-белая фотография: лицом к лицу, положив руки друг другу на плечи, стоят два двухлетних малыша.

— Самый старый наш снимок, который я сумел отыскать, — пояснил он.

Перевернул лист и продолжил комментарий:

— Вот на этой мы с тобой в Новый год, не помню какой, но нам тут и десяти еще нет, это точно. По-моему,

это тот год, когда я подарил тебе медальон.

Сьюзен расстегнула пуговичку на блузке и достала висящий на цепочке медальон с изображением святой Терезы, с которым никогда не расставалась. Перевернув еще несколько страниц, Сьюзен перебила Филиппа:

— А тут нам по тринадцать, это в саду твоих родителей. Я только что тебя поцеловала, и не только губами,

а языком, и ты мне сказал: «Какая гадость!» Это был наш первый поцелуй. А вот здесь мы двумя годами поз

же, и тут уже я сочла отвратительным твое предложение спать вместе.

На следующей странице Филипп снова перехватил инициативу:

— Зато год спустя, после вот этой вечеринки, если память мне не изменяет, ты уже вовсе не считала это

отвратительным.

Каждый квадратик глянцевой бумаги хранил в себе частичку их общего детства. Сьюзен остановила Филиппа:

— Ты проскочил целых полгода. Разве нет фотографий с похорон моих родителей? А ведь именно тогда, как мне кажется, я сочла тебя страшно сексуальным!

— Ну и шутки же у тебя, Сьюзен!

— А я не шучу. Да, тогда я почувствовала, что ты сильнее меня, и это очень меня поддержало. Знаешь, я никогда не забуду...

— Перестань...

— ...что это ты сходил и принес мамино обручальное кольцо во время бдения.

— Ладно, может, сменим тему?

— По-моему, это ты ежегодно напоминал мне о печальной дате. И на

целую неделю становился таким внимательным, заботливым и предупредительным в каждую годовщину несчастного случая.

— Давай поговорим о чем-то другом?

— Валяй, переворачивай страницу, будем стариться дальше.

Он замер и посмотрел на нее потемневшими глазами. Улыбнувшись, она продолжила:

— Я знала, что это эгоизм с моей стороны — позволять тебе провожать меня.

— Сьюзен, зачем ты это делаешь?

— Чтобы мечта стала реальностью. Я не хочу закончить как мои родители, Филипп. Всю свою жизнь они только и делали, что выплачивали кредиты. Чего ради? Чтобы погибнуть, впечатав в дерево классную тачку, которую только что купили? Вся их жизнь уместилась в две секунды вечерних новостей, которые я смотрела по отличному, правда, еще не оплаченному, телеку. Я никого и ни за что не осуждаю, Филипп, но я хочу другого, и, заботясь о людях, я чувствую себя живой.

Он растерянно глядел на нее, восхищаясь ее решимостью. После несчастного случая она изменилась, словно ее годы пронеслись галопом, как карты, которые для быстроты сдают по две. Сьюзен уже не выглядела на свои двадцать один — разве что когда улыбалась.

Правда, улыбалась она часто. Закончив начальный цикл в колледже и получив диплом гуманитарного училища, она вступила в Корпус Мира, гуманитарную организацию, отправляющую молодежь в бедствующие страны для оказания помощи.

Менее чем через час она на два долгих года улетит в Гондурас. За несколько тысяч километров от Нью-Йорка, по другую сторону экватора.

* * *

На берегах залива в Пуэрто-Кастилье, да и в Пуэр-то-Кортесе тоже, все, кто собирались заночевать под открытым небом, отказались от этой идеи. К концу дня поднялся ветер и дул все сильнее и сильнее. Никто не беспокоился. Не в первый и не в последний раз надвигался тропический ураган. Жители привыкли к ливням, частым в этом сезоне. Казалось, день угас несколько раньше, и птицы скрылись кто куда — верный знак грядущей непогоды. Ближе к полуночи взметнулись в воздух клубы песка, повиснув над землей темной тучей. Волны стремительно нарастали,

заглушая крики людей, закреплявших лодки у причалов.

Небо рассекали вспышки молний, а кипящая белой пеной вода опасно кренила и раскачивала понтоны. Под натиском волн суда с треском стукались друг о друга. В 2 часа 15 минут тридцатипятиметровое грузовое судно «Сан-Андреа» оказалось выброшенным на рифы, в его борту по всей длине образовалась пробоина, и оно затонуло за восемь минут. В это же время в Эль-Голасоне, маленьком аэропорту

Ла-Сейбы, серебристо-серый DC3, стоявший возле ангара, внезапно взлетел и приземлился у башни контроля за полетами. Пилота на борту самолета не было. Оба пропеллера погнулись, а корпус разломился пополам. Несколько минутами позже перевернулся набок грузовик-цистерна, и от искры вспыхнуло горючее.

* * *

Филипп накрыл рукой руку Сьюзен, перевернул и погладил ее ладонь.

— Я буду очень по тебе скучать, Сьюзен.

— Я тоже... очень.

— Я горжусь тобой, хотя мне и не нравится, что ты вот так меня бросаешь.

— Замолчи, мы ведь договорились, что не будет никакого нытья.

— Не требуй невозможного!

Склонившись друг к другу, они почувствовали, как грусть расставания примешивается к счастью девятнадцатилетней дружбы, вместившей в себя почти всю их жизнь.

— Ты будешь давать о себе знать? — спросил он тоном маленького мальчика.

— Нет!

— Будешь мне писать?

— Как по-твоему, могу я получить мороженое? Обернувшись, он позвал официанта. Тот подошел,

и Филипп попросил принести два шарика ванильного мороженого, посыпанных миндалем, политых жидким шоколадом и карамелью. Именно такое мороженое предпочитала Сьюзен, она было самым ее любимым. Сьюзен взглянула ему в глаза:

— А ты?

— Напишу, как только у меня будет твой адрес.

— Я не об этом. Ты решил, чем будешь заниматься?

— Два года в «Купер Юнион»^[3], а потом попытаюсь сделать карьеру в каком-нибудь крупном рекламном агентстве.

— Значит, решения ты не поменял? Какую же глупость я сказала! Ты же никогда не меняешь своих решений!

— А ты? Разве ты меняешь свои?

— Ты не поехал бы со мной, предложи я тебе, потому что это не твой путь. А я не останусь здесь, потому что это не моя жизнь. Так что прекрати этот цирк.

Сьюзен с явным удовольствием поглощала мороженое и время от времени скармливала ложечку Филиппу, который покорно его проглатывал. Она поскребла по дну креманки, подбирая остатки ореховой крошки. Большие часы на противоположной стене показывали пять — наступал вечер осеннего дня. Повисла странная тишина. Сьюзен смотрела в окно, прижавшись носом к стеклу, потом оторвалась от него, перегнулась через стол, обвила руками шею Филиппа и выдохнула ему в ухо:

— Знаешь, а я боюсь.

Филипп чуть отодвинул ее от себя, чтобы лучше видеть лицо, и ответил:

— Я тоже.

* * *

В три часа ночи в Пуэрто-Лемпире первая девятиметровая волна смела дамбу, попавшуюся ей на пути, и обрушила на порт тонны песка и камней, практически его уничтожив. Металлический кран согнулся под напором ветра, его стрела упала и проломила обшивку контейнеровоза «Рио Платано», который тут же погрузился в бушующие воды. Еще какое-то время между волнами мелькал его устремленный к небу нос. Чуть позже судно навсегда исчезло в темной бездне. В этих краях ежегодно выпадает больше трех метров осадков, и те, кому удалось пережить первые шквалы Фифи, укрывшись в глубине континента, погибли в пучине разбуженных рек, вышедших из берегов и сметающих все на своем пути. Все поселения долины исчезли с лица земли, затопленные беснующимися потоками, влекущими за собой вырванные с корнем деревья, обломки мостов, дорог и домов. В районе Лимона деревушки, угнездившиеся на склонах гор Амапалы, Пьедры-Блан-ки, Бискуампо-Гранде, Ла-Хиги и Капиро, водою

смыло вниз, в уже затопленные долины. Немногие уцелевшие люди, сумевшие ухватиться за устоявшие деревья, погибли в течение последующих часов. В 2 часа 25 минут третья волна всей своей мощью обрушилась на департамент с символичным названием «Атлантида», начисто срезав часть побережья своим одиннадцатиметровым лезвием. Миллионы тонн воды устремились к Ла-Сейбе и Теле, пробивая себе путь по узким улочкам, теснота которых лишь добавляла напору силы. Дома, стоявшие на берегу, дрогнули первыми: их фундамент на глазах размывало водой, и они обрушивались один за другим. Шифер с крыш сначала взмывал вверх, а потом стремительно падал на землю, надвое рассекая тела первых жертв природной катастрофы.

* * *

Глаза Филиппа скользнули к ее грудям, столь соблазнительным своей округлостью. Заметив его взгляд, Сьюзен расстегнула пуговку блузки и снова достала золотой медальон.

— Но я ничем не рискую, ведь у меня есть твой талисман, и я с ним не расстаюсь. Один раз он уже спас меня. Благодаря ему я не села тогда в машину с родителями.

— Ты мне это уже сто раз говорила. Будь любезна, не говори об этом перед полетом, ладно?

— Как бы то ни было, — сказала она, убирая медальон, — пока он здесь, со мной ничего не случится.

Медальон был символом их духовного родства. Однажды летом они решили стать названными братом и сестрой. Эта идея подверглась всестороннему изучению. Понабрав в библиотеке книжек об индейцах, перечитав их все на переменах в школе, они нашли единственно верный способ действий. Нужно было смешать кровь, а значит, сделать где-нибудь надрез. Сьюзен позаимствовала у отца из стола охотничий нож, и они спрятались в шалаше Филиппа. Филипп протянул палец, зажмурив глаза, но, когда Сьюзен поднесла нож, у него все равно закружилась голова. Поскольку самой Сьюзен тоже было не по себе, оба снова погрузились в учебники апачей, пытаясь отыскать какое-либо другое решение поставленной задачи. «Подношение какого-либо священного предмета в подарок подтверждает вечную связь двух душ», утверждалось на странице 236.

Уточнив значение слова «подношение», они единодушно выбрали этот вариант. На торжественной церемонии, во время которой прозвучали избранные стихи ирокезов и сиу, Филипп надел свой крестильный медальон на шею Сьюзен. С тех пор Сьюзен никогда с ним не расставалась, ни разу не уступив требованиям матери снимать медальон хотя бы на ночь.

Сьюзен улыбнулась, на ее щеках появились ямочки.

— Поднесешь мне рюкзак? Он весит тонну, а мне нужно переодеться, не то я от жары подохну, когда прилечу на место.

— Но ты и так в одной майке!

Она уже встала и тащила его за руку, жестом попросив бармена оставить столик за ними. Тот согласно кивнул: зал был практически пуст. Филипп поставил рюкзак у дверей туалета. Сьюзен повернулась к нему.

~ Зайдешь? Я же говорила, что он тяжелый.

— Зашел бы охотно, но туалет, кажется, женский?

— Ну и что? Ты теперь боишься подглядывать за мной в туалете? Войти тебе кажется сложнее, чем смотреть через перегородку, как в лицее, или через замочную скважину ванной, как у тебя дома? Заходи, не стесняйся!

Она потянула его за собой, и ему ничего не оставалось, как подчиниться. За дверью Филипп с облегчением вздохнул: здесь была только одна кабинка. Сьюзен, ухватившись за его плечо, сняла туфлю и прицелилась в лампочку на потолке. Она попала в нее с первой же попытки: с сухим треском лампочка разлетелась вдребезги. В полумраке, при свете одинокого неоновых светильника над зеркалом, Сьюзен прислонилась к раковине, обняла Филиппа и приникла губами к его губам. Прервав на мгновение свой бесподобный поцелуй, она с жаром прошептала ему на ухо слова, от которых у Филиппа по всему позвоночнику прошла дрожь.

— Я надела твой медальон еще до того, как мои груди начали расти, и мне бы хотелось, чтобы твоя кожа

подольше хранила о них память. Я уезжаю, но не хочу, чтоб ты забыл меня за время моего отсутствия, не хо

чу, чтоб ты достался другой.

— Ты, однако, максималистка!

Она заперла дверь.

— Не говори ничего, ласкай меня, — шептала Сьюзен. — Хочу посмотреть, чему ты научился...

Прошло довольно много времени, прежде чем они вернулись за свой столик под испытующим взглядом бармена, протиравшего стаканы.

Филипп снова взял в руки ладонь Сьюзен, но ему показалось, что девушка уже где-то далеко.

* * *

На севере, в устье долины Сулы, селевые потоки сметали все на своем пути, несясь вперед с оглушающим грохотом. В ревущем потоке грязи мелькали автомобили, туши скота, обломки домов, а иногда и изуродованные человеческие тела. Ничто не могло устоять перед этим напором: столбы электропередачи, грузовики, мосты, заводы — все уносила с собой неудержимая сила. В считанные часы цветущая долина превратилась в озеро.

Годы спустя старожилы рассказывали, что именно красота окружающего пейзажа заставила Фифи задержаться здесь на целых два дня. Два дня, лишившие жизни десять тысяч человек, мужчин, женщин, детей; два дня, оставившие без пищи и крова шестьсот тысяч человек. За сорок восемь часов маленькая страна размером со штат Нью-Йорк, втиснутая между Никарагуа, Сальвадором и Гватемалой, была сметена силой, равной трем атомным бомбам.

* * *

— Сьюзен, сколько ты там пробудешь?

— Мне в самом деле пора идти. Ты останешься здесь?

Филипп молча поднялся, бросив на столик доллар. Выйдя в коридор, Сьюзен прижалась лицом к стеклу и поглядела на пустые стулья, на которых они только что сидели. Пытаясь справиться с охватившими ее чувствами, она заговорила быстро-быстро:

— Ну вот, когда я вернусь через два года, ты будешь ждать меня здесь, и мы с тобой тут встретимся как бы тайком. Я расскажу тебе обо всем, чем занималась все это время, и ты тоже расскажешь мне о том, что делал. И мы усядемся за этот самый столик, потому что он будет наш. И если я стану Флоренс Найтингейл современности, а ты — знаменитым художником, то в будущем над этим столиком будет красоваться медная табличка с нашими именами.

У зала отлета она сообщила, что не станет оборачиваться, потому что не желает помнить его унылую физиономию, а хочет сохранить в памяти его улыбку. Она также не желала замечать отсутствие своих родителей среди провожающих... Щадя ее чувства, отец и мать Филиппа решили не приезжать в аэропорт. Филипп обнял ее, прошептал: «Береги себя». Сьюзен крепко прижалась к нему, словно надеялась увезти с собой аромат его тела и оставить ему свой. Отдав билет стюардессе, она в последний раз обняла Филиппа и надула щеки, чтобы он запомнил это клоунское выражение ее лица. А потом помчалась по ступенькам вниз, пробежала по летному полю, взлетела по трапу и исчезла в чреве самолета.

Филипп вернулся в бар и уселся за тот же столик. Двигатели «Дугласа» заработали, выплевывая клубы серого дыма. Лопасти пропеллеров разок крутанулись против часовой стрелки, затем дважды медленно повернулись в обратном направлении и стали невидимыми. Самолет развернулся, вырулил на взлетную полосу, вышел к месту старта и замер, готовясь к разгону. Растущая вдоль полосы трава низко склонилась, словно бы отвечая на приветствия самолета. Стекла бара завибрировали, когда двигатели заработали на полную мощь, закрылки напоследок махнули провожающим, и двухмоторный самолет начал разбег. Быстро набирая скорость, он вскоре поравнялся с Филиппом, и юноша увидел, как поднялся хвост и шасси оторвались от земли. DC3 быстро набрал высоту, лег на правое крыло и исчез за тонкой пеленой облаков.

Филипп некоторое время не сводил глаз с неба, затем перевел взгляд на пустой стул, где несколько минут назад сидела она. И его охватило чувство глубокого одиночества. Он встал и пошел прочь, засунув руки в карманы.

25 сентября, на борту самолета... Мой Филипп, по-моему, мне не удалось скрыть от тебя свой страх. Я только что видела, как исчезли огни аэродрома. И, пока облака не скрыли землю, у меня кружилась голова, но теперь мне гораздо лучше. Я разочарована — не удалось увидеть Манхэттен, но только что в облаках под нами образовался просвет, и я вижу гребни волн. Отсюда они такие маленькие, как барашки. Я даже увидела огромный корабль, который направляется к тебе. Скоро у тебя будет хорошая погода.

Не знаю, разберешь ли ты мой почерк, уж больно сильно трясет. Меня ждет долгое путешествие, через шесть часов я буду в Майами, после первой пересадки в Вашингтоне, а там мы пересядем на другой самолет, чтобы лететь в Тегусигальпу. В самом названии уже чудится что-то волшебное. Я думаю о тебе, сейчас ты, должно быть, едешь домой. Крепко обними за меня твоих родителей, я тебе напишу, расскажу о своем путешествии, ты тоже береги себя, мой Филипп...

Сьюзен,

я только что вернулся домой, родители с расспросами не приставали, думаю, все поняли по моему лицу. Я корю себя за мое поведение, мне следовало уважать твою радость и твоё желание уехать отсюда, ты совершенно права: не знаю, хватило бы мне мужества уехать, если бы ты предложила. Но ты этого не сделала, и мне кажется, это к лучшему. Не очень понимаю, что означает эта последняя фраза. Вечера без тебя кажутся такими долгими. Я отправлю это письмо на адрес Корпуса Мира в Вашингтоне, оттуда его перешлют тебе.

Я уже очень сильно по тебе скучаю.

Филипп

...Я снова взялась за бумагу и карандаш, небо залито потрясающим светом, ты никогда такого не видел, да и я, впрочем, тоже. Здесь, над облаками, я люблюсь настоящим

закатом, но отсюда, сверху, это совершенно сумасшедшее зрелище. Мне до смерти обидно, что тебя здесь нет и ты не видишь то, что вижу я. Забыла тебе сказать кое-что очень важное: по-моему, я буду чертовски по тебе скучать.

Сьюзен

15 октября

Сьюзен,

прошло уже три недели после твоего отъезда, а я все еще не получил даже твоего первого письма,

наверное, оно путешествует где-то между тобой и мной. Наши близкие частенько спрашивают меня, нет ли от тебя новостей, так что, если я вскорости ничего от тебя не получу, придется что-то выдумывать...

15 октября

Филипп,

долетела я ужасно. Мы проторчали четыре дня в Майами в ожидании двух контейнеров с продовольствием и открытия аэропорта Ла-Сейбы, где у нас была запланирована пересадка. Я хотела было воспользоваться этой задержкой, чтобы посмотреть город, — размечталась! Наше подразделение поселили в ангаре, где мы и провели все это время. Трехразовое питание, душ два раза в день и походная койка. Интенсивные курсы испанского и оказания первой помощи. Почти как в армии, разве что сержантов нет. В итоге DC3 доставил нас до самой Тегусигальпы, а оттуда на военном вертолете нас перебросили в Рамон Виллесла Моралес, крошечный аэродром в Сан-Педро-Суле. Это невозможно себе представить, но с воздуха кажется, что страна подверглась массовой бомбардировке. Километры и километры опустошенных земель, остовы домов, разрушенные мосты и стихийные кладбища почти повсеместно. Мы летели на небольшой высоте и видели руки, торчащие из грязи и словно бы тянущиеся к небу, вперемешку с бесчисленными трупами животных, застывших брюхом кверху. Вонь стоит чудовищная. Дороги разрушены и смахивают на ленточки, срезанные с растерзанной упаковки. Вырванные с корнем деревья валяются грудami. Количество погибших никто не подсчитывал, но их

тысячи. Кто знает, сколько под этой грязью погребено трупов? И как уцелевшие найдут в себе силы выжить в этом кошмаре? Здесь нужны сотни людей для оказания помощи, а нас в вертолете было всего шестнадцать. Скажи мне, Филипп, почему наши великие державы отправляют людей воевать легионами и не могут послать хотя бы горстку добровольцев для спасения детей? И сколько нам нужно времени, чтобы понять такую простую истину? Филипп, тебе я могу признаться в очень странном ощущении, которое не покидает меня: здесь, среди разрухи и мертвецов, я как никогда чувствую себя живой. Что-то во мне изменилось, отныне жизнь для меня это не право, а привилегия. Я очень тебя люблю, мой Филипп.

Сьюзен

25 октября

Сьюзен,

на этой неделе, как раз когда я получил твое первое письмо, в прессе появились репортажи о тех ужасах, что творятся там, где ты сейчас. В газетах сообщают о десяти тысячах погибших. Я каждое мгновение думаю о тебе, пытаюсь представить, как ты живешь. Во вчерашней «Монтклер тайме» один журналист написал статью о гуманитарной помощи, которую оказывает пострадавшим наша страна, и в конце упомянул тебя. Я вырезал ее и вкладываю в конверт вместе с письмом. Все о тебе спрашивают — от этого я только острее чувствую твое отсутствие. Как же мне тебя недостает! Снова начались занятия, я ищу жилье поближе к факультету, присмотрел нуждающуюся в ремонте мастерскую в маленьком четырехэтажном домике на Брум-стрит. Квартал в весьма жалком состоянии, но студия большая, а по деньгам вполне доступная, и потом, ты только представь — поселиться на Манхэттене! Когда ты вернешься, мы будем жить всего в нескольких домах от «Филм-Форума», помнишь такой? Трудно поверить, но в витрине бара напротив висит маленький флаг Гондураса. Поджидая тебя, я каждый день буду проходить мимо него. Это знак. Будь осторожна. Я по тебе скучаю.

Филипп

Письма от Сьюзен приходили по одному в неделю, он отвечал на них в тот же вечер. Иногда он получал ответ на свои вопросы прежде, чем успевал их задать. На двадцатой параллели люди собирались с духом, и в катастрофических условиях страна пыталась восстановить порядок. Сьюзен и ее товарищи разбили первый лагерь для беженцев. Они устроили его в долине Сулы, между горами Сан-Идельфонсо и Кабасерас-де-Нако. В январе они провели кампанию вакцинации. Сьюзен на стареньком грузовике колесила по дорогам, раздавая продовольствие, мешки семян и медикаменты. А когда не сидела за рулем «доджа», то занималась благоустройством базового лагеря. Первым они возвели здание диспансера, а затем административный корпус. В десяти землянках уже жили тридцать семей. К концу февраля поселок Сьюзен, разместившийся на трех улочках, насчитывал два здания, двадцать одну мазанку и двести жителей, две трети которых наконец-то снова обрели крышу над головой. Остальные спали пока в палатках. Там, где образовалось что-то вроде центральной площади, начали возводить школу. Каждое утро, проглотив кукурузную лепешку, Сьюзен отправлялась на склад — в деревянный сарай, который закончили строить к Рождеству, — загружала свой грузовик и собиралась в путь. Пока Хуан заводил ключом мотор, тот принимался чихать, и Сьюзен приходилось выпускать руль из рук, потому что от тряски они начинали ныть, и терпеливо ждать, пока разогреются цилиндры и клапаны будут работать ритмично.

Хуану еще не исполнилось восемнадцати. Он родился в Пуэрто-Кортесе, родителей своих не помнил. В девять лет он жил в порту, в одиннадцать с половиной поднимал сети на рыболовецком судне. В тринадцать пришел в долину, и с тех пор его здесь все знали. Подросток с повадками взрослого мужчины заметил «белую сеньору», как только та вышла из автобуса, прибывшего из Сулы, и тут же увязался за ней. Сьюзен сперва приняла его за побирушку, но он не нищенствовал, для этого он был слишком горд. Хуан жил тем, что выполнял всякую посильную работу за пищу и кров во время ливней. Он чинил крыши, красил стены, ковал лошадей, перегонял стада, переносил на плечах всякую поклажу, чистил хлевы и риги. Если нужно было завести светло-голубой «додж», погрузить в него ящики, проехаться в кузове, чтобы помочь в поездке, Хуан был тут как тут, едва завидев выражение лица Сьюзен, означавшее «мне нужна помощь». С ноября-месяца она каждое утро брала с собой две кукурузные лепешки, к которым иногда прибавляла плитку шоколада, и они вместе завтракали, прежде чем отправиться в путь. Даже при самых оптимистических прогнозах нового урожая следовало ждать еще целый

сезон, а разрушенные дороги не позволяли развозить по стране скоропортящееся продовольствие. Так что приходилось довольствоваться так называемыми продуктами первой необходимости, которые воспринимались жителями как пища богов. В поездках по опустошенным деревням присутствие Хуана в кузове придавало Сьюзен уверенности, тем более что повсюду на их пути царила траурная тишина.

8 января 1975 года

Филипп,

первый раз я встречаю Новый год вдали от тебя, от дома, от всего. Странное ощущение: все смешалось, переплелось — острое чувство одиночества, охватившее меня, и радостное осознание того, что моя нынешняя жизнь как никогда насыщена и полна необычайных событий. Многие годы в новогоднюю ночь мы с тобой обменивались подарками — на этот раз я провела ее среди людей, лишенных всего. Местные ребятишки передрались бы между собой за одни только обертки, за кусочек бечевки. Однако ты и представить себе не можешь ту атмосферу праздника, которая царила в поселке. Мужчины стреляли в воздух, славя надежду, которая помогает им выжить. Женщины танцевали, втягивая ребятню в радостное безумство своих хороводов, а я — я была ошеломлена. Я помню тоску, в которую обычно погружало нас приближение Нового года, помню, как делилась с тобой своими страхами и печалью, поскольку не все складывалось так, как хотелось мне. А здесь все в трауре, вдовы, вдовцы, сироты, но с каким потрясающим достоинством они держатся за жизнь. Боже, как прекрасен этот народ в годину бедствий! Подарок на Рождество мне преподнес Хуан, да какой подарок! Это мой первый дом, и он будет очень красивым; уже через несколько недель я смогу в него въехать. Хуан ждет конца месяца: дожди прекратятся, и тогда он его покрасит. А пока я попробую описать тебе этот дом. Фундамент Хуан сделал из земли, перемешав ее с соломой и камнями, а стены выложил из кирпича. С помощью жителей деревни он где-то раскопал среди обломков оконные рамы и вставил их по обеим сторонам от красивой синей двери. Пол моей единственной комнаты пока земляной. Слева будут находиться труба и выложенный из камней очаг — вот тебе и кухня. А для душа он установит на плоской крыше цистерну, и я смогу, дергая за цепочку, мыться холодной

или теплой водой, в зависимости от времени суток. В таком описании моя душевая, возможно, покажется тебе ужасной, а дом — спартанским, но я знаю, что он будет очень уютным. Кабинет я себе устрою в углу гостиной, где Хуан обещал настелить полы, как только найдет, из чего их сварганить. Еще есть маленькая лесенка, которая ведет на полати, где я положу свой матрас. Ну да ладно, довольно хвастаться, теперь твой черед писать. Расскажи, как ты провел праздники, как вообще поживаешь. Мне тебя по-прежнему недостает. Осыпаю поцелуями.

Твоя Сьюзен

29 января 1975 года

Сьюзен,

я не получил твоего поздравления! Во всяком случае, пока. Надеюсь, рисунок, который я посылаю, не слишком пострадает при пересылке. Вероятно, тебя озадачит этот вид улицы ранним утром. Ну так вот, у меня для тебя огромная новость: свершилось, я сижу в мастерской на Брум-стрит и пишу тебе, глядя в окно на пустынную улицу Сохо — это и есть тот самый вид, который я нарисовал для тебя. Ты даже представить себе не можешь, насколько для меня все изменилось с переездом из Монтклера: я словно бы потерял привычные ориентиры, но в то же время знаю, что этот переезд принесет мне много хорошего.

Встаю я рано и завтракаю обычно в кафе «Ред-жио». Оно немного в стороне, но мне приятно пройтись при утреннем свете по этим улочкам с неровной булыжной мостовой и разбитыми тротуарами с темными пятнами вара, инкрустированными кусочками стекла, мимо домов, украшенных резными металлическими лестницами. Ты ведь тоже обожаешь эти места. Знаешь, по-моему, я готов писать тебе всякую ерунду, лишь бы ты время от времени вспоминала меня, отвечала мне и рассказывала о себе. Я и подумать не мог, что буду так сильно по тебе скучать. Я цепляюсь за свои занятия и каждый день твержу себе, что время без тебя тянется невыносимо медленно и что мне следовало бы прыгнуть в ближайший самолет и лететь к тебе, даже если я знаю (ты и сама не раз мне это говорила), что это не мой путь, что это не моя жизнь. Но вдали от тебя я задаюсь вопросом: а что же такое моя жизнь?

Ну вот, если это письмо не оказалось в мусорной корзине, значит, бурбон, который я только что допил, подействовал и я запретил себе перечитывать письмо поутру или же еще ночью скормил его почтовому ящику на углу. Когда рано утром я выхожу из дому, то всякий раз, переходя дорогу, бросаю взгляд на этот ящик, словно бы именно он чуть позже выдаст мне твое письмо, которое я найду, вернувшись с занятий. Иногда мне кажется, что он мне улыбается, а иногда — что он издевается надо мной. Холод стоит собачий.

Целую, Филипп

27 февраля 1975 года

Филипп,

письмо короткое. Прости, что не пишу тебе чаще, но дел невпроворот, и когда я прихожу домой, то на письмо не остается сил, еле-еле добираюсь до койки, чтобы поспать хоть несколько часов. Февраль подходит к концу, три недели ни одного дождя, и это похоже на чудо. Вместо грязи появилась первая пыль. Наконец-то мы смогли по-настоящему взяться за работу, и мне кажется, что наши усилия не пропали даром: жизнь начинает возрождаться.

В первый раз я сижу за собственным письменным столом, твой рисунок я повесила над камином, так что у нас с тобой перед глазами один и тот же вид.

Я очень рада, что ты переселился на Манхэттен. Как идут дела в университете? Должно быть, вокруг тебя так и роятся студентки, не устоявшие перед твоими чарами? Воспользуйся этим, старина, только не заставляй их сильно страдать. Нежно целую.

Сьюзен

4 апреля 1975 года

Сьюзен,

праздничные огни уже давно погасли, да и февраль далеко позади. Две недели назад выпал снег, парализовав жизнь города на добрых три дня, — всюду царила неопишуемая паника. Машины встали, такси на Пятой авеню выписывали немыслимые

зигзаги, пожарные не смогли потушить пожар — вода замерзла. Но самое ужасное, что трое бродяг замерзли в Центральном парке, в том числе одна женщина тридцати лет. Ее обнаружили сидящей на скамейке. В телевизионных новостях с утра до вечера только о ней и говорили. Никто не может понять, почему муниципальные власти не открывают приюты, когда наступают холода. Возможно ли, чтобы в наши дни люди вот так умирали на улицах Нью-Йорка? Это удручает. А ты, значит, тоже переехала в новый дом? Твоя фраза об университетских девочках меня очень повеселила. Так что теперь мой черед: что это за Хуан, который так здорово о тебе заботится? Я вкалываю как проклятый, экзамены через несколько месяцев. Ты еще хоть немного по мне скучаешь? Ответь побыстрее.

Филипп

25 апреля 1975 года

Филипп,

я получила твое письмо и уже давно должна была бы ответить, но никак не могла выкроить время. Уже конец апреля, погода у нас великолепная, но очень жарко, и порой запах стоит невыносимый. Десять дней мы с Хуаном провели в пути, пересекли всю долину Сулы и поднялись вверх на гору Кабасе-рас-де-Нако. Целью нашей поездки были поселения в горах. Добраться туда нелегко. «Додж» — так мы окрестили наш грузовичок — пару раз нас подводил, но у Хуана руки просто золотые. У меня до сих пор спина не разгибается: ты и представить себе не можешь, что значит поменять колесо на таком драндулете. Крестьяне сперва приняли нас за сандинистов, а те, в свою очередь, частенько принимают нас за военных в штатском. Если бы они наконец договорились между собой, то сильно бы облегчили нашу задачу.

На первом блокпосте, признаюсь, душа у меня ушла в пятки. Никогда прежде мне в лицо не смотрело дуло автомата. Мы выторговали свободный проезд за несколько мешков зерна и десятков одеял. Дорога, петляющая по склону горы, оказалась почти непроходимой. Мы потратили два дня, чтобы подняться на 1000 метров. Трудно описать то, что мы обнаружили наверху. Истощенные люди, которым еще никто и никогда ничем не

помогал. Хуану пришлось изрядно потрудиться, чтобы завоевать доверие мужчин, охранявших дорогу...

Их встретили с большим недоверием. Шум мотора оповестил об их приближении, и жители деревушки столпились вдоль дороги, следя за медленным продвижением «доджа», у которого при каждом вираже натужно ревела коробка передач. На последнем повороте перед вожденной целью на дорогу внезапно выскочили двое мужчин и с двух сторон вспрыгнули на подножки, направив мачете внутрь кабины. От неожиданности Сьюзен со всей силы нажала на тормоза, и машина чуть было не улетела в пропасть.

Сьюзен в бешенстве вылетела из кабины, забыв про испуг. Она так резко открыла дверцу, что один из мужчин полетел на землю. Глаза ее метали молнии. Уперев руки в бока, она от души его обругала. Крестьянин обалдело поднялся с земли, не понимая ни слова из того, что орала ему в лицо женщина с белой кожей, но в том, что сеньора Бланка пылала гневом, сомнений не было. Вылез и Хуан, он держался куда спокойнее и постарался разъяснить собравшимся причину их появления. После некоторого колебания один из добровольных охранников поднял левую руку, и к ним приблизилось около десятка деревенских. Они принялись спорить, страсти явно накалялись. Тогда Сьюзен взобралась на капот и хладнокровно велела Хуану давить на клаксон. Улыбнувшись, юноша подчинился. Крестьяне, голоса которых перекрыло гудение машины, мало-помалу замолчали. Все повернулись к Сьюзен. И тогда на лучшем своем испанском она обратилась к тому, кого сочла главным:

— Я привезла одеяла, продукты и медикаменты. Либо вы поможете мне все это выгрузить, либо я пускаю машину под откос и возвращаюсь домой пешком!

Из толпы вышла женщина и, перекрестившись, встала перед машиной. Сьюзен прикинула, как бы ей слезть не вывихнув при этом ногу. Женщина протянула ей руку, а следом за ней и один из мужчин. Сквозь толпу Сьюзен пробралась к кузову, где стоял Хуан. Горцы медленно расступались, давая ей пройти. Хуан запрыгнул в кузов, и они вместе откинули борт. Под молчаливыми взорами жителей Сьюзен подняла стопку одеял и швырнула на землю. Никто не шевельнулся.

— Да что с ними такое, черт подери?!

— Сеньора, — вмешался Хуан, — то, что вы привезли, для этих людей просто бесценно. Они ждут, когда вы скажете, что хотите взамен, и знают, что им нечего вам предложить.

— Ну так скажи им: единственное, что от них требуется, это помочь выгрузить барахло!

— Не все так просто.

— И что же делать, чтобы стало просто?

— Наденьте вашу повязку Корпуса Мира, поднимите одно из одеял, которые кинули на землю, пойдите и набросьте его на плечи той женщине, что перекрестилась.

Накинув плед на плечи женщине, Сьюзен пристально поглядела той в глаза и проговорила по-испански:

— Я привезла вам то, что вам давным-давно должны были доставить. Простите, что приехала так поздно.

Женщина — ее звали Тереза — обняла ее и расцеловала. Воодушевленные мужчины кинулись к грузовику и мигом его опустошили. Хуана и Сьюзен пригласили на совместную трапезу с обитателями деревни. С наступлением ночи крестьяне разожгли большой костер и приготовили угощение.

Во время ужина к Сьюзен сзади подкрался мальчуган. Почувствовав его присутствие, она обернулась с улыбкой, но мальчишка тут же убежал. Чуть позже он появился снова и подошел чуть ближе. Сьюзен ему подмигнула, и он снова удрал. Так повторялось еще несколько раз, пока наконец он не подошел вплотную. Сьюзен смотрела на него не говоря ни слова. Из-под вековой грязи, покрывавшей его мордашку, на нее глядели изумительно красивые агатовые глаза.

Сьюзен протянула малышу руку ладонью вверх. Глаза ребенка некоторое время перебегали с ее лица на руку и обратно, потом он застенчиво ухватил ее за палец. Знаком он повелел ей хранить молчание, и она почувствовала, как маленькая ручка куда-то ее тянет. Сьюзен встала и позволила повести себя по темным узким проходам между домами. Мальчик остановился возле плетеной изгороди, прижал палец к губам, призывая не шуметь, и потянул руку Сьюзен вниз, показывая, что ей нужно присесть на корточки. Потом показал на дырку в плетне и припал к ней глазами, подавая пример Сьюзен. Как только он отодвинулся, Сьюзен наклонилась посмотреть, что же толкнуло мальчика собрать все свое мужество и притащить ее сюда.

...Я увидела маленькую девочку лет пяти, умиравшую от запущенной гангрены ноги. Когда селевым потоком часть деревни смыло с лица земли, один мужчина, оседлав ствол дерева, отчаянно искал в потоке грязи свою дочку и вдруг

заметил ее маленькую ручку. Он ухитрился вырвать девочку из объятий смерти и прижал ребенка к себе. И так вдвоем, в кромешной темноте они преодолели многие километры, и он изо всех сил старался держать ее головку на поверхности, а вокруг ревела и бушевала стихия. Он держался из последних сил, потом потерял сознание. На рассвете мужчина очнулся и увидел, что девочка по-прежнему с ним. Они оба были изранены, но живы. Только вот спас он не свою дочку. Тела своего ребенка он так и не нашел...

Мы убеждали его целую ночь, прежде чем он согласился доверить нам малышку. Я не была уверена, что она переживет дорогу, но там, наверху, она не протянула бы и нескольких дней. Я пообещала мужчине, что вернусь вместе с девочкой через месяц или два на грузовике, полном продовольствия, и только тогда он согласился, больше ради других, я подозреваю. И, хотя я делала все правильно, чувствовала я себя последней сволочью. Так он на меня смотрел. Мы вернулись в Сан-Педро, девочка по-прежнему на грани жизни и смерти, а я совершенно опустошена. И что это за дурацкие намеки относительно моего помощника Хуана? Я же не в летнем лагере отдыха в Кана-дель И все-таки я тебя целую.

Сьюзен

P. S. Поскольку мы поклялись всегда говорить друг другу правду, то должна тебе признаться: Нью-Йорк и ты — меня воротит от вас с вашими историями о бомжах!

Письмо от Филиппа она получила много позже. Хотя написал он его задолго до того, как получил ее послание.

10 мая 1975 года.

Сьюзен,

я тоже затянул с ответом, вкалывал как сумасшедший, только что сдал сессию. Город оделся в майскую зелень, и этот цвет ему к лицу. В воскресенье прошелся с друзьями по Центральному парку. Влюбленные парочки на газонах возвещают приход весны. Я забираюсь на крышу своего дома и рисую, глядя на раскинувшийся внизу квартал. Как бы мне хотелось, чтобы ты

была здесь. На лето я устроился стажером в рекламное агентство. Расскажи, что у тебя, где ты? Ответ поскорее, когда от тебя долго нет вестей, я начинаю волноваться.

До очень скорого, люблю.

Филипп

В глубине долины Сьюзен заметила первые проблески рассвета, прорывающиеся сквозь ночной мрак. Вскоре дорога засверкала под солнечными лучами, напоминая нескончаемую ленту, опоясывающую бескрайние пастбища, еще влажные от росы. В бледном небе появились первые птицы. Сьюзен потянулась. Ломило поясницу, она глубоко вздохнула. Спустившись вниз, прошлепала босиком по земле к раковине. Погрев руки над угольками, еще тлеющими в очаге, она взяла деревянную коробку с полки, которую смастерил для нее Хуан, и насыпала кофе в турку. Добавила воды и поставила турку на решетку над угольками.

Пока варился кофе, она чистила зубы, заодно разглядывая свою физиономию в маленьком зеркальце, висящем на гвозде. Состроив рожицу своему отражению, она пригладила рукой взъерошенные волосы. Затем стянула с плеча футболку и принялась изучать след укуса паука.

— Вот пакость-то!

Она влезла на полати и, стоя на карачках, стала энергично перетряхивать свое лежбище в поисках агрессора. Шум закипевшей воды заставил ее бросить это занятие и спуститься вниз. Обмотав руку тряпчочкой, она взялась за турку, плеснула черной жидкости в чашку, прихватила со стола банан и отправилась завтракать на свежий воздух. Усевшись на ступеньках, поднесла чашку к губам, взглядом уносясь за горизонт. Потерла лодыжку и вдруг вздрогнула. Вскочила, подбежала к письменному столу и схватила шариковую ручку.

Филипп,

надеюсь, эта коротенькая записочка дойдет до тебя быстро. Я хочу тебя кое о чем попросить: ты не мог бы прислать мне крем для тела и мой шампунь?

Надеюсь на тебя. Возмещу все расходы, как только увидимся.

Целую, Сьюзен

Субботный день подходил к концу, на улицах было многолюдно. Филипп расположился на террасе кафе, намереваясь закончить эскиз. Он заказал чашку черного кофе — эспрессо в те годы еще не перебрался через Атлантику. Провожая рассеянным взглядом молоденькую блондинку, переходившую улицу по направлению к кинотеатру, он неожиданно поймал себя на мысли сходить в кино. Расплатившись, встал. Два часа спустя он уже выходил из кинозала. Июльский вечер баловал город роскошным закатом. На перекрестке Филипп привычно поприветствовал почтовый ящик, подумал было присоединиться к друзьям в бистро на Мерсер-стрит, но решил пойти домой.

Сунув плоский ключ в замочную скважину, он искал единственно верное положение, которое отпирало замок, и толкнул тяжелую деревянную дверь подъезда. Щелкнул выключателем, тусклая желтая лампочка осветила узкий коридор. Из почтового ящика торчал уголок голубого конверта. Схватив его, Филипп торопливо взбежал по лестнице. Когда он плюхнулся на диван, листок бумаги был уже развернут.

Филипп,

если это письмо дойдет до тебя недели за три, значит, будет середина августа и до встречи останется всего год. В общем, я хочу сказать, что полпути уже пройдено. У меня не было времени тебе сообщить, но, похоже, меня ждет повышение. Поговаривают, что будет разбит еще один лагерь в горах и меня, по всей видимости, назначат ответственной. Спасибо за посылку, и знай: хотя я пишу все реже, скучаю по-прежнему. А ты, должно быть, постарел! Напиши мне.

Сьюзен

10 сентября 1975 года

Сьюзен,

я больше никогда не смогу спокойно смотреть на титры «Год спустя...», которые порой встречаются в кино. Я раньше не понимал, что скрывается за этим скромным многоточием, смысл которого очевиден лишь тем, кто знает, насколько одинок человек, живущий ожиданием. До чего же бесконечны часы, что тянутся между этими кавычками! Лето заканчивается, моя стажировка тоже. В агентстве мне предложили работать у них после получения диплома. Я ни разу не искупался, поскольку

имел глупость сходить в кино, где вдоволь насмотрелся на здоровенную белую акулу, которая терроризирует наши пляжи. Режиссер тот же, что снял «Дуэль». Помнишь этот фильм, мы его смотрели с тобой в «Филм-Форуме», и он нам жутко понравился? Мог ли я тогда предположить, что несколько лет спустя поселюсь на той самой улице и буду коротать свои дни в ожидании тебя неподалеку от бара, в который мы всегда заходили после кино? Мог ли представить, что буду писать тебе на другой конец земли? Во время одной особенно жуткой сцены сидевшая рядом со мной девушка со всей силы впиалась ногтями в мою руку, лежавшую на подлокотнике. Самое смешное, что потом до самого конца сеанса она непрерывно извинялась. Никогда еще я не слышал столько «простите» и «мне очень жаль» за один час. Знаешь, ты бы меня не узнала, но я, которому обычно полгода надо раскачиваться, чтобы заговорить с девушкой, улыбнувшейся на выходе из ресторана, на этот раз смог-таки выговорить: «Если вы будете болтать и дальше, нас отсюда выставят, так что давайте лучше продолжим разговор после кино, где-нибудь в кафе за рюмочкой». Она заткнулась до конца сеанса, но фильм я смотреть уже не мог, хотя и был совершенно уверен, что девица испарится вместе с последним кадром. Но, когда свет зажегся, она пошла за мной, и я услышал сзади ее голос: «И где же мы поужинаем?» Мы отправились в «Фанелли». Ее зовут Мэри, она учится на журналистике. Сейчас вечер, льет как из ведра, и лучше я отправлюсь спать, а то плету невесть что, лишь бы заставить тебя ревновать. Пиши.

Филипп

Ноябрь, 1975 года, какой день, не знаю

Мой Филипп,

после моего последнего письма прошло несколько недель, но тут время течет по-другому. Помнишь, я писала тебе о девочке? Я отвезла ее к ее новому папе. Ногу ей спасти не удалось, я не знала, как он это воспримет, и ехала с большим волнением. Мы с Хуаном забрали ее из больницы в Пуэрто-Кортесе. В кузове «доджа» Хуан соорудил для нее что-то вроде лежанки из мешков с мукой. Когда мы за ней приехали, малышка ждала нас в коридоре лежа на каталке. Я заставила себя смотреть ей в лицо, а

не на культу. Зачем обращать внимание на то, чего нет, в ущерб тому, что есть? Зачем придавать значение тому, что плохо, вместо того чтобы радоваться тому, что хорошо?

Меня все время мучил вопрос, как она будет жить с таким изъяном? Хуан понял мое молчание и, прежде чем я успела с ней заговорить, прошептал мне на ухо: «Не показывай свою боль, порадуйся за нее. Ее отличие от других не в том, что у нее отняли ногу, а в том, что она все-таки выжила».

И он прав. Мы устроили ее на мешках и двинулись в горы. Хуан присматривал за ней всю дорогу, пытался ее развлечь, а заодно и меня привести в норму. И с этой целью он все время надо мной насмехался. Кривляясь, изображал, как я веду тяжелый грузовик, который все время норовит мне доказать, что он мощнее меня, будто недостаточно семи тонн его веса! Хуан скрючивался, вытягивал руки вперед, будто вцепившись в руль, и корчил гримасы, показывая, каких усилий мне стоит удержаться на трассе при каждом вираже, — я жалела, что мой испанский не позволяет оценить прелесть его комментариев. Мы ехали уже часов шесть, не меньше. Я заглохла, пони-передачу, выругалась и треснула кулаком по рулю. Знаешь, мой скверный характер абсолютно не изменился. Для Хуана же гнев мой оказался манной небесной. Он разразился градом ругательств, стал лупить по коробке, призванной изображать руль, и вдруг наша девчушка улыбнулась.

Она хихикнула, на мгновение засмуцалась, а потом расхохоталась во все горло. И на какое-то мгновение ее смех и восклицания заглушили все вокруг. Я и представить себе не могла, насколько важным может оказаться смех ребенка. В зеркальце заднего вида мне было видно, что она изнемогает от смеха. Неудержимый хохот одолел и Хуана. Я смеялась до слез и всхлипывала, по-моему, отчаянней, чем в тот день, когда ты сжимал меня в объятиях у могилы моих родителей, правда, тогда я рыдала в душе. В грузовичке стало так легко и радостно! Я обернулась, чтобы посмотреть на них, и между взрывами хохота увидела адресованную мне улыбку Хуана. Языковый барьер рухнул... Кстати, ты же свободно говоришь по-испански, вот и расскажи, желательно на этом чудном языке, чем закончился твой ужин после кино, чтобы я немного попрактиковалась...

Роландо узнал грузовик сразу, как только машина начала взбираться по серпантину вверх, узнал еще внизу, в долине. Оставил работу, уселся на камень и не спускал с машины глаз все пять часов, пока та ползла в гору. Он прождал долгих три месяца. Он постоянно думал, жива ли еще малышка и что несет ему летящая в вышине птица — весть о смерти или же, наоборот, надежду? С течением времени он все чаще превращал самые обыденные вещи в знамения, поддаваясь капризной воле предсказаний, то добрых, то злых, по настроению.

Съюзен на каждом повороте трижды нажимала на клаксон. Роландо решил, что это хороший знак, длинный гудок означал бы самое плохое, но три коротких —наверно, это добрая весть. Он достал из-за отворота манжета коричневую пачку «Паладинес». Эти сигареты были намного дороже «Дорадос», которые он обычно курил. Из коричневой пачки обычно он позволял себе в день одну-единственную сигарету, которую выкуривал после ужина. Роландо прикурил. Глубоко затянувшись, он почувствовал, как легкие заполнились дымом и влажным воздухом, напоенным ароматами земли и хвои. В алевшем кончике сигареты едва слышно потрескивал табак. Нынче днем вылетит вся пачка.

Нужно набраться терпения, ведь они только к вечеру минуют перевал.

Все жители столпились у дороги на въезде в деревушку. На этот раз никто не осмелился залезть на подножку. Съюзен притормозила, и люди обступили грузовичок. Девушка выключила двигатель, вылезла из кабины и обвела глазами собравшихся, с достоинством выдерживая направленные на нее взгляды. Хуан держался позади нее и тоже гордо тянул шею, стараясь придать себе значимости. Роландо шел прямо на них. Окурок он отбросил в сторону.

Съюзен глубоко вздохнула и направилась к кузову. Толпа замерла, не сводя с нее глаз. Роландо подошел ближе — само спокойствие, ни тени эмоций на неподвижном лице. Съюзен отдернула полог, Хуан опустил бортик, открыв взору присутствующих девочку, которую они привезли обратно в деревню. Ножка у девочки была одна, но она широко раскинула ручки навстречу тому, кто спас ей жизнь. Роландо запрыгнул в кузов, поднял ее на руки и что-то прошептал на ушко, вызвав у малышки улыбку. Спустившись, он поставил ее на землю и присел рядом с ней, чтобы она могла опереться ему на плечо. На мгновение повисла тишина, и тут же последовал взрыв эмоций — мужчины, радостно вопя, принялись кидать в воздух шляпы. Съюзен опустила голову, она не хотела, чтобы кто-то увидел ее лицо сейчас, когда она так уязвима. Хуан схватил ее за руку.

— Оставь меня, — буркнула она. Но он лишь крепче сжал ее руку.

— Спасибо тебе за них.

Роландо передал малышку одной из женщин и подошел к Сьюзен. Протянув руку, он взял ее за подбородок и властно спросил Хуана:

— Как ее зовут?

Хуан пристально оглядел статного мужчину и, выдержав паузу, ответил:

— Внизу, в долине, ее зовут сеньора Бланка.

Роландо решительным шагом подошел к нему и положил тяжелые руки ему на плечи. Морщины в уголках его глаз стали глубже, а губы раздвинулись в широченной белозубой улыбке.

— Госпожа Бланка! — воскликнул он. — Роландо

Альварес будет называть ее госпожой!

И увлек Хуана за собой по каменистой тропинке, ведущей в деревню. Нынче вечером вся деревня будет пить гуахо.

* * *

Вслед за вторым Рождеством, проведенным друг без друга, пришел январь нового, 1976 года. Сьюзен все праздники вкалывала как проклятая. Филипп, чувствуя себя особенно одиноко, написал ей пять писем за время между Днем Благодарения и новогодней ночью, но не отправил ни одного.

В ночь на 4 января в Гватемале произошло чудовищное землетрясение, погибло двадцать пять тысяч человек. Сьюзен приложила все старания, чтобы поехать туда с гуманитарной помощью, но ржавые колеса административного аппарата отказались поворачиваться в нужную сторону, и ей пришлось смириться. 25 марта в Аргентине свергли режим Перона, генерал Хорхе Рафаэль Видела арестовал Исабель Перон. У этой части мира появился шанс на лучшее. В Голливуде из гнезда кукушки на плечи Джека Николсона выпал «Оскар». 4 июля Америка дружным хором отпраздновала двухсотлетний юбилей независимости. Через несколько дней в сотнях тысяч километров от Земли «Викинг» сел на Марсе и отправил первые снимки красной планеты. 28 июля еще одно землетрясение зашкалило за 8 баллов по шкале Рихтера. Ровно в 3 часа 45 минут китайский город Таншань был стерт с лица земли. В нем жили миллион шестьсот тысяч человек. В ту же ночь в шахте к югу от Пекина засыпало сорок тысяч шахтеров. На развалинах мегаполиса шесть миллионов жителей, лишившихся в одночасье крова, остались на улице под

проливными дождями. Китаю предстояло носить траур по семистам пятидесяти тысячам человек. А на следующий день самолет Сьюзен приземлился в Ньюарке.

Филипп ушел из агентства пораньше. По дороге он зашел в цветочную лавку и выбрал любимые Сьюзен красные розы и белые лилии. Потом заглянул в бакалею, купил полотняную скатерть, продуктов, чтобы приготовить хороший ужин, шесть маленьких бутылочек кока-колы (Сьюзен не любила пить из больших бутылок), всевозможных сладостей на десерт и большой кулек карамели с клубникой, которую Сью могла поглощать тоннами. Нагруженный по уши, он добрался до мастерской. Выдвинул письменный стол на середину, накрыл его скатертью, расставил тарелки и бокалы, сто раз удостоверившись, что тарелки стоят точно друг напротив друга, приборы лежат симметрично, бокалы выстроены ровно. Он высыпал конфеты в пиалу и поставил их на подоконник. Потом обрезал цветы и составил два букета. Красные розы он поместил в спальне на ночном столике справа от постели. Потом сменил постельное белье, поставил еще один стакан на полочку в крошечной ванной и тщательнейшим образом отмыл все краны, раковину и сам душ. Стояла уже глухая ночь, когда Филипп в последний раз обошел «свои владения», желая удостовериться, что все у него в порядке. Но наведенный порядок показался ему «слишком стерильным», и он стал прикидывать, что и куда передвинуть, чтобы комната казалась жилой. Поужинал он пакетиком чипсов, сжевав их над корзиной для бумаг, умылся в раковине на кухне и улегся спать на диване. Спалось ему плохо, он просыпался каждый час. Едва забрезжил рассвет, он был уже на ногах и спешил на автобус, который должен был довезти его до аэропорта в Ньюарке.

Девять часов утра. Самолет из Майами приземлится через два часа. В надежде, что Сьюзен прилетит первым рейсом, Филипп приехал заранее, застолбил «их» столик в баре, наклонив к нему стулья, и уселся возле стойки. Со своим нетерпением он пытался справиться, завязав разговор с барменом. Но тот был не из прислуги дорогих отелей, одетой в черные или белые смокинги и привыкшей с вниманием относиться к откровениям своих клиентов, а потому излияния Филиппа он рассеянно слушал в пол-уха. Между десятью и одиннадцатью часами Филипп сто раз порывался пойти встречать Сьюзен у дверей, но всякий раз удерживал себя на месте: она назначила ему свидание здесь, в баре, за этим столиком. В этом была вся Сьюзен, сложная, противоречивая. Она ненавидела напыщенность, но обожала символы. Когда самолет авиакомпании «Истерн Эйрлайнз» пролетел над полем, сердце Филиппа заколотилось, губы пересохли.

Самолет приземлился, и он тут же понял, что на этом рейсе ее нет. Сидя у окна, он видел, как по трапу спускаются пассажиры, как они идут вдоль желтой линии к терминалу. Наверняка она прилетит первым рейсом после обеда, «это куда более логично». И тогда, чтобы отвлечься от предстоящего долгого ожидания, он стал рисовать. Прошел час. Сделав на больших листах наброски с семи клиентов, зашедших и вышедших из бара, он захлопнул альбом и подошел к стойке. — Возможно, я покажусь вам странным, но я жду друга, он сегодня должен вылететь из Майами. Следующий самолет прилетит только в семь вечера. Мне предстоит убить еще шесть часов, а у меня закончились грифели.

Бармен недоуменно взглянул на него, не прекращая протирать стаканы и ставить их на полку. Филипп продолжил свой монолог:

— Иногда час кажется вечностью! Бывает, день летит, ничего не успеваешь сделать, а бывает, смотришь то и дело на часы, и кажется, что они встали. Не могу ли я помочь вам? Вытирать стаканы или еще что-нибудь делать... Брать заказы у клиентов, к примеру, лишь бы убить время. А то я свихнусь!

Бармен поставил на место последний стакан, обвел взглядом пустой зал и небрежно поинтересовался, что Филипп желает заказать, придвинув ему какой-то бестселлер, извлеченный из-под стойки. Филипп прочел название: «Пожалуйста, тише... Пожалуйста!» Поблагодарив, он вернулся на свое место. В обед бар заполнился, и Филипп заставил себя заказать еду, скорее чтобы порадовать бармена, чем свой желудок, который ничего не просил. Он взял сэндвич и съел его, не прерывая чтения сборника новелл Реймонда Карвера. В два часа, когда заступившая на работу официантка налила ему ...надцатую чашку кофе, он заказал кусочек торта, к которому так и не притронулся. Он по-прежнему читал первую новеллу. В три часа он заметил, что перечитывает битых десять минут одну и ту же страницу, в тридцать — одну и ту же строчку. Тогда он закрыл книжку и вздохнул.

В «боинге», вылетевшем из Майами в Ньюарк, Сьюзен, прикрыв глаза, мысленно представляла себе оранжевые лампы бара, вспоминала блестящий паркет и дверь с иллюминатором, куда большим, чем тот, возле которого она задремала.

К четырем часам, восседая на табурете у стойки бара, Филипп уже вытирал стаканы, слушая сменившегося бармена, рассказывающего ему какие-то эпизоды своей бурной жизни. Филипп, вдохновленный испанским акцентом бармена, несколько раз переспросил, откуда тот родом, и тот опять и опять повторял, что родился он в Мексике и никогда не бывал в Гондурасе. В пять часов бар опять заполнился посетителями, и Филипп

вернулся к своему столику. Все места были заняты, когда в бар вошла пожилая согбенная дама, на которую никто не обратил внимания. Филипп загородился альбомом, чтобы не встретиться с ней взглядом, но надолго его не хватило, чувство неловкости оказалось сильнее. Оставив на столе альбом и всякие мелочи, он встал и подошел к стойке, возле которой стояла старушка. Пожилая леди искренне поблагодарила его и медленно проследовала за ним, чтобы сесть на предложенное место.

Филипп, слишком взволнованный, чтобы держать себя в руках, настоятельно попросил даму проследить, чтобы его место никто не занял, и отправился за ее заказом к стойке. В течение последующей четверти часа она предприняла попытку завязать вежливую беседу, Филипп не откликнулся. При второй ее попытке он вежливо, но твердо предложил ей пить свою минеральную воду. Лишь через тридцать ужасно медленных минут она наконец поднялась! Кивнув Филиппу, старушка двинулась к выходу. Филипп следил, как она медленно удаляется.

Глухой рокот моторов над головой вывел его из задумчивости. Он едва не пригнул голову, когда DC3 пролетел над крышей терминала. Летчик, заходя на посадку, наклонил самолет вправо. Потом самолет выровнялся, подбираясь к отведенной ему посадочной полосе. Показались шасси, замерцали огоньки на крыльях. Вскоре большой круглый нос самолета приподнялся, и хвостовое колесо коснулось грунта. Винты пропеллеров постепенно стали видимыми. Возле терминала DC3 развернулся, двигаясь к месту стоянки возле бара. Самолет, на котором прилетела Сьюзен, сел. Филипп сделал знак официанту, чтобы тот вытер столик. Когда первые пассажиры спустились по трапу, Филипп испугался, что интуиция его подвела.

На Сьюзен были потертые джинсы и мужская рубашка навыпуск. Она похудела, но казалась вполне в форме. Высокие скулы стали еще выше от широкой улыбки, когда она заметила Филиппа за стеклом. Ему понадобилось титаническое усилие, чтобы, исполняя ее волю, оставаться на месте. Как только Сьюзен вошла в помещение терминала, на некоторое время исчезнув из его поля зрения, он отвернулся от окна и заказал два шарика ванильного мороженого, политых жидким шоколадом с миндалем и карамелью.

Несколько мгновений спустя Сьюзен прижалась лицом к иллюминатору и скорчила рожицу. Как только она вошла, Филипп поднялся. Заметив, что он устроился за тем же столиком, она улыбнулась. При ее кочевой жизни этот крошечный уютный уголок в недрах аэропорта приобретал определенную значимость. Она призналась себе в этом, еще

когда летела на маленьком почтовом самолете из Пуэрто-Кортеса в Тегусигальпу.

Когда она толкнула дверь, Филипп вынудил себя остаться на месте, а не броситься к ней. Сьюзен бы это не понравилось. Миновав третий столик, она скинула свой тяжеленный рюкзак и бегом кинулась к Филиппу, обняла, прижалась лбом к его плечу и вдохнула знакомый запах. Он повернул ее лицо к себе и заглянул в глаза. Оба молчали. Официант, кашлянув, насмешливо поинтересовался у Филиппа:

— Не желаете добавить сверху капельку взбитых сливок?

Они сели. Сьюзен поглядела на мороженое, сунула в него палец и слизнула карамель.

— Я очень по тебе скучал! — сказал Филипп.

— А я нет! — саркастически бросила она. — Ну рассказывай, как дела?

— Потом. Дай на тебя наглядеться.

Она изменилась, возможно, другие ничего бы не заметили, но не Филипп. Щеки впали, а за улыбкой таилась печаль, он чувствовал ее, но не мог объяснить. Словно каждая трагедия, свидетелем которой она оказалась, наложила на нее свой отпечаток.

— Почему ты так на меня смотришь, Филипп?

— Потому что ты удивительная.

Взрыв ее хохота разнесся по всему бару. Двое посетителей обернулись. Сьюзен прижала ладонь ко рту:

— Прошу прощения!

— Не извиняйся. Ты такая красивая, когда смеешься. Там тебе доводилось иногда смеяться?

— Знаешь, самое невероятное, что это «там» только кажется у черта на рогах, а на самом деле это совсем близко. Лучше расскажи мне о себе, о Нью-Йорке.

Ему нравится жить на Манхэттене. Он получил заказ в рекламном агентстве, сделал свой первый рекламный щит. Эскизы понравились, и его уже пригласили на следующий проект. Особых денег это не приносило, но все-таки уже что-то конкретное. Когда Сьюзен спросила, доволен ли он жизнью, Филипп лишь пожал плечами. Он поинтересовался, довольна ли она приобретенным опытом, нашла ли то, что искала. Она словно бы и не услышала его и продолжала свои расспросы: а родители, как поживают его родители? Родители Филиппа подумывали продать дом в Монтклере и переселиться на западное побережье. Филипп весь год с ними не виделся, только на День Благодарения навещал. Он ночевал тогда в своей бывшей

спальне, и ему было грустно. Он почувствовал вдруг, что отдаляется от родителей, впервые увидел, что они стареют, расстояние как будто оборвало нить времени и разрежало жизнь на череду выцветших картинок, где лица от раза к разу все больше менялись под влиянием жизненных перипетий.

— Когда люди живут вместе, — нарушил Филипп повисшее молчание, — они и не замечают, как меняются, а в конце концов теряют друг друга.

— Именно это, старичок, я тебе всегда и твердила. Жизнь вдвоем — штука опасная. Как по-твоему, я потолстела?

— Нет, мне кажется, наоборот. А к чему ты это?

— К нашему разговору. Я изменилась?

— Ты просто выглядишь усталой, Сьюзен, только и всего.

— Значит, изменилась!

— С каких пор тебя стала волновать твоя внешность?

— Да всякий раз, как я тебя вижу.

Она поглядела на остатки мороженого на дне креманки.

— Мне хочется чего-нибудь погорячее!

— Да что с тобой, Сьюзен?

— Должно быть, я нынче забыла принять мои таблетки-«веселушки»!

Она видела, что огорчила его, и уже жалела, что дала волю своему дурному настроению, но полагала, что их близость позволяет ей быть самой собой.

— Ты могла хотя бы сделать усилие!

— Ты о чем?

— Хотя бы притвориться, что рада меня видеть.

Она провела пальцем по его щеке.

— Ясен перец, я рада тебя видеть. Это не имеет никакого отношения к тебе.

— А в чем же дело?

— Трудно возвращаться на родину. Все кажется таким далеким от той жизни, какой я жила. Здесь есть все, ни в чем нет недостатка, а там нет ничего.

— Если у твоей соседки сломана нога, а у тебя только вывихнута лодыжка, твоя боль от этого меньше не станет. Попробуй быть чуть более эгоистичной, и тебе будет гораздо легче.

— Ух ты! Да ты становишься философом, старик!

Филипп резко встал, пошел к двери, вышел на минутку в коридор и тут же вернулся быстрым шагом. Наклонившись, он поцеловал Сьюзен в

шею.

— Привет, я так рад тебя видеть!

— Можно узнать, что за игру ты затеял?

— Никакая это не игра! Я ждал тебя два года, у меня мозоль на пальце от писания писем, потому что письма были единственной возможностью хоть как-то участвовать в твоей жизни. И мне показалось, что наша встреча началась совсем не так, как я ее себе представлял, вот я и начал все сначала!

Сьюзен некоторое время смотрела на него, а потом расхохоталась.

— Ты все такой же чокнутый! И мне тебя очень не хватало!

— Ну так рассказывай!

— Сначала ты. Все-все о вашей жизни в Нью-Йорке!

— А как насчет горячего?

— Ты о чем?

— Ты сказала, что хочешь чего-нибудь погорячее. Чего именно?

— Я уже расхотела! Спасибо. Мороженое было отличной идеей.

Оба испытывали странное чувство, не смели в нем признаться и не очень хотели о нем говорить. Время не прошло для них даром, два года они жили в разном ритме. Привязанность осталась прежней, подводили слова. Но, может быть, они подводили потому, что разлука уже подвергла коррозии их глубокую, искреннюю привязанность, обозначив между ними дистанцию, измеряющуюся не только в километрах?

— Доедай быстрее мороженое и пошли! У меня для тебя сюрприз.

Сьюзен опустила глаза и некоторое время сидела, сосредоточенно разглядывая креманку. Потом подняла взгляд.

— Я не успею... Я хочу сказать, что не остаюсь. Я согласилась продлить контракт. Они действительно нуждаются во мне, понимаешь? Мне очень жаль, Филипп...

Ему показалось, что земля уходит у него из-под ног. Он вдруг ощутил странное головокружение и почувствовал себя совершенно беспомощным как раз тогда, когда хотел быть особенно собран.

— Будь добр, не делай такое лицо.

Сьюзен положила руку на ладонь Филиппа, и он тут же отвернулся, не желая, чтобы она видела тоску и разочарование в его глазах. Чувство одиночества сдавило его сердце. Он погладил пальцем руку Сьюзен. Ее кожа утратила гладкость, появились морщинки, и он старался на них не смотреть.

— Знаю, это трудно, — проговорила она. — Там не возможно сохранить девичью кожу. Сам видишь мои ногти, а уж о ногах я вообще

молчу. Что ты хотел мне показать?

Филипп хотел показать ей свою студию на Манхэттене, ну да ладно, покажет в следующий раз. Он пристально поглядел на нее, и выражение его глаз изменилось. Сьюзен поглядела на часы.

— Сколько у тебя времени?

— Два часа.

— Всего-навсего?!

— Мало, конечно, но ты не представляешь, как мне пришлось изворачиваться, чтобы удрать и сделать этот крюк.

Она вытащила завернутый в коричневую крафтовую бумагу пакет и положила на стол.

— Отнеси этот пакет по адресу, очень тебя прошу! Это наша контора в Нью-Йорке — и один из липовых предлогов, которым я воспользовалась, чтобы повидаться с тобой.

Филипп даже не взглянул на пакет.

— Я думал, ты работаешь на гуманитарную организацию. Мне и в голову не приходило, что ты в воспитательном лагере.

— Теперь ты знаешь!

— Расскажи поподробнее.

За два года она успела себя зарекомендовать. Ее направили в Вашингтон дать обоснование запрошенным кредитам, а потом она должна как можно скорее вернуться с медикаментами, перевязочными материалами и непортящимися продуктами.

— А пока они будут все это паковать? У тебя же будет какое-то время.

— Паковать все буду только я! Я специально для этого и приехала! Я должна забрать с собой только то, что нам действительно нужно, а не тонну всяческой хрени, которую они готовы нам спихнуть.

— А что конкретно вам необходимо?

Она сделала вид, что достает из кармана список и читает его:

— Ты идешь по левому проходу, а я — к холодильникам в глубине магазина, встречаемся у касс. Ты все запомнил? Нам нужны школьные принадлежности, триста тетрадок, девятьсот карандашей, шесть классных досок, сто упаковок мела, учебники испанского, пластмассовая посуда, вся, которая найдется на полках, примерно шестьсот тарелок, две тысячи ножей, столько же вилок и вдвое больше ложек, девятьсот одеял, тысяча пеленок, тысяча полотенец, сотня комплектов постельного белья для диспансера...

— Лично мне нужна только ты, Сьюзен.

— ...две тысячи компрессов, триста метров хирургической нити,

оборудование для стерилизации, стоматологические инструменты, иглы, стерильные тампоны, расширители, зажимы, пенициллин, аспирин, антибиотики широкого действия, анестетики... Извини, это не слишком забавно.

— Ну, не все так плохо! Я могу хотя бы полететь с тобой в Вашингтон?

— Тебя со мной не пустят. И представь себе, в лучшем случае нам дадут лишь двадцатую часть того, что нам нужно.

— Ты уже говоришь «нам», говоря о тех местах?

— Да? Я не заметила.

— Когда ты вернешься?

— Понятия не имею. Думаю, через год.

— Но в следующий раз ты останешься?

— Филипп, не делай из этого трагедии. Если бы один из нас уехал учиться в университет на другом конце страны, было бы то же самое, разве нет?

— Нет, каникулы не длятся два часа. Ладно, не буду занудствовать. Мне грустно, и у меня не получается это скрыть. Сьюзен, ты всегда будешь выбирать любые предлоги, лишь бы с тобой этого не произошло?

— Не произошло чего?

— Ты боишься потерять себя, привязавшись к кому-то. Прекрати смотреть на часы!

— Я вижу, что пора сменить тему, Филипп!

— Когда ты остановишься?

Она выдернула руку, глаза ее сузились.

— А ты?

— В чем ты хочешь меня остановить?

— В твоих занятиях великой карьерой, средними эскизами, мелочной жизнью.

— Теперь ты злишься!

— Нет, просто я, в отличие от тебя, говорю прямо: это лишь вопрос выбора слов.

— А я просто скучаю по тебе, Сьюзен, и имею слабость тебе в этом признаваться. Ты и понятия не имеешь, в каком бешенстве я иногда бываю.

— Наверное, это мне нужно было выйти из бара и снова в него войти. Мне действительно очень жаль. Клянусь, я не думала, что говорю.

— Но, если ты так думала, пусть даже и не совсем так, дела это не меняет.

— Но я не хочу останавливаться, Филипп. Во всяком случае, сейчас. Я

живу трудной жизнью, иногда невыносимо трудной, но мне кажется, что я действительно делаю что-то важное.

— Именно это меня и злит, именно это я и нахожу абсурдным.

— Злит что?

— Что я не могу вызвать у тебя подобных чувств, что ты отзывчива только на боль других, чужая боль помогает тебе бежать от своей, с которой ты боишься встретиться лицом к лицу.

— Ты достал меня, Филипп!

Неожиданно он повысил голос, чем несказанно удивил ее, и — редкий случай — она не смогла его прервать, хотя ей совсем не нравилось то, что он говорил. По его мнению, дело было совсем не в ее человеколюбии. По его мнению, Сьюзен пряталась от своей жизни и жила чужой с того печального лета, когда ей исполнилось четырнадцать лет. Спасая жизни других, она пыталась спасти своих родителей, чувствуя себя виноватой в том, что в тот день не болела страшным гриппом, который удержал бы их дома.

— Не пытайся меня перебить, — властно продолжил он. — Я отлично знаю все твои состояния, все твои защитные средства. Могу расшифровать любое выражение твоего лица. Правда в том, что ты боишься жить и, чтобы преодолеть этот страх, отправилась помогать другим. Но так ты себе не поможешь, Сьюзен, ты не свою жизнь отстаиваешь, а чужую. Какой странный выбор — пренебрегать теми, кто тебя любит, и отдавать свою любовь тем, кто тебя в жизни в глаза не видел! Я знаю, тебя это поддерживает, но ты-то себя не знаешь.

— Иногда я забываю, что ты меня так любишь, и мне стыдно, что я не умею любить тебя так же.

Стрелки часов бежали с ненормальной скоростью. Филипп смирился. Ему так много хотелось сказать ей, ну да ладно, он ей напишет. У них едва было время просто немного побыть вдвоем впервые за два долгих года ожидания. Сьюзен чувствовала усталость. Она нашла, что Филипп повзрослел, возмужал. Он счел это комплиментом. «Ты еще больше похорошела». Оба понимали, что этих кратких мгновений вместе недостаточно. Когда скрипучий голос по громкоговорителю известил о начале посадки на ее рейс, Филипп остался сидеть за столиком. Сьюзен поглядела на него.

— Я провожу тебя до дверей только тогда, когда ты пробудешь не меньше четырех часов, учти для следующего раза. — Он заставил себя улыбнуться.

— Какие у тебя губы, Филипп! Ты похож на Чарли Брауна!

— Я рад, это твой любимый мультик!

— Я дурака валяю, но ты же знаешь... Сьюзен встала. Он взял ее за руку и сжал.

— Знаю. Беги!

Он поцеловал ей ладонь, а она, наклонившись, чмокнула его в самый уголок губ. Выпрямившись, она ласково погладила его по щеке.

— Вот видишь, и ты стареешь! Колешься!

— Как всегда через десять часов после бритья. Беги, а то опоздаешь!

Сьюзен развернулась и пошла к выходу. Она была уже в конце прохода, когда он крикнул ей вслед, чтобы берегла себя. Не оборачиваясь, Сьюзен подняла руку и помахала. Тяжелая деревянная дверь медленно закрылась за ней. Филипп еще с час просидел за столиком после того, как ее самолет растворился в небе. Потом на автобусе вернулся в Нью-Йорк; была уже ночь, и он решил побродить по улицам Сохо.

Перед витриной ресторана «Фанелли» он приостановился. Круглые плафоны освещали желтым светом матовые стены. Висящие в деревянных рамах портреты Джо Фрезера, Луиса Родригеса, Шугара Рея Робинсона, Роки Марчиано и Мохаммеда Али смотрели в зал, где смеющиеся мужчины поглощали гамбургеры, а женщины клевали кончиками пальцев жареную картошку. Филипп прислушался к себе: нет, есть ему не хотелось. И он отправился домой. В Вашингтоне Сьюзен вошла в номер отеля. Филипп в это же самое время стоял в спальне и смотрел на кровать. Коснувшись правой подушки, он вернулся в пустую гостиную. Он не стал убирать со стола, а лишь долго молча смотрел на него, а потом отправился спать на диван. Пакет он отнесет завтра.

10 октября 1976 года

Сьюзен,

мне следовало бы написать тебе гораздо раньше, но я никак не мог подобрать слова. И потом, мне казалось, что на этот год я исчерпал лимит высказанных тебе глупостей, и поэтому переживал, только и всего. Ураган, налетевший на Мексику, вас не затронул? В прессе пишут, что погибло порядка двух тысяч пятисот человек и четырнадцать тысяч раненых. Мексика не так далеко от тебя, и каждая скверная новость из близкого к тебе региона меня пугает. Мне так хочется, чтобы ты забыла нашу ссору. Я не имел права говорить тебе такие вещи, я не хотел тебя осуждать и очень об этом сожалею. Я знаю, порой я сам так глупо тебя провоцирую. Виной всему моя дурацкая самоуверенность. Как будто мои слова могли бы заставить тебя вернуться, а мои мысли и чувства изменили бы ход твоей жизни... Говорят, некоторые великие истории любви начинались с прекращения судебного процесса. Ответь мне скоренько. Дай о себе знать.

Люблю.

Филипп

11 ноября

Филипп,

я получила твое письмо и...Ты имел полное право. Ты был не прав, но и на это у тебя есть право, и, пусть ты этого не хотел, но в словах твоих прозвучало осуждение. Я их не забыла. Наоборот, я часто над ними размышляю, иначе зачем вообще было их говорить? Лиза — так называли столь беспокоивший тебя ураган — прошла стороной. Тут и так все настолько сложно, что иной раз просто руки опускаются. Страна совершенно удивительная. Кровь мертвых уже высохла под землей. Из жалких обломков выжившие восстановили свои дома, собрали то, что осталось от их семей и жизней. Я приехала сюда в полной уверенности, что я умней, образованней, тверже, чем они. Но с каждым прожитым здесь днем я все больше убеждаюсь, что они

сильнее меня, а я гораздо слабее.

Мне кажется, это чувство собственного достоинства делает их воистину прекрасными. Это совсем не то что помогать жителям, пострадавшим от военных действий. Здесь грязную войну ведут ветры и дожди. Здесь нет ни хороших, ни плохих, только человечность и доброта среди ужасающей разрухи. Только мужество здешних людей возрождает жизнь на этом пепелище. За это я их и люблю и точно знаю, что именно за это восхищаюсь ими. Я приехала сюда, считая их жертвами, но они каждый день доказывают мне, что они вовсе не жертвы, и дают мне куда больше, чем я им. В Монтклере моя жизнь не имела бы смысла, я не знала бы, что с ней делать. Одиночество порождает нетерпеливость, нетерпеливость убивает детство. Не принимай близко к сердцу то, что я тебе скажу, но я чувствовала себя такой одинокой в нашем отрочестве, которое мы с тобой прожили, будучи близки настолько, насколько смогли. Я знаю, что была очень порывистой, я и сейчас такая. Эта потребность нестись вперед вынуждает меня жить в том темпе, которого ты не понимаешь, потому что он отличен от твоего.

Я уехала, не сказав тебе очень важной вещи: Филипп, я очень по тебе скучаю и часто перелистываю наш фотоальбом, снова и снова рассматривая дорогие нам обоим фотографии нашего детства. Прости меня за то, что я такая, какая есть, не способная жить ради другого.

Сьюзен

* * *

Таймс-сквер. В шумной толпе, всегда собирающейся здесь в канун Нового года, Филипп встретил институтских приятелей. Огромные цифры зажглись на фасаде здания «Нью-Йорк тайме». Наступила полночь, начался новый, 1977 год. На головы присутствующих, обменивающихся поздравлениями, обрушился дождь конфетти. Филипп чувствовал себя одиноким среди всех этих веселых, целующихся людей. Какие же они странные, эти дни, в которые положено радоваться согласно календарю.

Вдоль заграждения, пробираясь сквозь толпу, шла молодая женщина. Она нечаянно толкнула Филиппа, обошла его, обернулась и улыбнулась. Он поднял руку и помахал ей. Она кивнула, словно извиняясь, что не может двигаться быстрее. Их разделяло уже три человека, казалось, поток уносит женщину вдаль. Филипп поспешил протиснуться между двумя растерянными туристами. Женщина пропала, потом он увидел ее вновь, она словно бы вынырнула на поверхность, чтобы глотнуть кислорода. Филипп старался изо всех сил не потерять ее из виду. Дистанция между ними сократилась, до нее уже можно было докричаться среди шумной толпы. Последний рывок, и Филипп, оказавшись наконец рядом с ней, схватил ее за руку. Женщина удивленно оглянулась, и он, улыбнувшись, скорее прокричал, чем сказал:

— С Новым годом, Мэри! Если пообещаете не царапать мне руку, я приглашаю вас выпить по стаканчику, пока прилив не схлынет!

Улыбнувшись в ответ, она прокричала:

— Однако какой прогресс для человека, который отрекомендовался застенчивым!

— Это было больше года назад. У меня была масса времени.

— Вы много тренировались?

— Еще пара вопросов в этом шуме, и я оглохну! Не возражаете, если мы отправимся в какое-нибудь более тихое местечко?

— Я была тут с друзьями, но, по-моему, я окончательно их потеряла. Мы собирались встретиться в Даунтауне. Хотите присоединиться?

Филипп согласно кивнул, и они позволили толпе увлечь себя к нижней части города. В конце Седьмой авеню они свернули на Бликер-стрит и по ней выбрались на Третью. В «Blue Note», где их поджидали друзья Мэри, пианист наигрывал джазовые мелодии, никогда не выходящие из моды.

Холодным утром первого января на пустынных тротуарах Сохо лишь груды пустых бутылок свидетельствовали о разгуле ушедшей ночи. Город спал тяжелым сном. Лишь изредка рокот случайной машины нарушал тишину квартала, еще не очнувшегося от похмелья. Мэри вышла из дверей дома, в котором жил Филипп. Поежилась, кутаясь в пальто, от порыва ледяного ветра, дошла до перекрестка и подняла руку, останавливая желтое такси. Села в него, и машина исчезла на Бродвее. 2 января этого года Эррол Гарнер навсегда захлопнул крышку своего пианино, а Филипп отправился на занятия в университете.

В начале февраля Сьюзен получила письмо из Вашингтона. После запоздалых поздравлений с Новым годом и всяческих положенных по этому случаю пожеланий начальство предлагало ей подумать над тем, чтобы разбить наконец в горах новый лагерь для беженцев. Сьюзен предлагалось подготовить смету и приехать со своим проектом, как только она сможет. Дожди еще не прекратились. Сидя на крыльце своего дома, Сьюзен наблюдала, как льющаяся с неба вода впитывается землей.

Все это время она думала о людях, живущих в горах, которые из года в год, каждую зиму, сталкиваются с разгулом стихии, сводящей на нет все их летние труды. Через несколько недель они безропотно начнут все сызнова, лишь беднея с каждым новым сезоном. Хуан молча прикрутил самокрутку. Сьюзен тут же отобрала ее у него и глубоко затянулась:

— И что это ты у нас куришь, что так Индией пахнет?

— Это всего лишь смесь Табаков, крепкого и слабого, отсюда аромат, — хитро улыбнулся Хуан.

— Похоже на амбру.

— Я не знаю, что это такое.

— Запах моего детства. От моей мамы пахло амброй.

— Вы тоскуете по детству?

— По людям, с ним связанным, по родителям, по Филиппу.

— Почему вы не остались с ним?

— Он что, тебе заплатил, чтобы ты это выяснил?

— Я с ним не знаком, а вы мне ничего не ответили.

— Потому что не хочу.

— Вы странная, дона Бланка. От чего вы бежали, чтобы затеряться среди нас?

— Все наоборот, *sipote*, именно здесь я нашла себя, а ты достал меня своими вопросами. Как по-твоему, гроза продлится долго?

В ответ Хуан указал рукой на горизонт, где уже виднелись проблески света, возвещающие конец ненастья. Самое большее через час дождь прекратится. Запах мокрой земли и хвои наполнял все уголки ее скромной хижины. Сьюзен раскрыла дверцы шкафа, чтобы и вещи пропитались этим запахом. Когда она надевала хлопковую рубашку, напоенную этим ароматом, по ее коже пробежала чувственная волна.

Сьюзен выкинула «бычок», резко встала и широко улыбнулась Хуану.

— Прыгай в грузовик. Едем!

— Куда это?

— Да перестань ты все время задавать вопросы! Прежде чем завестись, «додж» пару раз чихнул. Его

огромные колеса увязли в грязи; побуксовав какое-то время, они наконец зацепились за грунт. Задний мост занесло, но мощным рывком машина выровнялась. С боков грузовик заляпало грязью. Сьюзен жала на газ. Ветер хлестал ей в лицо, она сияла от счастья и восторженно вопила. Хуан присоединился к ней. Они неслись к горам.

— Куда мы едем?

— Повидать малышку. Я по ней соскучилась!

— Дорогу размыло, мы не сможем подняться.

— Знаешь что говорил наш президент? Есть люди, которые видят вещи такими, какие они есть, и задаются вопросом «почему?». А я вот вижу их такими, какими они могли бы быть, и говорю себе: «Почему бы и нет?» Нынче вечером мы будем ужинать с сеньором Роландо Альваресом.

Если бы Кеннеди был знаком с гондурасскими зимними дорогами, он бы скорее всего подождал до весны, чтобы произнести свой афоризм. Шесть часов спустя, иначе говоря, на полпути, залеplенные грязью колеса уже не могли двигать машину вперед. Они буксовали, и запах жженой резины вынудил Сьюзен признать очевидное. Застряв на перевале, они не могли нынче вечером проехать оставшиеся шесть витков, отделявшие их от деревни, где жила девочка, занявшая так много места в сердце Сьюзен. Хуан слезил в кузов и притащил четыре джутовых мешка.

— Похоже, ночуем здесь, — лаконично изрек он.

— Иногда я настолько упертая, что сама себя с трудом выношу.

— Не переживайте, не у вас одной тяжелый характер.

— Не золоти пилюлю. Сегодня еще не День святой Сусанны, с комплиментами можно обождать.

— Почему вам захотелось повидать малышку?

— Что у нас там с продуктами? Жутко хочу есть, а ты?

Хуан порылся в одном из мешков и достал большую банку фасоли. Он бы с удовольствием приготовил ей casamiento, но для этого нужно было сварить рис, а лило все еще слишком сильно — костра не разожжешь. Сьюзен размочила чуть ли не целую пачку бисквитов в банке концентрированного молока, и бисквиты таяли во рту. По лобовому стеклу текли струи воды. Сьюзен выключила дворники, чтобы не сажать аккумулятор. К тому же снаружи все равно смотреть не на что!

— Похоже, вы привязаны к ней больше, чем к детишкам в долине.

— Что за чушь! Дело совсем не в этом. Просто ее я подолгу не вижу,

потому скучаю.

— А без Филиппа скучаете?

— Достал ты меня с Филиппом! И что тебе неймется?

— Да ничего. Просто я хочу хоть немного вас понять.

— Нечего тут понимать. Да, я скучаю по Филиппу.

— Тогда почему вы не с ним?

— Потому что предпочла быть здесь.

— Сеньора должна жить с тем мужчиной, которого она любит!

— Глупости говоришь!

— Не вижу, почему глупости. Мужчина тоже должен быть с той женщиной, которую любит.

— Это не всегда так просто.

— Почему вы, гринго, все усложняете?

— Потому что утратили простоту, из-за простоты мне у вас тут и нравится. Просто любить недостаточно, нужно еще быть совместимыми.

— Это как?

— Нужно любить ту жизнь, которую придется вести с другим, разделять его желания, стремления, иметь общие цели, общие мечты.

— Как можно все это определить заранее? Так не бывает! Нельзя узнать человека сразу. Чтобы любить, нужно набраться терпения.

— Ты обманул меня насчет твоего возраста?

— У нас пожениться с тем, кого любишь, счастье.

— А у нас одной любви недостаточно, как бы абсурдно это ни звучало. Я согласна с тобой, мы иногда странные, и я сама яркий тому пример.

Блеснула молния, и раскат грома прервал их разговор. Гроза возвращалась, усилившись. Молнии били по хрупким склонам горы Кабасерас-де-Нако все чаще. Переполненная водой почва не могла больше впитывать льющиеся с неба потоки, и вода устремились вниз, увлекая с собой целые пласты грунта. Больше Хуан ни о чем не спрашивал, на его лице, обычно спокойном и бесстрастном, теперь читалось явное беспокойство. Он попытался открыть окно, но не смог из-за резкого порыва ветра. Голова у Хуана подергивалась, как у выслеживающего добычу хищника.

— Что с тобой? — спросила Сьюзен.

— Молчите!

Прижавшись ухом к стеклу, он словно чего-то ждал. Сьюзен не сводила с него вопрошающего взгляда. Он прижал палец к губам, предлагая ей хранить молчание. Но она не выдержала:

— Да в чем дело, Хуан?

- Ради Бога, не мешайте слушать!
- Да что слушать-то, черт побери?
- Сейчас не время сквернословить. Я слышу движение почвы.
- Что?
- Помолчите!

Тишину нарушил глухой треск. Хуан с трудом приоткрыл дверцу. Резкий порыв ветра швырнул в кабину крупные капли дождя. Хуан глянул под колеса. Трещина прямо посередине склона говорила о худшем. Он приказал Сюэзен включить фары. Она мгновенно послушалась. Луч света разрезал мглу. Насколько было видно, дорогу пересекал обрыв.

- Перебирайтесь назад. Нужно немедленно отсюда убираться.
- Ты спятил?! Не видишь, что сыплется сверху?
- Это мы сейчас ссыплемся вниз! Скорее, не пытайтесь выйти через дверцу, делайте как я сказал!

Не успел он договорить, как грузовик накренился набок, словно корабль, который вот-вот перевернется. Схватив Сюэзен за руку, Хуан швырнул ее в кузов. Пытаясь устоять на ногах, она перешагнула через мешки. Хуан обогнал ее, откинул полог и, резко рванув Сюэзен за руку, перевалился с ней через борт грузовика. Приземлившись, он поволок ее к скале и заставил опуститься на корточки. Сюэзен увидела, как грузовик внезапно заскользил вниз и задом сорвался в обрыв. Кабина перевернулась, словно бы на прощание обратив к небу свет фар, и старый «додж» бесследно сгинул в пучине. Грохот ливня оглушал. Оцепеневшая от ужаса Сюэзен ничего не различала вокруг, и Хуану трижды пришлось ее звать, прежде чем она откликнулась. Нужно как можно скорее лезть вверх: почва под ними начинала осыпаться. Сюэзен уцепилась за Хуана, и они вскарабкались на несколько метров выше. Как в самом жутком кошмаре, Сюэзен казалось, что с каждым шагом они двигаются не вперед, а назад. И это было не просто ее ощущение: земля уходила у них из-под ног, увлекая их к бездне. Хуан кричал, чтобы она крепче держалась за его ноги, но онемевшие пальцы Сюэзен соскальзывали с мокрых штанов.

Прижавшись к оползающему склону, она захлебывалась в потоках грязи. Она отплевывалась из последних сил, она задыхалась. Перед глазами вскоре вспыхнул звездный хоровод, и Сюэзен потеряла сознание. Хуан на спине соскользнул к ней. Приподняв неподвижную голову Сюэзен, он положил ее себе на грудь. Освободив ее рот от набившейся в него земли, он повернул Сюэзен на бок и сунул два пальца ей в горло. Сюэзен вывернуло наизнанку. Хуан прижал ее к себе, изо всех сил цепляясь за какой-то корень. Он не знал, сколько сможет так продержаться, но понимал, что именно

столько они и проживут.

10 февраля 1977 года

Сьюзен,

где ты? Я волнуюсь. В новостях из Сальвадора говорят, что вооруженные банды герильос стягиваются к границе с Гондурасом. В «Нью-Йорк тайме» пишут об их вторжениях на гондурасскую территорию и периодических стычках. Черкни мне хотя бы пару строк, чтобы я знал, что ты жива-здоровая и в безопасности. Умоляю тебя, будь осторожней и ответь как можно скорее.

Филипп

Они держались уже часа два. Короткое затишье позволило им подтянуться вверх на несколько сантиметров, где они обрели более крепкую опору. Сьюзен пришла в себя.

— Я едва не утонула в горах. Мне никто не поверит!

— Берегите силы.

— У тебя скоро превратится в привычку затыкать мне рот.

— Мы еще не выбрались.

— Если бы твой бог хотел нас забрать к себе, мы были бы уже там.

— Опасность исходит не от Бога, а от горы и селя, а у них характер куда хуже вашего!

— Я устала, Хуан.

— Знаю. Я тоже.

— Спасибо, Хуан. Спасибо за то, что ты сделал.

— Если бы все люди, которых вы спасли, начали вас благодарить, то сколько уж месяцев мы в долине одни бы только «спасибо» и слышали!

— По-моему, ливень стихает.

— Ну, значит, самое время молить Бога, чтобы так оно и было.

— Тогда лучше это сделать тебе. Боюсь, у меня перед ним некоторые долги имеются.

— Ночь еще не скоро кончится, отдохните.

Они провели молча несколько часов в грохоте никак не стихавшей грозы. Около четырех утра Хуан задремал и ослабил хватку. Сьюзен тут же скользнула вниз, вскрикнув от неожиданности. Хуан дернулся, ухватил ее крепче и подтянул обратно.

— Простите, я уснул.

— Хуан, тебе самому нужно экономить силы. Вдвоем мы никогда не выберемся. Если ты меняпустишь, то сможешь выкарабкаться.

— Если вы и дальше собираетесь болтать чушь, то лучше вам помалкивать.

— Да у тебя просто мания затыкать мне рот!

Она замолкла, но вскоре вновь нарушила предписанное Хуаном молчание, принявшись рассказывать, как ей страшно. Он и сам думал, что настал их последний час. Пауза. Потом она спросила, о чем он думает. Он взывал к своим родителям. Сьюзен замолчала. И вдруг начала истерически хохотать.

— Что смешного?

— Филипп наверняка сидит сейчас перед телеком!

— Вы думаете о нем?

— Забудь, что я сказала. Как думаешь, нас похоронят как героев?

— Вам это важно?

— Не знаю. — Она колебалась. — Может, и важно. — Подумала еще. — Нет, пожалуй, не важно. Просто у меня не было красивой свадьбы, и мне бы хотелось рассчитывать хотя бы на красивые похороны.

Им надо было двигаться дальше. Почву под ними уже настолько размыло водой, что, даже если ливень наконец прекратится, она грозила в любой момент оторваться от склона и увлечь их за собою в пропасть. Хуан умолил Сьюзен сделать последнее усилие и начал опасный подъем. Крик Сьюзен заставил его обернуться. Ей зажало ногу. Придерживая Сьюзен одной рукой, он спустился и на ощупь высвободил ее ногу, придавленную неизвестно чем — в темноте ни черта не было видно. После мучительного подъема они добрались-таки до следующего, еще не смытого витка дороги и, перейдя ее, устроились у откоса горы. Могучий и непредсказуемый ураган вскоре величаво развернулся и удалился умирать в отроги горы Игнасио, за сто километров от здешних мест. Кorteж ливневых дождей проследовал за ним.

— Мне очень жаль, — проговорил Хуан.

— Чего?

— Я лишил вас красивых похорон! Мы спасены!

— Ну, это не страшно, не переживай. У меня есть две-три подружки, которые и в тридцать лет не будут замужем, так что я вполне могу повременить с похоронами, не рискуя прослыть старой девой!

Хуану не нравились ее шутки, и он встал, не желая продолжать разговор. Солнце все еще не взошло, им приходилось ждать рассвета, чтобы двинуться вверх по дороге в направлении деревни. Идти в темноте

было слишком опасно. Они промокли до нитки, и Сьюзен трясло — правда, не столько от холода, сколько от близости собственной смерти, которой только чудом удалось избежать. Хуан принялся энергично ее растирать.

Их взгляды встретились. Клацая зубами, она отстранилась от его лица. Ее голос дрожал:

— Хуан, ты очень красивый парень, но слишком молод, чтобы лапать меня за грудь. Может, ты так и не считаешь, и я могу это понять, но, с моей точки зрения, тебе надо подождать еще несколько лет.

Его взбесил ее тон. Она мгновенно это поняла по его сузившимся зрачкам. Не зная она легендарной выдержки своего вечного попутчика, испугалась бы, пожалуй, что он влепит ей пощечину. Хуан не сделал ничего. Он просто ушел от нее. Внезапно и бесследно канул в ночь, сразу сделавшуюся бесконечной.

— Хуан! — закричала она во тьму. — Я не хотела тебя обидеть!

В ответ донесся лишь монотонный стрекот кузнечиков, просушивающих крылышки перед началом дня.

— Не дуйся! Вернись, поговори со мной!

Впрочем, скоро рассветет. В ожидании первых лучей Сьюзен села, прислонившись спиной к дереву.

Усталость взяла свое, она задремала. Когда кто-то потряс ее за плечо, она решила, что это Хуан, но сидевший перед ней на корточках крестьянин оказался совсем на него не похож. Крестьянин смотрел на нее и улыбался. Казалось, дожди, выпавшие на его долю, оставили следы на его лице, избороздив его глубокими морщинами. Сьюзен ошеломленно огляделась. Внизу она увидела корягу, в которой застряла ее нога, чуть дальше выступ, за которым они прятались, и наконец вдали, на самом дне обрыва, кабину «доджа», практически полностью погребенную под слоем грязи.

— Ты видел Хуана? — слабым голосом спросила она.

~ Парня мы пока не нашли, но кроме нас двоих вас никто и не искал.

Отправились они на поиски потому, что вечером услышали рокот грузовика. Роландо Альварес уверил их, что видел мелькнувшие внизу огни фар, но сильная гроза не позволила сразу отправиться к ним на помощь. Роландо не смог никого уговорить. Как только буря немного стихла, он отправил двух крестьян с тележкой, запряженной ослом, убежденный, что в лучшем случае они привезут Сьюзен с Хуаном ранеными. Старший из крестьян сказал Сьюзен, что дону Бланку, должно быть, оберегает ангел-хранитель, коль скоро она уцелела в такую бурю.

— Будем искать Хуана!

— Чего искать, протрите глаза! Здесь все голо, и ни одной живой души

до самой долины. Вон справа торчат остатки вашей машины. Если он сам не добрался до деревни, значит, уже похоронен где-то под грязью. Мы сделаем крест и поставим в том месте, где вы сорвались с дороги.

— Это дорога сорвалась, а не мы!

Мужчина помоложе щелкнул кнутом, и осел понуро тронулся в путь. Пока он тащил телегу по дороге, Сьюзен не на шутку тревожилась о своем протее, который стал ее спасителем.

Час спустя они добрались до деревни. Спрыгнув на землю, Сьюзен выкрикнула имя Хуана. Никто не отозвался. И только тогда она заметила странную тишину, царившую на единственной улочке. Ни один мужчина не подпирал стену, покуривая сигарету, ни одна женщина не шла к колодцу. Она тут же вспомнила о столкновениях, случавшихся между горцами и бегущими из Сальвадора герильос. Но граница отсюда далеко, в эту часть страны они еще не добирались. Ее охватила паника. Она снова позвала Хуана, но ей откликнулось только эхо.

Хуан появился под навесом последнего домика в конце идущей вверх улицы. Его измазанное высохшей грязью, измученное лицо было печальным. Он медленно приблизился к Сьюзен. Та была в ярости.

— Ты в своем уме? Бросать меня вот так, не сказав ни слова, просто исчезнуть и все! Я не знала, что и думать! Не смей так со мной поступать! Ты не ребенок, насколько я знаю, так соображай, что творишь!

Он схватил ее за руку и поволок за собой.

— Идите за мной и замолчите.

Она уперлась и заявила, пристально глядя ему в глаза:

— Прекрати затыкать мне рот!

— Прошу вас, не шумите, у нас нет времени.

Он привел ее к дому, из которого вышел, и завел внутрь. Окна были плотно завешены цветастыми занавесками. Сьюзен потребовалось несколько секунд, чтобы глаза привыкли к полумраку. Она узнала стоявшего на коленях Роландо Альвареса. Он встал и повернулся к ней. У него были красные, опухшие глаза.

— Это чудо, что вы приехали, дона Бланка. Она все время вас зовет.

— Что происходит? Почему деревня обезлюдела?

Альварес подтолкнул ее в глубину комнаты и отодвинул занавеску, скрывавшую лежанку у стены.

Сьюзен увидела ту, ради которой предприняла эту безумную поездку. Девочка лежала без сознания. Мертвенно бледное личико, влажное от пота, не оставляло никаких сомнений относительно лихорадки. Сьюзен резко откинула простыню. Культя воспалилась и стала фиолетовой, ее пожирала

гангрена. Сьюзен приподняла рубашонку и увидела, что гангрена поднялась до паха. Инфекция уже распространилась по всему телу. У нее за спиной дрожащий голос Роландо говорил, что из-за бушевавшей три дня грозы он не смог отвезти дочку в долину. Он молился, чтобы приехал грузовик, и ночью понял, что Бог услышал его молитвы, но потом увидел, как фары машины осветили бездну. Теперь нужно благодарить Бога за то, что спаслась донна Бланка. Для его дочери уже слишком поздно, он почувствовал это еще два дня назад, у нее не осталось сил. Женщины сменяли друг друга у ее изголовья, но со вчерашнего дня она не открывала глаз и ничего не ела. Он хотел спасти ее еще раз, отдал бы свою ногу, будь это возможно. Сьюзен присела возле неподвижного тельца. Взяв тряпочку, лежавшую в миске с водой, она тихонько промокнула влажный лоб ребенка. Поцеловав малышку в губы, она зашептала ей на ушко:

— Это я, я приехала, чтобы тебя вылечить, все теперь будет хорошо. Я была внизу, в долине, и мне вдруг ужасно захотелось тебя увидеть, и вот я с тобой. Когда тебе станет лучше, я тебе все расскажу, это было такое приключение...

Сьюзен прилегла рядом с девчушкой и принялась перебирать ее спутавшиеся пряди. Она поцеловала малышку в горящую щеку.

— Я хотела тебе сказать, что люблю тебя, что скучала по тебе. Очень-очень. Там, внизу, я все время думала о тебе. Я хотела приехать раньше, но не могла из-за дождя. Хуан тоже здесь, ему тоже захотелось с тобой повидаться. Я приехала за тобой, чтобы ты провела со мной несколько дней в долине. Нужно будет свозить тебя на побережье, я научу тебя плавать, и мы с тобой будем прыгать в волнах. Ты никогда этого не видела, но это так красиво. Когда над водой встает солнце, океан светится, словно огромное зеркало. А потом мы поедем дальше, в большой лес, там много прекрасных животных.

Сьюзен прижимала малышку к себе и чувствовала, как затихают последние удары ее сердца. Поддерживая ее головку, как-то разом вдруг потяжелевшую, она напевала колыбельную и баюкала малышку до самого вечера. С наступлением сумерек к ней подошел Хуан, опустил на колени.

— Теперь нужно оставить ее и прикрыть ей лицо, чтобы она могла подняться на небеса.

Сьюзен молчала, пустыми глазами уставившись в потолок. Хуану пришлось поднимать ее, придерживая за плечи. Он вывел ее на улицу. В дверях она обернулась. Одна из женщин уже накрыла тело. Сьюзен прямо у стены опустилась на землю. Хуан присел рядом, прикурил сигарету и передал ей. После первой затяжки Сьюзен закашлялась. Так они и сидели,

глядя на сверкающие в небе звезды.

— Думаешь, она уже там? — Да.

— Я могла приехать раньше.

— Почему вы думаете, что все в ваших руках? Вы ничего не понимаете в Божьей воле. Дважды Он уже призывал ее к себе, и дважды люди пошли наперекор его воле. Альварес вытащил ее из грязевого потока, а потом вы отвезли ее на операцию. Но его длань всегда сильнее. Он хотел забрать ее к себе.

По щекам Сьюзен текли слезы. От гнева и боли сводило живот. Роландо Альварес вышел из дома и направился к ним. Он уселся рядом со Сьюзен. Уткнувшись головой в колени, она взорвалась:

— В какую же церковь нужно идти молиться, чтобы перестали страдать дети, потому что если умирают они, то кто же тогда невинен на этой безумной планете?!

Альварес, вскочив, гневно уставился на Сьюзен.

— Бог не может быть повсюду, не может спасти всех, — жестко произнес он. Сьюзен казалось, что этот его бог уже давным-давно забыл о Гондурасе.

— Хватит сидеть и жалеть себя, — рявкнул Альварес. — В этих долинах лежат сотни детских тел. Это была всего лишь сирота, потерявшая ногу. Ей лучше с ее родителями, чем здесь. Вам нужно научиться смирению, чтобы это понять. Эта боль не ваша, а наши земли и так слишком переполнены водой, чтобы вы еще добавляли к ней свои слезы! Если не можете держать себя в руках, уезжайте домой!

Мужчина развернулся и пошел прочь, вскоре его внушительная фигура скрылась за поворотом улицы.

Хуан оставил погружившуюся в молчание Сьюзен и двинулся вслед за Альваресом. Он нашел его стоящим у земляной стены. Альварес плакал.

* * *

Весна прошла под знаком траура чередой писем, пересекавших где-то в небе над Центральной Америкой.

В марте Филипп беспокоился потому, что в нью-йоркских газетах много писали о военном положении в Никарагуа, чьи границы, на его взгляд, были слишком близки к Гондурасу. Сьюзен ответила, что долина Су-лы находится вдали от всего. Каждое письмо Филиппа заканчивалось

фразой или словом, говорившими о боли, которую ему причиняет ее отсутствие. И в каждом своем ответе Сьюзен всячески избегала этой темы. Филипп работал в рекламном агентстве на Мэдисон-авеню. Каждое утро, пешком пройдясь по Сохо, он садился в автобус и за полчаса доезжал до офиса. С тех пор как они включились в борьбу за право проводить рекламную кампанию Ральфа Лорана, всю их группу лихорадило. Если они выиграют, то он тут же пойдет на повышение, он впервые выступил со своим проектом и уже мечтал, корпя над эскизами, о том дне, когда возглавит отдел. Работы, как обычно, было по горло, и сроки сдачи, что говорится, уже вчера.

Мэри, сбежав из его мастерской ранним утром первого января, потом позвонила ему, и они встречались два раза в неделю на углу Принс— и Мерсер-стрит, чтобы поужинать в «Фанелли», где отлично кормили. Под предлогом интересного сюжета для будущей статьи он частенько рассказывал Мэри о Сьюзен, сочиняя немыслимые истории на основе ее писем. Они так и сидели в дымном и шумном ресторанчике. Когда Филипп замечал, что веки Мэри тяжелеют и безвольно закрываются посреди фразы, он расплачивался и провожал ее пешком до дома.

С конца марта они оба почему-то начали смущаться, когда наступала пора прощанья. Их головы сближались, но в последний момент, когда поцелуй казался неизбежным, Мэри всякий раз ускользала, скрываясь в мрачных недрах своего дома. Филипп засовывал руки в карманы пальто и шел домой, размышляя о том, к чему же ведет эта странная связь между журналисткой-стажером и художником-рекламщиком.

Наряды женщин на улицах Нью-Йорка возвещали приход весны. Филипп не заметил ни апрельских почек, ни июньской листвы, настолько был поглощен работой. 14 июля удары молнии вывели из строя две электростанции Нью-Йорка, погрузив город во тьму на целые сутки. «Серьезная авария», попавшая на первые полосы газет всего мира, оказалась причиной бэби-бума девять месяцев спустя. Филипп провел эту ночь в одиночестве, рисуя за столом при свете трех свечей.

В середине августа, перед тем как выйти на свою первую работу в редакцию журнала *Cosmopolitan*, Мэри провела неделю у друзей в Хэмптоне.

Самолет Сьюзен вылетел из Майами. В Ньюарке ремонтировали терминал. Филипп ждал ее у трапа. Один раз не в счет. Сьюзен поставила рюкзак на землю и кинулась в его объятия. Они долго стояли обнявшись. Потом Филипп взял ее за руку, подхватил рюкзак и повлек ее к бару.

— А если наш столик занят?

- Я обо всем позаботился!
- Да остановись же ты, дай на тебя поглядеть. Ты постарел!
- Очень любезно с твоей стороны, премного благодарен.
- Да нет, ты стал еще красивей.

Она провела пальцами по его щеке, нежно улыбнулась и потащила в бар, ставший для них «своим». Несмотря на усталость, она сияла. Он долго расспрашивал ее о прошедшем годе, словно желая стереть из памяти последние минуты их предыдущей встречи; она ни словом не обмолвилась о том, как провела зиму. Пока она описывала ему свой обычный день, он набросал в альбоме ее лицо.

— А как поживает твой Хуан?

— Я все думала, когда же ты о нем спросишь. Хуан уехал. Одному Богу известно, увижу ли я его когда-нибудь снова.

— Вы поссорились?

— Нет, все гораздо сложнее. Умерла одна маленькая девочка, и с тех пор все изменилось. В ту ночь будто что-то сломалось, и мы так и не сумели это починить. Кончилось тем, что мы часами не разговаривали, злобно уставившись друг на друга, словно были в чем-то виноваты.

— Что же произошло в ту ночь?

— Шел дождь, дорога обвалилась, он едва не погиб из-за меня.

Больше она ничего ему не рассказала. Некоторые вещи касаются лишь участников событий. В начале мая Хуан пришел к ней с большой зеленой холщовой сумкой на плече. Сьюзен спросила, куда это он собрался. Гордо глядя ей прямо в глаза, он заявил, что уезжает. Она сразу поняла, что будет скучать по нему, как по всем тем, близким и далеким, кого она любила и кто всегда почему-то исчезал из ее жизни. С крыльца своей скромной лачуги, подбоченясь для пущей выразительности, она костерила его на чем свет стоит. Хуан и бровью не повел, она замолчала. Потом не выдержала, обняла его и накормила ужином.

Убрав вымытые тарелки в шкаф, Сьюзен вытерла руки о штаны и повернулась к Хуану. Тот уже стоял посреди единственной комнаты с сумкой у ног в явном замешательстве. Сьюзен улыбнулась, желая облегчить ему прощание, и пожелала счастливого пути и успеха в жизни. На мгновение забыв о своей застенчивости, он подошел к ней. Сьюзен обхватила ладонями его лицо и поцеловала в губы. Ранним утром он ушел по дорогам своей страны к какому-то новому этапу своей жизни. Несколько недель после его ухода Сьюзен боролась с тоской, глядя на дверь, на пороге которой отныне ее ждало лишь собственное одиночество.

— Скучаешь по нему?

— Хуан прав, нужно зависеть только от себя самого. Люди свободны, и привязанность — это глупость, это жажда боли.

— Значит, ты не останешься! Точнее, сколько часов ты пробудешь на этот раз?

— Не начинай сначала, Филипп!

— Почему? Потому что по твоему лицу я уже догадался о том, о чем ты еще не успела сказать: через час ты улетишь, а моя жизнь снова подвиснет до следующего года в красноречивом многоточии. Я знал, что ты не останешься, боже мой, я был готов к тому, что ты мне это скажешь. И до какого возраста ты собираешься ждать? Когда наконец ты задумаешься о нас, о семье?

— Мне двадцать четыре года, у меня полно времени!

— Я пытаюсь тебе сказать, что, отдавая свои силы столь многим людям, ты сама остаешься одна, в твоей жизни нет того, кто бы о тебе позаботился, защитил бы тебя или хотя бы занялся с тобой любовью.

— Да что ты знаешь? Подумать только! У меня что, вид изголодавшейся что ли?

Сьюзен орала, и Филипп мгновенно застыл. Он тихо, но внятно произнес, желая вернуть разговор в спокойное русло:

— Я не это хотел сказать, Сьюзен, не надо так орать.

— Я ору потому, что ты глухой! Я не могу жить ради одного человека, я ежедневно кормлю триста человек, я не могу иметь детей, потому что пытаюсь дать возможность выжить ста десяти детям только в одной моей долине!

— Ага! Так у тебя прибавление, еще десяток детишек? В последний раз их было сто!

— Прибавилось восемнадцать, но восьмерых я похоронила, так что получается сто десять, хотя это на

восемь смертей больше, тебе ясно? Я окружена сиротами, черт подери!

— И сама ты тоже сирота и хочешь ею остаться. Идея стать матерью тебя не прельщает?

— Ты долго думал, чтобы сказать такую чушь? Ты можешь понять, что мне просто нельзя иметь детей при той жизни, которую я веду, это слишком опасно.

Подошедший официант попросил их говорить потише. Подмигнув Филиппу, он поставил перед Сьюзен большую креманку с мороженым. На великолепном испанском он сообщил ей, что это за счет заведения и под шоколадом много миндаля. Отойдя от стола, он заговорщицки кивнул Филиппу, который сделал вид, что ничего не заметил.

— Что ему от меня надо? Почему он заговорил со мной по-испански? — оторопело спросила Сьюзен.

— Да ничего ему от тебя не надо, и говори тише, черт побери!

Тогда Сьюзен из вредности перешла на шепот:

— Я не желаю плодить сирот, у меня нет ни тети, ни дяди, на которых можно рассчитывать в случае чего.

— Перестань валить в одну кучу все эти предлоги и увертки, ты обманываешь только себя! В случае чего, как ты изволишь выражаться, я всегда буду на месте. Ты боишься эмоционально зависеть от кого-либо. Сьюзен, любить — не значит отказываться от своей свободы, это значит придавать ей смысл.

Он не хотел, чтобы их встреча закончилась как предыдущая, но не мог найти другой темы для разговора. Его мозг был не в силах обратить в слова все то, что скопилось у него на душе.

— И потом, тебя защищает мой медальон.

— Да, память у тебя работает безотказно, правда, избирательно, когда тебе это надо.

Она соизволила улыбнуться, поймав его взгляд в тот момент, когда тянулась рукой к вырезу джемпера, чтобы извлечь медальон наружу.

— Хочешь сходить в туалет переодеться? — вызывающе поинтересовалась она. — Ну-ка расскажи мне о своей мужской жизни.

Он вспыхнул, застигнутый врасплох, и, борясь с желанием, принялся рассказывать ей о своей работе в агентстве, хвастаясь возложенной на него ответственностью. Пусть и неофициально, но он уже возглавлял небольшую команду, которая вела шесть проектов. Если и дальше так пойдет, через два года он станет арт-директором. А в остальном ему особенно нечего рассказывать. Но она не позволила ему отделаться легким испугом.

— А твоя подружка, с которой ты ходишь в кино? Ей случается царапать тебя вне кинозала? Или только во время фильмов ужасов?

— Кстати сказать, это был вовсе не фильм ужасов!

— Тем более. Чего ломаться, в самом деле? Как там у тебя с ней?

— Да никак!

— Послушай, душа моя, если ты еще не стал импотентом, то в твоей жизни наверняка что-то происходит.

Он вернул ей комплимент. У нее нет на это времени, возразила Сьюзен, хотя призналась, что пару раз чуть было не закончила вечер в объятиях мужчины после посиделок в баре, но лишь потому, что искала утешения. Он привел тот же довод, объясняя свой статус одиночки. Сьюзен

снова пошла в наступление, на сей раз осторожней, и задала вопрос иначе. Он рассказал об ужинах с Мэри Готье-Томсон, журналисткой из Cosmopolitan, которую он три раза в неделю провожает до дома, чем и исчерпываются их отношения.

— Должно быть, она задается вопросом, все ли с тобой в порядке.

— Она тоже не предпринимает никаких шагов!

— Это ты здорово сказал! А что, теперь принято, чтоб первый шаг делала женщина?

— Ты что, толкаешь меня в ее объятия?

— Мне кажется, тебя и подталкивать-то сильно не надо.

— Тебя это устроит?

— Станный вопрос.

— Сомнения, они, знаешь ли, гложут, Сьюзен. Гораздо легче, когда кто-то решает за тебя.

— Решает что?

— Не оставлять тебе надежды.

— А вот это уже совсем из другой оперы, Филипп. Для такой истории требуется, чтоб подходящие друг другу люди встретились в подходящий для этого момент.

— Да уж, чего легче — сослаться, что время, мол, неподходящее, но каждый раз именно здесь и сейчас судьба вынуждает нас принимать решения.

— Ты хочешь знать, скучала ли я по тебе? Скучала! Часто? Почти все время, вернее, когда выдавалась свободная минута, и, хотя это покажется тебе глупым, я также знаю, что еще не готова.

Схватив его руку, она прижала ее к щеке. Филипп не сопротивлялся. Сьюзен прикрыла глаза, и на мгновение ему показалось, что еще немножко и она сломается. Ему хотелось, чтоб этот миг нежности длился долго-долго, но голос из громкоговорителя уже объявлял об их разлуке. Еще несколько секунд она не шевелилась, словно не слышала объявления. Он взглянул на нее вопросительно. Сьюзен сказала, что знает, слышала. Она посидела еще немного, положив голову ему на руку, потом резко выпрямилась и потянулась, продирая глаза. Они встали, он обнял ее за плечи, неся рюкзак в свободной руке. В коридоре, ведущем на посадку, она поцеловала его в щеку.

— Ты должен попытать счастья с этой твоей подружкой, великим репортером женской моды! Ну, если, конечно, она этого стоит. Во всяком случае, ты-то уж точно достоин большего, чем жалкое одиночество.

— Но мне и одному хорошо.

— Перестань, я слишком хорошо тебя знаю, ты терпеть не можешь одиночества. Филипп, мысль, что ты меня ждешь, греет душу, но она слишком эгоистична, чтобы я могла с ней согласиться. Я и вправду не очень уверена, что мне однажды захочется жить с кем-то вместе. И пусть даже я совершенно уверена, что если это случится, то этим кем-то станешь ты, все равно делать ставку на будущее нечестно. В конечном итоге ты меня возненавидишь.

— Ты закончила? Опоздаешь на самолет! Они побежали к дверям, слишком быстро приближающимся.

— И потом, небольшой флирт тебе не повредит!

— А кто тебе сказал, что это будет флирт?

Она лукаво погрозила пальцем, посмотрела на него и сказала:

— Вот он!

Потом повисла у него на шее, чмокнула в шею и побежала к трапу. Обернувшись напоследок, она послала ему воздушный поцелуй. Когда она исчезла, Филипп пробормотал:

— Многоточие до следующего года...

Вернувшись домой, он решил не поддаваться грусти, взял трубку и попросил секретаря Cosmopolitan соединить его с Мэри Готье-Томсон.

Вечером они встретились возле небоскреба. Мерцающие разноцветные огни причудливыми бликами расцвечивали прохожих на Таймс-сквер. В полутьме кинозала, погруженного в историю «Женщины под влиянием», он коснулся ее руки. Два часа спустя они поднимались пешком по 42-й улице. На перекрестке с Пятой авеню он взял ее за руку и повлек за собой, перебегая улицу перед потоком машин. Желтое такси отвезло их в Сохо. В «Фанелли» они съели один салат на двоих, обсуждая фильм Кассаветеса. У дверей ее дома он обнял ее и на мгновение коснулся губ.

Много дней подряд не переставая лил дождь. Вечерами порывы ветра неизменно предвещали грозу, и по ночам она бушевала в долине. По улицам стремительно неслись потоки воды. Подбираясь к домам, вода размывала хлипкие фундаменты. Вода протекала сквозь крыши, заливая жилища. Но крики и смех детей, называвших Сьюзен «маэстрой», по-прежнему звенели в те часы, когда она вела уроки в сарае, который заменял им школу. Во второй половине дня она обычно садилась в свой новый джип «вагонер», более покладистый и маневренный, чем ее старый «додж», о котором несмотря ни на что она вспоминала с сожалением, и отправлялась в долину развозить медикаменты, продовольствие, а иногда и официальные документы, которые она помогала заполнять. Изматывающие будни порой уступали место праздникам. В такие вечера Сьюзен отправлялась куда-нибудь в бар, где мужчины пили пиво или любимый местный напиток гуахо. Чтобы справиться с одиночеством и тоской гондурасской зимы, наступившей раньше обычного, Сьюзен иногда заканчивала ночь в постели мужчины, не всегда одного и того же.

10 ноября 1977 года

Сьюзен,

именно с тобой мне хочется поделиться этой новостью. Мою первую рекламную работу только что купили. Через несколько недель мой проект превратится в гигантский плакат, развешанный по всему городу. Мы рекламируем Музей современного искусства. Когда плакаты напечатают, я пришлю тебе один, и ты будешь изредка обо мне вспоминать, еще я пришлю тебе статью, которую опубликуют в профессиональном журнале, для которого я только что давал интервью. Мне недостает твоих писем. Я знаю, что ты по уши занята, но знаю также, что это не единственная причина твоего молчания. Я действительно по тебе скучаю, и, наверное, мне не стоит об этом говорить, но мне не хочется играть с тобой в догонялки.

Я надумал весной приехать к тебе в гости и чувствую себя виноватым, что мне раньше это не пришло в голову. Я эгоист, как и все. Хочу приехать посмотреть на твой мир, понять, что именно удерживает тебя вдали от нашей жизни и всех откровений нашего

детства. Парадокс твоего вездесущего отсутствия: я часто вижусь с подружкой, о которой тебе рассказывал, всякий раз провожаю ее до дома и сбегаю. Зачем я тебе это пишу? Потому что меня до сих пор преследует ощущение, что я предаю какую-то невысказанную надежду. Мне нужно избавиться от этого. А может, мои письма к тебе — это попытка проснуться?

Вполне возможно, завтра ты вернешься, но какбы мне хотелось, чтобы этого ожидания никогда не было, не слышать слов, какие ты наверняка мне скажешь, или научиться пропускать их мимо ушей.

Нет, я не приеду к тебе весной, это скверная мысль, даже если мне до смерти хочется это сделать. Мне кажется, что мне нужно отдалиться от тебя, и поперерывам в твоих последних письмах я чувствую, что в этом ты вполне со мной согласна.

Целую.

Филипп

Р. С. Семь часов утра. За утренним кофе перечитал написанное вчера и, пожалуй, дам тебе возможность прочитать то, что обычно отправляю в помойку.

* * *

Многое менялось вокруг Сьюзен, менялась и она сама. В лагере беженцев проживало уже двести семей, и постепенно их жизнь становилась все больше похожа на жизнь обычной деревни. Этой зимой письма от Филиппа приходили реже, и все трудней было на них отвечать. Сьюзен встретила Новый год со всей своей командой в полном составе в одном из ресторанчиков в Пуэрто-Кортесе. Погода стояла на удивление хорошая, и ночь они закончили на берегу. С началом нового года вся страна словно бы обрела второе дыхание. Снова заработал порт, и вот уже несколько недель вовсю трудились портовые краны. С раннего утра и до позднего вечера небо бороздили самолеты внутренних авиалиний. Мосты были восстановлены еще не все, но вобщем нанесенный ураганом ущерб уже сделался почти незаметным. Или же все привыкли? Звездные ночи

сулили хороший год и богатый урожай. Гудок одного из грузовых судов возвестил полночь и отправку полного трюма бананов в Европу.

* * *

Новогодним вечером Филипп зашел за Мэри к ней домой. Они собирались пойти на вечеринку, которую устраивала ее редакция на тридцать третьем этаже башни-небоскреба рядом с «Нью-Йорк тайме». Мэри облачилась в черное вечернее платье, накинула на плечи шелковую шаль, а сверху надела пальто. У обоих было хорошее настроение, и, хотя они отлично понимали, что в новогоднюю ночь до Таймс-сквер им придется добираться пешком, время от времени они оборачивались, тщетно пытаясь поймать такси. Ночь стояла ясная, теплая. Мэри молча улыбалась, а Филипп с жаром рассказывал ей о трудностях рекламного бизнеса. Они остановились у светофора на переходе через 15-ю улицу.

— Я слишком много болтаю, да?

— А что, у меня скучающий вид? — ответила она вопросом на вопрос.

— Для этого ты слишком хорошо воспитана. Извини, я просто выплескиваю скопившиеся за неделю слова. Я столько вкалывал, что почти и не разговаривал.

Внутри было не протолкнуться: в редакционном офисе собралось около трехсот человек, и празднование уже шло полным ходом. Целая бригада официантов сбивалась с ног, поднося еду к буфету, осаждаемому толпой. По большей части эти воины, облаченные в белые ливреи, были вынуждены возвращаться с полдороги, поскольку их подносы пустели прежде, чем они успевали добраться до цели. Разговаривать, слушать и даже танцевать в такой толкучке было совершенно невозможно. Два часа спустя Мэри помахала Филиппу, который беседовал с кем-то в нескольких метрах от нее. Он не разобрал, что она сказала, но ее палец указывал в единственно значимом направлении — на выход! Филипп кивком показал, что понял, и начал продвигаться к двери. Через пятнадцать минут они встретились у гардероба. Царившая в коридоре тишина их оглушила. Филипп нажал на кнопку центрального лифта, а Мэри направилась к огромным окнам, откуда открывался вид на город.

— С чего ты взял, что придет именно этот, а не левый или правый?

— Ни с чего, просто привычка. И потом, какой бы лифт ни пришел, посередине мне до любого из них одинаково близко...

Не успел он договорить, как на панели над его головой зажегся зеленый огонек и раздался звонок.

— Видишь, я угадал!

Мэри не шевельнулась. Она стояла, прижавшись лбом к стеклу. Филипп дал лифту закрыться и тоже подошел к окну. Не сводя глаз с улицы, она вложила свою руку ему в ладонь.

— С Новым годом, — сказала она.

— Да мы уже полчаса назад друг друга поздравили!

— Примерно в это же время в прошлый Новый год ты нашел меня, и тогда мы тоже пробирались сквозь толпу, только там, внизу, а не здесь. Вот, пожалуй, и вся разница. Но вообще-то мне жаловаться не на что, с тех пор мы поднялись на тридцать три этажа!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Филипп, вот уже год как мы ужинаем вместе три раза в неделю, год как ты рассказываешь мне всякую всячину, а я — тебе. За этот год мы обошли все улицы Сохо, Виллиджа, Нохо, а однажды в воскресенье добрались даже до моста Трайборо. Должно быть, мы пересидели на всех скамейках на Вашингтон-сквер, перепробовали все поздние завтраки в нижней части города, выпили во всех барах, и в конце каждого вечера ты неизменно провожаешь меня до дома и с этой своей смущенной улыбкой убываешь. И каждый раз, когда твой силуэт исчезает за углом, у меня сжимается сердце. По-моему, я уже хорошо знаю дорогу, и ты можешь позволить мне возвращаться домой одной.

— Ты не хочешь, чтобы мы встречались?

— Филипп, я равнодушна к тебе и не могу поверить, что ты этого не видишь! Когда же ты наконец перестанешь думать только о себе? Это тебе решать, прекращать или нет наши отношения, если они, конечно, вообще существуют! Не можешь же ты быть до такой степени слеп!

— Я причинил тебе боль?

Мэри глубоко вдохнула, подняла лицо к потолку и тихо выдохнула:

— Нет, это сейчас ты делаешь мне больно. Вызови этот чертов лифт, пожалуйста!

Филипп растерянно подчинился, и двери лифта тут же распахнулись.

— Слава тебе господи! — выговорила она. — У меня аж дыхание перехватило!

Она проскользнула в кабину. Филипп придержал двери, не зная, что ему делать и что сказать.

— Дай мне спокойно уйти, Филипп! — взмолилась она. — Я обожаю, когда ты валяешь дурака, но сейчас твоя глупость граничит с жестокостью!

Она оттолкнула его, и двери закрылись. Филипп вернулся к окну, словно желая увидеть, как она выходит из здания, проводить ее взглядом. Усевшись на подоконник, он уставился на копошащийся внизу людской муравейник.

* * *

Уже две недели длилась связь Сьюзен с заведующим диспансером, построенным за портом. Они встречались через два дня на третий, слишком уж велико было расстояние, но и этих вечеров хватало, чтобы на ее щеках появлялись ямочки, когда она улыбалась. Поездки в город ее «заряжали». Грохот грузовиков, пыль, гудки автомобилей и крики людей на улицах — все эти проявления кипучей жизни пьянили ее, выдергивая из ступора затянувшегося кошмара. В начале февраля она рассталась со своим снабженцем ради ужина в обществе пилота гондурасских авиалиний, по несколько раз на дню прилетавшего в Тегусигальпу на двухмоторном самолете. Вечером, возвращаясь в Сан-Педро, он взял за правило на бреющем полете пролетать над деревушкой Сьюзен. Тогда она прыгала в джип и мчалась вслед за самолетом, принимая заранее проигранное пари приехать раньше него.

Он поджидал ее у ворот маленького аэродрома в двадцати километрах от города. Бородатый, в кожаной куртке, он походил на идола пятидесятих годов, и ему это нравилось. А Сьюзен нравилось порой чувствовать себя как в кино.

Ранним утром он возвращался на аэродром, а она спешила к себе в деревню. Открыв окна джипа, она упивалась ароматом влажной земли и хвои. Позади нее вставало солнце, и когда она изредка оборачивалась, чтобы взглянуть на вздымающийся за ней шлейф пыли, то чувствовала, что живет. Но, когда красно-белые крылья самолета пролетели над ее крышей в двадцатый раз, глядя, как самолет превращается в маленькую точку на горизонте, Сьюзен на полпути развернула машину и вернулась домой. Кино закончилось.

* * *

Филипп с букетом в руке нажал кнопку домофона. Через несколько секунд замок открылся. Удивившись, он поднялся на четвертый этаж по разбитой лестнице. Пол скрипел под ногами. Не успел он нажать на звонок, как старая синяя дверь распахнулась.

— Ты кого-то ждала?

— Нет, с чего ты взял?

— Ты даже не спросила, кто это, когда я позвонил снизу.

— Во всем Нью-Йорке никто не звонит так коротко, как ты!

— Знаешь, ты была права!

— В чем?

— Во всем. Я в самом деле круглый дурак. Ты великодушная, блестящая женщина с чувством юмора, красавица, ты делаешь меня счастливым, а я слеп и глух.

— Не нужны мне твои комплименты, Филипп!

— Без разговоров с тобой я чуть было не спятил, без наших ужинов потерял аппетит и, как последний идиот, вот уже две недели пялюсь на телефон в ожидании твоего звонка.

— Потому что ты и есть последний идиот!

Он хотел возразить, но она не дала, прильнув губами к его губам, языком к его языку. Он выпустил из рук розы, чтобы ее обнять, и тут же был втянут внутрь крошечной квартирki.

Уже ночью в приоткрывшуюся дверь высунулась рука Мэри и забрала лежавший на коврике букет.

* * *

Школа отнимала у Сьюзен все больше времени. В классе теперь ежедневно собиралось около шестидесяти учеников, их число колебалось в зависимости от настроения ответственного за их доставку в школу и усердия самих ребяташек. Ученикам было от шести до тринадцати лет, и Сьюзен приходилось изобретать самые разнообразные программы, чтобы им захотелось прийти в школу и на следующий день, и в дальнейшем. В середине дня она обедала маисовой галетой в обществе своей новой сотрудницы Сандры. Сьюзен сама ездила за ней в Сан-Педро, молясь про себя, чтобы та не прилетела на самолете с красно-белыми крыльями. Опасаясь ненужной встречи, она предпочла подождать новенькую в бараке, заменявшем собой терминал.

Напрасно она беспокоилась: пилот красно-белого самолета садился и тут же взлетал, никогда не вылезая из кабины.

Сандра была молодой и красивой. Жить ей пока было негде, и она поселилась у Сьюзен на несколько дней, может быть, на одну-две недели... Как-то утром, когда они пили кофе, Сьюзен пристально оглядела девушку с головы до ног.

— Советую тебе следить за собой! При местной жаре и влажности скоро у тебя вся кожа покроется прыщами.

— Я не потею!

— Это пока, моя дорогая! Скоро ты будешь потеть как все, можешь мне поверить! Уже сегодня, как только поможешь мне загрузить машину! Нам предстоит раздать пятнадцать мешков муки.

Сандра вытерла руки о штаны и направилась к складу. Сьюзен последовала за ней. Увидев, что двери склада открыты, она ускорила шаг и первой подбежала к зданию. Зайдя внутрь, Сьюзен в бешенстве оглядела полки.

— Черт, черт, черт!

— В чем дело? — поинтересовалась Сандра.

— У нас сперли мешки.

— Много?

— Откуда я знаю! Двадцать, тридцать... Придется проводить инвентаризацию.

— А зачем? Их ведь все равно не вернешь.

— Затем, что я за них отвечаю и главная тут я!

Я должна написать рапорт. Только этого мне не хватало!

— Успокойся, от твоей истерики ничего не изменится.

— Заткнись, Сандра! Здесь распоряжаюсь я, так что до следующего приказа придержи свое мнение при себе!

Сандра схватила ее за руку и притянула к себе, они оказались лицом к лицу. На лбу у Сандры вздулась синяя жилка.

— Мне не нравится твой тон, мне не нравишься ты сама, — проговорила она. — Я полагала, что это гуманитарная организация, а не военный гарнизон! Но, если тебе нравится строить из себя фельдфебеля, считай свои мешки сама!

Она развернулась и пошла прочь. Напрасно Сьюзен орала ей вслед, приказывая вернуться. Сандра даже не обернулась. Собравшихся на шум крестьян Сьюзен прогнала. Мужчины разошлись, пожимая плечами, женщины смирли ее недовольными взглядами. Подняв два валявшихся на полу мешка, она положила их обратно на полку. А потом до ночи

занималась делами, с трудом сдерживая ярость и слезы. Наконец, успокоившись, она решила немножко посидеть на улице. Прислонившись к стене, Сьюзен спиной ощущала ее тепло, постепенно распространявшееся по всему телу. Ощущение было приятным. Носком ботинка она написала на земле букву «Ф», на которую некоторое время смотрела, прежде чем затереть подошвой, потом написала букву «Х» и пробормотала:

— Почему ты ушел, Хуан?

Когда она вернулась домой, ни Сандры, ни ее вещей уже не было.

12 февраля 1978 года

Сьюзен,

у нас тут началось настоящее побоище, каких ты в жизни не видела, — сражение снежками. Я знаю, ты смеешься над нашими бурями, но та, что обрушилась на нас три дня назад, просто невообразима. Я заперт дома. Город полностью парализован снежным покровом, достигающим до крыш автомобилей. Нынче утром наконец выглянуло солнце, и с первыми его лучами все — и стар, и млад — высыпали на улицу, отсюда и первая фраза моего письма. Думаю, все же рискну вылезти за продуктами, хотя холод стоит собачий. Заснеженный город так красив! Мне недостает твоих писем. Когда ты приедешь? Может, в этот раз ты сможешь остаться хоть на два-три дня? Год начинается вроде бы неплохо и многообещающе. Начальство довольно моей работой. Ты меня не узнаешь: я почти каждый вечер куда-нибудь хожу, если только не засиживаюсь до утра за работой, что случается нередко. Мне как-то странно писать тебе о работе, словно мы с тобой внезапно оказались в мире взрослых, сами того не заметив. Однажды мы начнем говорить о наших детях и поймем, что сами стали родителями. Не морщись, я отсюда вижу! Когда я говорю «наши дети», это просто выражение, я не имею в виду твоих или моих, это просто образ. С тем же успехом я мог написать «наши внуки», но тогда ты бы тут же решила, что никогда не станешь настолько старой, чтобы быть бабушкой! Ох уж эти твои пессимистические взгляды! Как бы то ни было, время здесь летит с головокружительной скоростью, и я жду не дождусь весны, которая на этот раз, очень надеюсь, возвестит мне о приближении твоего приезда. Обещаю: в этом году никаких споров, я буду просто слушать твои рассказы, и мы действительно разделим с тобой эти драгоценные мгновения, которых я каждый раз жду как

Нового года летом. А пока тысячи поцелуев.

Филипп

В День св. Валентина Филипп с Мэри отправились на автостанцию. Они сели в 33-й автобус, ходивший между Манхэттеном и Монтклером, и вышли на перекрестке Гроув-стрит и Александер-авеню. Дальше они пошли пешком, и Филипп показывал Мэри памятные места своего детства. Когда они проходили мимо его бывшего дома, она спросила, не скучает ли он по родителям с тех пор, как те переехали в Калифорнию. Филипп не ответил. Он заметил, что в соседнем доме горит свет в окне комнаты, в которой прежде жила Сьюзен. Должно быть, какая-то другая девочка сейчас готовила там уроки.

— А здесь жила она? — спросила Мэри.

— Да. Как ты догадалась?

— Достаточно было проследить за твоим взглядом. Мысленно ты был где-то далеко.

— Потому что это далекое прошлое.

— Не такое уж и далекое, Филипп.

— Сейчас я живу настоящим...

— Ваше прошлое столь насыщено, что за ним порой трудно разглядеть хоть какое-то наше будущее.

Я не мечтаю об идеальной любви, но не желаю жить в условном наклонении и еще меньше в имперфекте. Чтобы как-то закончить разговор, Филипп поинтересовался, не хотелось ли ей когда-нибудь жить за городом? Рассмеявшись, она ответила, что в обмен на как минимум двоих детей она, быть может, и согласилась бы поселиться в провинции. Филипп заметил, что с вершины холмов виден Манхэттен, до которого всего полчаса на машине. Для Мэри видеть город и жить в нем было далеко не одно и то же. Не для того она училась журналистике, чтобы обосноваться в крошечном городишке, пусть даже и неподалеку от Большого Яблока. В любом случае ни он, ни она еще, слава богу, не достигли пенсионного возраста.

— Но здесь за те же деньги ты живешь в домике с садом, дышишь свежим воздухом и при этом можешь работать в Нью-Йорке. Одни преимущества, — не унимался он.

— О чем ты говоришь, Филипп? Неужели ты строишь планы, ты, рьяный приверженец сиюминутности?

— Перестань издеваться!

— Тебе не хватает чувства юмора. Это забавно, вот и все. Обычно ты

не можешь мне сказать, будем ли мы вечером ужинать вместе, и вдруг интересуешься, поеду ли я с тобой жить в провинцию. Нет, ну сам подумай, это ведь все равно что прыжок в пропасть!

— Только дураки никогда не меняют своих взглядов. Они вернулись в центр города, и он повел ее ужинать. Усевшись напротив него, она взяла его за руку.

— Значит, и ты можешь изменить свое мнение? — спросила Мэри.

— Сегодня не совсем обычный день, что-то вроде праздника. Ты не могла бы сменить тему?

— Ты прав, Филипп, сегодня особенный день, и ты привел меня под окна той, чей образ не дает тебе покоя.

— Ты так думаешь?

— Нет, Филипп, это ты так думаешь!

— Сегодня вечером я с тобой, а не с ней.

— Я думаю о завтрашнем вечере.

* * *

Две недели спустя в нескольких тысячах километров от Монтклера другой мужчина и другая женщина ужинали вместе. Кражу со склада так и не раскрыли. Отныне двери склада были заперты на цепь с замком, ключи от которого были только у Сьюзен, что вызывало определенное недовольство у остальных членов команды. Сандра вела себя все более враждебно и вызывающе, отказывалась подчиняться Сьюзен, и той пришлось пригрозить ей докладной в Вашингтон с требованием, чтобы девушку отозвали. Благодаря вмешательству Мелани, которая работала врачом в Пуэрто-Кортесе, конфликт удалось замять, и постепенно жизнь сотрудников Корпуса Мира в Гондурасе вернулась в нормальное русло. Всех, но не Сьюзен. Томас, директор диспансера, с которым у нее была короткая связь, пригласил ее к себе под деловым предлогом.

Сьюзен приехала в город в конце дня и ждала его возле диспансера. Наконец он вышел, снял белый халат и швырнул его в кузов джипа. Они отправились поужинать в маленький портовый ресторанчик, где Томас заранее заказал столик на террасе. Усевшись, они заказали по бутылке пива и принялись изучать меню.

— Как дела в диспансере? — поинтересовалась Сьюзен.

— Как обычно. Нехватка медикаментов, нехватка персонала, работы

невпроворот, ребята валяются с ног. Короче, рутина. У тебя-то как?

— Да у меня ведь команда раз два и обчелся, так что, пожалуй, попроще. Или же наоборот — не знаю.

— Хочешь, я пришлю тебе людей?

— Как-то это не вяжется с тем, что ты только что сказал.

— Послушай, ты имеешь полное право осатанеть от всего этого. Ты вправе устать, вправе все это бросить.

— Ты пригласил меня на ужин, чтобы потчевать этой чушью?

— Ну, во-первых, я тебя не ужинать звал... А во-вторых, все говорят, что вот уже несколько недель с тобой не все в порядке. Ты стала агрессивной, и до меня доходят слухи, что авторитет твой в деревне упал. Мы здесь не для того, чтобы снискать себе дурную славу, ты должна держать себя в руках.

Официант принес две тарелки тамалья. Сьюзен развернула лист банана, скрывавший кусок свинины в голландском соусе со взбитыми сливками. Щедро сдобрив свою порцию острым соусом, Томас заказал еще две бутылки местного пива. Солнце зашло пару часов назад, почти полная луна наполняла пространство удивительным светом. Сьюзен, повернув голову, созерцала зыбкие отражения портовых кранов.

— Да уж, у вас, у мужиков, никто не имеет права на ошибку?!

— Так же как у врачей, будь то мужчина или женщина! Ты — лишь звено цепи, даже если осуществляешь руководство. Стоит тебе сломаться, и пострадает вся система!

— Послушай, у нас произошла кража, и это вывело меня из себя. Я не могу смириться с тем, что мы им тут помогаем, а они у своих же воруют жратву!

— Сьюзен, мне не нравится твой тон. У нас в госпиталях тоже бывают кражи. Или ты думаешь, у меня в диспансере не воруют?

Он взял салфетку, чтобы вытереть руки. Сьюзен схватила его за указательный палец, поднесла его к губам и слегка прикусила, хитро поглядывая. Облизала и отпустила.

— Кончай читать мне нотации, оставь меня в покое, — с улыбкой попросила она.

— Ты меняешься, Сьюзен.

— Оставь меня сегодня у себя, мне неохота возвращаться на ночь глядя.

Он расплатился и протянул ей руку, предлагая подняться. Они шли по набережной, Сьюзен обняла его за талию, положила голову на плечо.

— Я тону в одиночестве, и впервые в жизни мне кажется, что не смогу

выплыть.

— Возвращайся домой.

— Ты не хочешь, чтобы я осталась?

— Я говорю не о сегодняшнем вечере, а о твоей жизни. Тебе следует вернуться домой.

— Я не брошу.

— Отъезд не значит отказ, это еще и способ сохранить пережитое, если хватит ума уехать до того, как станет слишком поздно. Пусти меня за руль, я поведу.

Мотор завелся, выплюнув клуб черного дыма. Томас включил фары, и белые лучи осветили стену.

— Тебе нужно сменить масло, иначе тебе грозят неприятности.

— Не переживай, я привыкла к неприятностям.

Сьюзен сползла на сиденье и высунула ноги в окно, упершись в боковое зеркало. Тишину нарушал только рокот мотора. Томас остановил машину возле своего дома. Сьюзен не шелохнулась.

— Ты помнишь свои детские сны? — спросили она.

— Я не помню, что мне снилось вчера, а ты говоришь...

— Нет, я имею в виду, кем ты мечтал стать, когда вырастешь.

— Да, это я помню. Я хотел стать врачом, а стал снабженцем в диспансере. Как говорится, в цель, но не в яблочко!

— А я хотела стать художницей и рисовать разноцветной мир, а Филипп хотел стать пожарным и спасти людей. Теперь он художник в рекламном агентстве, а я вкалываю в гуманитарной организации. Похоже, мы оба в чем-то ошиблись.

— Это не единственное, в чем вы оба ошиблись.

— Ты о чем?

— Ты часто говоришь о нем, и всякий раз, когда произносишь его имя, в твоем голосе слышится тоска, это оставляет мало места для сомнений.

— Каких сомнений?

— Твоих! Мне думается, ты любишь этого человека, и тебя это пугает до судорог.

— Пошли в дом, я начинаю мерзнуть.

— Как тебе удастся быть такой храброй, когда дело касается других, и такой трусихой в отношении себя самой?

Рано утром она бесшумно выскользнула из постели и на цыпочках ушла.

* * *

Март пролетел в мгновение ока. Каждый вечер после работы Филипп встречался с Мэри. По будням они оставались у нее, чтобы иметь с утра лишних десять минут. В конце недели они переселялись на уикенд в его студию в Сохо, которую окрестили «загородным домом». Первые дни апреля дул северный ветер, и было довольно холодно. Почки на деревьях еще не распустились, и лишь календарь продолжал утверждать, что пришла весна.

Вскоре Мэри была принята в штат Cosmopolitan и решила, что пришла им с Филиппом пора подыскивать новое жилье, где они смогут разместить свою мебель и начать общую жизнь. И она погрузилась в изучение объявлений в поисках квартиры в Мидтауне. Там квартплата ниже, и оттуда обоим удобнее добираться до работы.

* * *

Сьюзен большую часть времени проводила за рулем джипа. Она колесила от деревни к деревне, развозя семена для посева и продукты первой необходимости. Порой она заезжала слишком далеко, чтобы возвращаться домой на ночь, и она завела привычку отправляться в многодневные поездки, забираясь в самую глубь долины. Пару раз она сталкивалась с сандинистами, скрывавшимися в горах. И удивлялась, что они забрались так далеко от границы. Ей казалось, что апрель никогда не кончится. Организм изнемогал от такой жизни. Бессонница вынуждала ее каждый вечер куда-нибудь выбираться, и вставать по утрам становилось все труднее и труднее. Как-то раз, загрузив джип десятью мешками кукурузной муки, в самый разгар дня она отправилась навестить Альвареса. До места она добралась во второй половине дня. Как только машину разгрузили, они отправились ужинать к нему домой. Альварес заметил, что выглядит она паршиво, и предложил ей приехать на несколько дней в горы отдохнуть. Сьюзен обещала подумать и в начале вечера отправилась восвояси, отклонив предложение переночевать в деревне. Зная, что не уснет, она проехала мимо своего дома и отправилась в таверну, еще открытую в столь поздний час.

Войдя в бар, она энергично отряхнула свитер и джинсы, взметнув

клубы пыли и сухой земли. Она заказала двойную порцию водки из сахарного тростника. Стоявший за стойкой мужчина взял бутылку и поставил перед ней. Смерив ее взглядом, он придвинул к ней стакан.

— Сама себе нальешь. Хорошо, что у тебя еще есть сиськи и длинные волосы, не то можно было бы подумать, что ты превратилась в мужика.

— И в чем смысл столь глубокомысленного замечания?

Наклонившись к ней, он вполголоса принялся ее поучать, желая придать своим словам тон дружеского совета:

— Тебя слишком часто видят с мужчинами, и не слишком долго с одним и тем же. Местные начинают о тебе болтать.

— И что же они говорят, эти самые местные?

— Не разговаривай со мной таким тоном, сеньора Бланка! Я тебе говорю в глаза то, о чем другие кричат за твоей спиной.

— Ах вот как! Когда вы шляется яйца наружу, то вы сердцееды, а если мы выставим грудь вперед, то мы шлюхи! А ведь чтобы мужик переспал с женщиной, нужно, чтобы эта женщина была в наличии.

— Не тревожь сердца женщин деревни, вот о чем я тебе твержу!

— У большинства из них если сердце и бьется до сих пор, так это отчасти благодаря мне, и я же их еще и раздражаю!

— Ни одна из них не просила у тебя милостыни, никто не звал тебя на помощь! Если тебе тут не нравится, возвращайся к себе. Посмотри на себя, ты вообще ни на что не похожа! Когда я думаю, что это ты маэстра, которая учит детей, то задаюсь вопросом: чему же они у тебя учатся?

Сидевший у стойки старик жестом велел ему замолчать, взгляд Сьюзен ясно показывал, что разговор зашел слишком далеко. Бармен решительно забрал бутылку и поставил на полку. Стоя к ней спиной, он заявил, что выпивка за счет заведения. Старик сочувственно улыбнулся беззубым ртом, но Сьюзен резко развернулась и пошла прочь. На улице она перегнулась через перила и выплеснула все содержимое желудка. Потом присела на корточки, чтобы прийти в себя. Возвращаясь домой, она запрокинула голову к небу, словно желая пересчитать звезды, но у нее закружилась голова, и ей пришлось остановиться. Совершенно обессилив, еле переставляя ноги, она доволоклась до крыльца своего дома.

10 мая 1978 года

Филипп,

этой зимой мы мало друг другу писали, бывают периоды более тяжелые, чем другие. Мне хотелось бы узнать, как ты поживаешь, как у тебя дела, счастлив ли ты. Твой плакат висит у

меня над кроватью, я узнала вид на Манхэттен с наших холмов в Монтклере. Иногда я представляю себе, что один из маленьких огоньков — это свет в твоём окошке. Ты работаешь над каким-то рисунком. Проводишь рукой по взъерошенным волосам, как ты обычно делаешь, грызешь карандаш. Ты никогда не меняешься. Мне приятно видеть один из моментов нашего детства. Я действительно странный человек. Я скучаю по тебе, и мне так трудно в этом признаться. Ты правда думаешь, что любовь может пугать так сильно, что вынуждает бежать прочь? Мне кажется, я постарела.

Звуки моего дома будят меня по ночам и не дают снова уснуть, мне то холодно, то жарко, и каждое утро я просыпаюсь с тягостными мыслями о том, что не доделала вчера. Погода стоит хорошая, я могла бы описать все окружающие меня пейзажи, рассказать о каждой минуте моего дня, лишь бы рассказывать тебе о себе. Этим летом я прилечу с тобой повидаться пораньше, в середине июня, мне нужно сказать тебе что-то очень важное, что мне хочется разделить с тобой сейчас и всегда. А пока посылаю тебе мою нежность и поцелуи, береги себя.

Сьюзен

2 июня.

Сьюзен,

а я скучаю по твоему голосу. Не утратила ли ты там свою привычку напевать? В твоём письме мне послышались грустные нотки. У нас лето в полном разгаре, и на террасах кафе полно народу. Я скоро перееду, забираюсь все выше и выше. Движение становится все интенсивней, а там я буду ближе к работе. Знаешь, здесь полчаса дороже золота. Все спешат, бегут, и практически невозможно остановиться на тротуаре — рискуешь быть затоптанным толпой. Я частенько задаюсь вопросом, не была ли ты права, отправившись жить туда, где воздух все еще пахнет воздухом. Должно быть, у тебя красивая жизнь, и я с нетерпением жду, когда ты мне о ней расскажешь. Я по уши в работе, но у меня есть для тебя хорошие новости по этому поводу. Что это за важная вещь, о которой ты говоришь? Я жду тебя, как всегда. До скорого.

Целую.

Филунн

«Боинг-727» компании «Истерн Эйрлайнз» вылетел из Тегусигальпы в десять утра, с двухчленным опозданием в связи с неблагоприятными погодными условиями. Стоя в терминале, Сьюзен с тревогой смотрела на надвигающиеся грозовые тучи. Когда стюардесса наконец открыла стеклянные двери, ведущие на взлетное поле, Сьюзен вместе с другими пассажирами бежала к трапу самолета уже под дождем. Вырулив на взлетную полосу, пилот запустил двигатели на полную мощность, чтобы противостоять порывам бокового ветра, который буквально сносил самолет с трассы, Шасси оторвались от земли, и самолет стал поспешно набирать высоту, стремясь как можно скорее прорваться за облака. Пристегнутую к креслу Сьюзен нещадно трясло и мотало во все стороны. Так сильно ее не трясло, даже когда она на полной скорости неслась в своем джипе по разбитому проселку. Двигаясь на северо-восток, самолетик преодолел горные хребты, но по ту сторону гор гроза обрушилась на него с удвоенной силой.

В фюзеляж ударила молния, и в 10 часов 23 минуты «черный ящик» зарегистрировал голос второго пилота, сообщавшего воздушному контролю об остановке второго двигателя. Самолет стал терять высоту. У Сьюзен закружилась голова, и к горлу подступила тошнота. Она прижала руки к животу. Самолет продолжал снижаться. Три минуты, показавшиеся вечностью, потребовались экипажу, чтобы вновь запустить двигатель и начать набирать высоту. До самого конца полета в салоне самолета царила мертвая тишина, которая обычно воцаряется после пережитого страха.

В Майами Сьюзен пришлось нестись сломя голову, чтобы успеть на пересадку. Бежать по коридорам оказалось настоящей пыткой, ее рюкзак весил чуть ли не тонну, и очередной приступ головокружения вынудил ее резко остановиться. Отдышавшись, она снова ринулась вперед, но было уже поздно. Сквозь стеклянные двери ей осталось лишь наблюдать, как взлетает ее самолет.

* * *

Филипп на автобусе ехал в аэропорт Ньюарка, время от времени

поглядывая в окно. У него на коленях лежал альбом. Сидевшая рядом с ним девушка наблюдала, как легкие прикосновения карандаша к бумаге рождают очертания женского лица.

* * *

Сьюзен вылетела следующим рейсом два часа спустя. Дурнота не отступала. Отодвинув поднос с едой, Сьюзен попыталась уснуть.

* * *

В баре ни души. Впрочем, как и всегда в предобеденное время, если только в городе не было какого-нибудь конгресса или же не начиналась пора отпусков. Филипп расположился за «их» столиком. После обеда бар снова опустел, и утреннего бармена сменил работавший днем. Дневной бармен узнал Филиппа и поздоровался с ним. Филипп перебрался за стойку поближе к нему и, слушая его болтовню, делал очередной набросок бара, шестой по счету в его альбоме, не считая того, что висел на стене над его рабочим столом в мастерской на Манхэттене. Закончив, он показал рисунок бармену, который снял свою белую куртку и протянул ее Филиппу. Филипп надел ее с заговорщицким видом. Они поменялись местами: бармен устроился на табурете, с удовольствием покуривая сигаретку, а Филипп принялся рассказывать ему свои новости, накопившиеся за этот год.

На протяжении всего дня два перевернутых стула не позволяли занять места за одним из столиков бара, что стоял возле самого окна.

Сьюзен прилетела в девять вечера.

— Как тебе удается каждый раз занимать это место?

— Во-первых, ты уже спрашивала меня об этом, когда улетала в первый раз, а во-вторых, я довольно способный парень! Я ждал, что ты прилетишь предыдущим рейсом. А вообще, как это ни странно, я ни разу не видел этот столик занятым.

— Люди знают, что он наш.

— С чего начнем наш взаимный обзор, с физического облика или морального?

— Я так сильно изменилась за этот год?

— Нет, у тебя лицо человека, долго пробывшего в дороге, вот и все.
Бармен поставил на столик традиционное мороженое, Сьюзен с улыбкой отодвинула креманку в сторону.

— А ты выглядишь отлично. Ну давай рассказывай, как у тебя дела.

— Ты что, не ешь мороженого?!

— Меня слегка мутит, полет был отвратительным, я перетрусилась, у нас отказал двигатель.

— Как? — встревожился он.

— Ну, как видишь, я здесь. В конце концов его удалось снова запустить.

— Может, хочешь что-нибудь другое?

— Нет, не надо, я не голодна. В этом году ты не больно-то много мне писал.

— Ты тоже.

— У меня на то были уважительные причины.

— Это какие же?

— Не знаю. Но ведь это ты мне твердил, что у меня всегда и на все найдется целая куча оправданий. Надо же мне хоть иногда ими пользоваться.

— Я говорил не «оправданий», а «предлогов». Что-то не так? Мне нужно точнее подбирать слова?

— Да нет, все нормально. Как твоя работа?

— Судя по тому как идут дела, самое большее через год я возглавлю отдел. За этот год мы сделали несколько действительно отличных работ. Может, я даже премию получу. Три моих проекта сейчас публикуются в женских журналах. Ко мне обратился даже один французский дом моды. Французы хотят вести переговоры только со мной, так что мой авторитет в агентстве растет на глазах.

— Здорово! Молодец! Горжусь тобой. И вид у тебя довольный.

— А у тебя усталый. Сьюзен, ты не заболела?

— Нет, Филипп, клянусь, никаких бактерий. Да бог с ними, с бактериями, скажи лучше, не завелось ли у тебя подружки?

— Слушай, не начинай, пожалуйста! Да, у меня сейчас есть подружка, ее зовут Мэри.

— Ну да, конечно, как я могла забыть ее имя?!

— Прекрати изгаляться. Мне с ней хорошо. Нам нравятся одни и те же книги, еда, фильмы, у нас даже появились общие друзья.

Сьюзен насмешливо улыбнулась.

— Очень практично! Поздравляю! Вы становитесь настоящей, крепкой

парой, это так трогательно!

С преувеличенным вниманием она наклонилась к нему, иронически вздернув брови.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Сьюзен. Да, это мало похоже на страсть, но по крайней мере не причиняет боли. У меня не ноет сердце целый день из-за ее отсутствия, потому что я знаю, что увижу ее вечером. Я не пялюсь на телефон, мучительно пытаюсь вспомнить, кто кому звонил в последний раз — я ей или она мне. Я не боюсь ошибиться с выбором ресторана или костюма, ляпнуть что-то невпопад. С ней мне не страшно просыпаться по утрам, потому что, открывая глаза, я чувствую, что она рядом и прижалась ко мне. С ней я не живу в постоянном ожидании будущего, я живу настоящим. Она любит меня таким, какой я есть. Да, нас связывает не пламенная страсть, но у нас нормальные человеческие отношения. Мэри делит со мной свою будничную жизнь, наши отношения укрепляются, они существуют.

— Вот так, значит! Получи, дорогая!

— Я говорил это не в укор тебе.

— Предупреди, когда будешь говорить в укор. А то у тебя и так все слишком здорово получается. Я даже подумать боюсь, что будет, если ты и в самом деле примешься меня укорять. Ты так хорошо о ней говоришь. И что же дальше?

Филипп опустил глаза, а потому не видел промелькнувшую в глазах Сьюзен боль, когда сообщил, что подумывает жениться на Мэри. Сьюзен провела по лбу тыльной стороной ладони, смахивая с лица грусть.

— Рада за тебя. Мне, конечно, немножко обидно делить тебя с кем-то, но я и правда за тебя рада.

— Ну а ты-то как? Что у тебя новенького?

— Ничего. Ровным счетом ничего. Все то же самое, что даже немного странно. Это отсюда все кажется удивительным, а там уже давно все стало обыденностью. Кто-то рождает, кто-то умирает, а в промежутке между родами и похоронами надо накормить целые поселения, вот и все. Мне пора. Знаешь, мне не удалось улететь тем рейсом, каким я собиралась, а последний на Вашингтон вылетает через полчаса, и я уже зарегистрировала на него мой чемодан.

— Не ври. Ты всегда едешь с одним рюкзаком. Ты не хочешь задержаться на ночь?

— Нет, у меня завтра встреча в семь утра.

Филипп расплатился по счету. Поднимаясь, он поглядел на растаявшее мороженое. Оно перемешалось с шоколадом, и в бело-коричневой жиже

уже утонул миндаль. Он обнял Сьюзен за плечи, и они вместе пошли к месту посадки на самолет.

Когда настала пора прощаться, он посмотрел ей в глаза.

— Ты уверена, что хорошо себя чувствуешь, Сьюзен?

— Ну да! Я просто устала, вот и все. И перестань, не то я проведу два часа, пялясь в зеркало, чтобы выяснить, что во мне не так.

— По-моему, ты писала, что хочешь сказать мне что-то важное?

— Не помню, Филипп. Во всяком случае, наверняка это было не так уж важно, раз я теперь не помню, что имела в виду.

Она протянула билет стюардессе, обняла Филиппа и крепко его поцеловала. Затем, ни слова не говоря, направилась к трапу. Филипп молча провожал ее взглядом, но в самый последний момент у него все-таки вырвалось:

— Последнее приглашение!

Сьюзен застыла на месте и медленно повернулась к нему. Ее губы скривила недобрая усмешка. Неспешным, уверенным шагом она пошла назад и, не дойдя несколько метров, выкрикнула:

— Что ты имеешь в виду под этим своим «последним приглашением»?

— Ты отлично меня поняла, Сьюзен!

Сьюзен властным жестом отстранила стюардессу, вознамерившуюся было преградить ей путь обратно. Приблизившись к Филиппу, она дрожащим от ярости голосом выдохнула ему прямо в лицо:

— Знаешь что я думаю об этом твоём «последнем приглашении», старичок?! Это ведь ты решил рискнуть, не я! Валяй, женись, настрогай ей сопляков, если тебе так хочется. Но если однажды я решу поменять свой образ жизни и приехать за тобой, то я тебя найду да же в сортире, и это тебе придется разводиться, не мне!

Она с силой притянула к себе его голову и жарко поцеловала в губы, потом так же резко его оттолкнула и, не говоря больше ни слова, пошла к самолету. В конце прохода она процедила сквозь зубы:

— Последнее приглашение!

Гондурас сотрясали отголоски возобновившихся в Никарагуа боевых действий. Ходили тревожные слухи, что вооруженные группировки повстанцев могут перейти границу. Самая нищая страна Центральной Америки не выдержала бы еще одного катаклизма. Присутствие Корпуса Мира хоть как-то ободряло население. Если бы ожидалось что-нибудь серьезное, Вашингтон бы их эвакуировал. Начало зимы принесло с собой новые разрушения. Все, что не успели починить и укрепить, исчезало с

лица земли под натиском ливней и свирепых ветров. Сьюзен из последних сил боролась с усталостью, одолевавшей ее все сильнее день ото дня. Ее здоровье не давало повода для беспокойства, а вот в душе царил сезон дождей.

* * *

В середине ноября Филипп повез Мэри на уикенд на остров Мартас-Винъярд. Долгая прогулка в сумерках вывела их на берег океана в тот самый момент, когда мимо проплывали киты. Они уселись на песок и, обнявшись, любовались огромными животными. С наступлением темноты откуда-то появились тучи, и это заставило их в спешке вернуться в отель.

* * *

Гром и молнии разрывали небо над домиком Сьюзен. Она больше не искала ничьих объятий, лишь сон желая обрести в постели, но тщетно: он покинул ее.

Три недели спустя, в начале декабря, в Никарагуа отменили военное положение, и Гондурас смог вздохнуть спокойно.

* * *

На Рождество Филипп с Мэри отправились на каникулы в Бразилию. С высоты 10 000 метров Филипп, прильнув к иллюминатору, пытался представить себе побережье, вырисовывающееся под пеленой облаков. Где-то там, под крылом самолета, железная крыша маленького домика укрывала прикованную к постели Сьюзен: она слегла под Рождество и проболела целый месяц.

* * *

С первыми днями февраля вернулось солнце. Его лучи развеяли тоску Сьюзен: на душе у нее потеплело. Вот уже неделя, как она была на ногах и понемногу возвращалась к жизни. Ее болезнь «от переутомления», как говорили в деревне, всем пошла на пользу. Крестьяне взяли на себя руководство складом, несколько женщин вели занятия в школе и работали в медпункте, а молодежь по очереди занималась развозом продуктов. Поделив между собой работу, которую обычно выполняла Сьюзен, жители деревни стали принимать активное участие во всех делах, и это их сплотило. Сьюзен проходила мимо яслей на главной улице, когда ее окликнул почтальон и вручил письмо. Оно было отправлено из Манхэттена 30 января и шло почти две недели.

29 января 1979 года
Сьюзен,

я только что вернулся из Рио. Дважды пролетая над твоей страной, я представлял себе, что мы пролетаем над твоим домом и я вижу тебя, стоящую на пороге. Как так вышло, что я ни разу к тебе не съездил? Может, просто потому, что и не нужно было приезжать, потому что ты не хотела или потому, что мне никогда не хватало на это смелости... Хотя ты так далеко от меня, ты по-прежнему остаешься самым близким мне человеком, поэтому, как бы странно тебе это ни показалось, но ты — первая (чуть было не написал «из моей семьи»), кому я должен это сообщить: я женюсь, Сьюзен. В новогоднюю ночь я сделал Мэри предложение.

Церемония состоится в Монтклере 2 июля. Приезжай, прошу тебя. Впереди еще целых полгода, так что у тебя будет время все устроить, на сей раз никаких предлогов и оправданий, будь здесь. Мне нужно, чтобы ты была рядом, ты самое дорогое, что у меня есть, я на тебя надеюсь. Целую и люблю,

Филипп

Сьюзен аккуратно сложила листок и убрала в карман рубашки. Она подняла голову к небу и стиснула губы так крепко, что они побелели. И пошла назад. Вернувшись на несколько шагов, она медленно вошла в помещение яслей.

Сьюзен вот уж в который раз перебирала в единственном своем шкафу юбки и рубашки, соображая, что же ей взять с собой в Монтклер; в это время Филиппу продавец предлагал уже по меньшей мере двадцатую по счету модель галстука-бабочки.

Сьюзен захлопнула дверь своего дома, а Филипп вышел от портного, держа в руках коробку с парадным костюмом.

Один из крестьян повез ее на аэродром, откуда на маленьком самолете ей предстояло добраться до Тегусигальпы, и плевать, если крылья этого самолета окажутся красно-белыми, ведь столько воды уже утекло под мостами Гондураса. Пока она ехала на аэродром, Филипп в сопровождении Джонатана, своего коллеги и будущего шафера, направлялся в парикмахерскую.

Сьюзен смотрела в иллюминатор на речку, сверкающую далеко внизу; Филипп из окна «бьюика» разглядывал прохожих на улицах Монтклера.

Он ходил по церкви из угла в угол, напряженно дожидаясь, когда ему подтвердят, что все готово к завтрашней церемонии; она мерила шагами терминал аэропорта Тегусигальпы, ожидая посадки на «бо-инг», вылетающий во Флориду с четырехчасовым опозданием.

По традиции ночь накануне свадьбы он должен был провести отдельно от Мэри, и Джонатан высадил его у роскошного отеля, где родители сняли для него номер. Она села в самолет, и ее «боинг» уже поднялся над облаками.

Она поужинала в самолете; он хотел лечь пораньше и перекусил прямо в номере, сидя на кровати.

Она прилетела в Майами и прилегла на скамейку в терминале «Истерн Эйрлайнз», намотав на руку лямку своего здорового рюкзака цвета хаки. Он выключил свет и попытался уснуть. Последний самолет до Нью-арка уже улетел, и она уснула.

Ранним утром она зашла в туалет аэропорта и замерла перед большим зеркалом. Потом умылась и попыталась причесаться. Он почистил зубы перед зеркалом в ванной комнате, умылся и тщательно пригладил волосы рукой.

Она еще раз окинула себя взглядом и, скептически скривив губы, вышла из туалета. Он вышел из номера и направился к лифтам.

Она зашла в кафетерий и заказала большую чашку кофе. Он встретился с друзьями возле гостиничного буфета.

Она попросила официанта принести ей сладкую булочку; точно такую же он положил на свою тарелку.

Незадолго до полудня он поднялся к себе в номер, чтобы подготовиться к предстоящей церемонии. Сьюзен протянула стюардессе посадочный талон.

— У вас на борту случайно нет парикмахерской?

— Прошу прощения, мисс?

— Посмотрите на меня: я прямо с самолета иду на свадьбу! В таком виде меня пустят разве что через черный ход!

— Проходите, пожалуйста, мисс, вы задерживаете очередь.

Сьюзен пожала плечами и двинулась вверх по трапу. Филипп достал из шкафа висевший на плечиках смокинг и сдернул с него пластиковый чехол. Извлек из белой картонной коробки рубашку, развернул ее; Сьюзен задремала в кресле, уткнувшись головой в иллюминатор.

Аккуратно разложив все предметы своего парадного облачения на кровати, Филипп отправился в ванную; Сьюзен встала и направилась в хвостовую часть самолета.

Филипп взял бритву, размазал по лицу пену для бритья, обвел пальцем контур рта и показал язык своему отражению в зеркале; Сьюзен в туалете провела пальцем по веку, достала косметичку и накрасилась. Стюард объявил, что самолет начинает посадку в Нью-арке, Сьюзен поглядела на часы — она опаздывала; Филипп в сопровождении свидетелей сел в поджидавший их у дверей гостиницы лимузин.

По ленте транспортера к ней наконец выполз ее огромный бесформенный рюкзак, и она взвалила его себе на плечи. Она шагала к выходу. Филипп только что подъехал к церкви и, поднимаясь по лестнице, пожимал руки гостям.

Проходя мимо бара, Сьюзен повернула голову и повлажневшими глазами взглянула на столик у окна. Филипп переступил порог церкви и, войдя под ее каменные своды, окинул взглядом внутреннее убранство. Потом медленно двинулся по центральному проходу, выискивая среди присутствующих Сьюзен, но не увидел ее. Сьюзен швырнула рюкзак на заднее сиденье такси, только что остановившегося у края тротуара. Через четверть часа она будет в Монтклере.

При первых звуках органа все присутствующие повернулись ко входу. В залитом солнцем дверном проеме появилась Мэри под руку со своим отцом. Она шла к алтарю, и ее лицо ничем не выдавало обуревавшие ее эмоции. Они с Филиппом пристально смотрели друг на друга, словно между ними была протянута невидимая нить. Тяжелые двери закрылись.

Когда Мэри встала рядом с ним, Филипп в последний раз окинул взглядом присутствующих в поисках лица, которое ему никак не удавалось найти.

Желтое такси остановилось возле пустынной паперти. По какому такому волшебству тротуары возле храмов всегда пустеют во время свадеб и похорон? Измученной слишком долгим путешествием Сьюзен казалось, что ступеньки ускользают у нее из-под ног. Она тихонько толкнула боковую дверь, проскользнула в церковь и, сняв рюкзак, поставила его у ног какой-то статуи. Ее внимание было приковано к паре, стоявшей у алтаря. Она медленно двинулась вперед по правому проходу, замирая возле каждой колонны. Когда она добралась до середины, пение прекратилось, сменившись благоговейной тишиной. Вся оцепенев, Сьюзен наблюдала. Священник продолжил литургию, а она — свое продвижение. Сьюзен добралась до первой колонны. Отсюда Филипп ей был виден в профиль. За ним проглядывал изгиб спины Мэри и атласный шлейф ее платья. Когда настал момент заключения брака, глаза Сьюзен наполнились слезами. Она тихонько попятилась, левой рукой неловко цепляясь за спинки скамей. Забрав рюкзак у ног архангела Гавриила, вышла на паперть, сбежала вниз по лестнице и прыгнула в такси. Открыв окно, она поглядела на двери церкви. Сдерживая рыдания, она пробормотала слова священника:

— Если у кого-то есть возражения против этого союза, пусть выскажет их сейчас или же никогда...

Такси тронулось с места.

* * *

Склонившись над откидным столиком в самолете, увозящем ее домой, Сьюзен писала письмо.

2 июля 1979 года

Мой Филипп,

я знаю, ты страшно на меня сердит за то, что меня не было на твоей свадьбе. На сей раз у меня не было заготовлено никаких предлогов и оправданий, клянусь тебе. Я предприняла все возможное, чтобы приехать, но в самый последний момент эта чертова гроза помешала мне прилететь. Мысленно я была с тобой все время церемонии. Должно быть, ты был совершенно неотразим в своем смокинге, и, я уверена, твоя жена тоже вся

сияла. Разве можно не сиять, выходя за тебя замуж? Закрыв глаза, я мысленно ни на секунду не покидала тебя в эти волшебные мгновения. Я знаю, что отныне ты счастлив, и твое счастье меня тоже делает счастливой.

Я решила принять пост, который мне предлагают. В пятницу уезжаю в горы, буду обустривать там новый центр. Не обижайся, но в ближайшие месяцы буду реже тебе писать, мы будем в двух днях пути от какого-либо намека на цивилизацию, а посему и отправлять, и получать письма будет практически невозможно. Знаешь, я рада новым трудностям, хотя мне будет недоставать людей из моей деревни, домика, что построил для меня Хуан, и тех воспоминаний, которые в нем уже накопились. Там придется все начинать с нуля, но я вижу в оказываемом мне доверии признание моих заслуг.

Счастливой тебе жизни, мой Филипп, несмотря на мое отсутствие и все мои недостатки, я всегда любила тебя и всегда буду любить.

Сьюзен

P. S. Не забывай, что я тогда тебе сказала в аэропорту...

По деревянным водосточкам стекала дождевая вода. Филипп при свете настольной лампы исправлял последние эскизы. Как всегда по выходным, он доделывал то, что не успел сделать на неделе. Кабинет он обставил в стиле «адирондак». По правой стене тянулись книжные стеллажи. Слева стояли два больших кожаных кресла, маленький круглый столик из березы и кованый железный торшер. Посередине, ровно под окном в потолке, из которого струился свет, стоял его рабочий стол в виде большого куба из светлого дерева. Вокруг него могли легко уместиться шестеро человек. Время от времени Филипп поднимал голову и смотрел в окно, стекла которого содрогались от порывов ветра.

Перед тем как вновь погрузиться в работу, он взглянул на фотографию Сьюзен, стоявшую в рамочке под стеклом на одной из полок. Столько времени прошло со дня его свадьбы... Посередине стола стояла старинная шкатулка, в которой хранились все ее письма. Шкатулка была заперта, но ключ всегда лежал на крышке. Сколько лет они уже не писали друг другу?

Семь? Восемь? Или все девять? Лестница в углу комнаты вела на нижний этаж, где располагались спальни, уже поглощенные сумерками угасавшего ненастного дня. Деревянная лестница напротив входной двери делила первый этаж на две части. Мэри весь день после обеда просидела за большим столом в столовой, отделенной от кухни барной стойкой, задумчиво листая какой-то журнал. Из-за двери-гармошки она окинула взглядом Томаса, их пятилетнего сынишку, увлеченного какой-то игрой, потом перевела взгляд на круглые настенные часы над плитой. Шесть часов вечера. Мэри закрыла журнал, встала, обошла стойку и принялась готовить ужин. Полчаса спустя, как всегда, из кабинета спустился Филипп и помог ей накрыть на стол. Поцеловав ее, оба ее «мужчины» заняли свои места за столом. Томас болтал без умолку, рассказывая о своей последней битве с инопланетянами, которых он весь день гонял на видеоприставке.

После ужина Филипп предпринял очередную попытку научить Томаса играть в шахматы, но Томасу казалось страшной глупостью, что слон ходит только по диагонали, и единственное, что он счел забавным, так это разом двинуть все пешки в атаку на «башни замка». Вместо шахмат они кончили игрой в мистигри. Позже, когда мальчик утомился, Филипп, прочитав ему сказку на ночь, спустился пожелать доброй ночи жене и вернулся в кабинет.

— Я поработаю еще немножко, чтобы завтра побольше побыть с вами, — проговорил он в ответ на улыбку Мэри.

Он придет к ней позже, чтобы уснуть в ее объятиях.

Дождь шел всю ночь, и мокрые тротуары поблескивали в бледном утреннем свете. Томас встал и потихоньку спускался в гостиную. Мэри услышала скрип ступенек. Она взяла махровый халат, лежавший в ногах кровати, и накинула его на плечи. Томас уже спустился вниз, когда раздался звонок в дверь. Он взялся за ручку, чтобы открыть.

— Том, я сто раз тебе повторяла, чтобы ты не смел подходить к дверям!

Малыш повернулся и поглядел на мать. Она быстро спустилась, оттеснила его и открыла дверь. На пороге стояла прямая, как жердь, женщина в темно-синем деловом костюме, который странно смотрелся сонным воскресным утром.

Мэри приподняла левую бровь. Она любила так делать, поскольку это всегда вызывало смех у сына и улыбку у мужа. Это стало ее обычным способом выражать удивление.

— Здесь живет мистер Нолтон? — спросила незнакомка.

— И миссис Нолтон тоже!

— Мне необходимо переговорить с вашим мужем, меня зовут...

— И это в воскресенье, до прихода молочника! Ну конечно же, самое удобное время для разговоров!

Женщина больше не пыталась представиться и не стала извиняться за свое столь раннее вторжение. Она лишь повторила, что ей необходимо как можно скорее увидеть Филиппа. Мэри пожелала узнать, с какой такой стати ей будить его в такую рань в единственный день недели, когда он может отоспаться. Аргумент «Мне необходимо его видеть» показался ей неубедительным, и она холодно предложила незнакомке прийти в более подходящее время.

Женщина мельком взглянула на стоявшую перед домом машину и повторила свое требование:

— Я знаю, что у вас еще очень рано, но мы ехали всю ночь, и наш самолет вылетает через несколько часов. Мы не можем ждать.

Лишь теперь Мэри обратила внимание на припаркованный перед ее домом автомобиль. За рулем сидел мужчина крепкого телосложения. На переднем сиденье — женщина, прильнувшая к окну. С такого расстояния Мэри не могла разглядеть ее лица даже прищурившись. И все же ей показалось, что их взгляды встретились. Всего на секунду отвлеклась Мэри, но этого хватило, чтобы незнакомка попыталась войти-таки в дом, во

весь голос зовя Филиппа. Мэри тут же захлопнула дверь перед ее носом.

— Что происходит?

Наверху лестницы появился Филипп. Мэри, вздрогнув, обернулась.

— Понятия не имею. Какая-то сумасшедшая требует тебя, — раздраженно ответила она, — наверняка одна из твоих бывших, хоть она и не желает сознаваться. Впрочем, бывшей может быть ее подруга, что сидит в машине перед нашим домом!

— Ничего не понял. Где Томас? — Заспанный Филипп спустился вниз.

— В сенате! У него сегодня там выступление!

Зевая, Филипп прошел мимо Мэри, чмокнул ее в лоб и открыл дверь. Женщина по-прежнему была там.

— Извиняюсь, что разбудила, но мне совершенно необходимо с вами поговорить.

— Слушаю вас, — сухо произнес Филипп.

— Наедине! — добавила она.

— От жены у меня тайн нет.

— У меня очень точные инструкции.

— Насчет чего?

— «Наедине» входит в их число.

Филипп вопросительно взглянул на Мэри, она выразительно дернула бровью, позвала сынишку завтракать и ушла на кухню. Филипп провел незваную гостью в гостиную, она закрыла за собой дверь-гармошку, расстегнула пиджак и уселась на диван.

Время шло, а Филипп все не выходил. Мэри убирала со стола посуду после завтрака, то и дело поглядывая на настенные часы, отсчитывающие бесконечно долгие минуты. Поставив чашку в раковину, она отправилась в гостиную, твердо решив положить конец этому затянувшемуся разговору. Она шла уже мимо лестницы, когда двери гостиной открылись. Филипп вышел первым. Мэри хотела было подойти, но он жестом велел ей остановиться. Женщина кивнула ей и вышла на крыльцо. Филипп бегом поднялся наверх и быстро спустился, одетый в матерчатые штаны и свитер грубой вязки. Он прошел мимо ошарашенной жены, даже не глянув в ее сторону. На пороге он обернулся и велел ей ждать в доме. Она никогда не видела его в таком состоянии.

В маленькое окошко возле входной двери Мэри смотрела, как муж идет следом за женщиной в темно-синем костюме, еще не зная, что ее появление грозит перевернуть всю их жизнь, а не только нынешний воскресный день.

Женщина, сидевшая рядом с шофером, вылезла из машины. Филипп

замер и долго на нее смотрел. Она, избегая его взгляда, открыла заднюю дверцу и уселась на сиденье. Филипп обошел машину и сел рядом с ней. Накрапывал дождик. Мэри не могла разглядеть, что происходит внутри машины, и ее не покидало чувство тревоги.

— Да чем они там занимаются, черт побери?

— Кто? — поинтересовался Томас, не отрывая глаз от телевизора.

— Твой отец, — пробормотала она.

Но мальчик, поглощенный игрой, уже не обращал на мать внимания. Судя по тому как Филипп размахивает руками, он чем-то взволнован. Таинственная беседа никак не заканчивалась, и Мэри уже подумывала одеться и идти к ним, как вдруг увидела, что муж вылезает из машины. Наполовину скрытый машиной, он махнул ей рукой, как будто прощаясь. Изумленная Мэри вздрогнула, увидев, что он садится обратно в «крайслер»

— Том, сейчас же принеси мне твой бинокль!

По тону матери Томас понял, что спорить не стоит. Нажав на джойстике «паузу», он во всю прыть помчался по лестнице. Нырнув в ящик с игрушками, он выудил бинокль, а заодно и все необходимые аксессуары, о которых мама не подумала. Несколько минут спустя, напялив каску, бронежилет и камуфляжную сетку, повесив патронташ через плечо и нацепив ремень с резиновым ножом, флягой, револьвером и рацией, он предстал перед Мэри, отсалютовав ей левой рукой.

— Я готов, — сообщил он, вытянувшись по стойке «смирно».

Не обратив никакого внимания на его наряд, Мэри выхватила у него из рук бинокль. Слабое увеличение и множество царапин на стекле не слишком улучшили видимость. Она с трудом различала мужа, которого загораживал силуэт другой пассажирки. Он сидел, наклонившись вперед, словно собирался положить голову той на колени. Терпению Мэри пришел конец, ее нервы не выдержали, она выскочила на крыльцо и встала, уперев руки в боки. Мотор завелся, и у Мэри сердце ушло в пятки. Дверца открылась, Филипп вылез под дождь. Из-за машины Мэри видела лишь его голову. Отойдя на шаг, он снова неуверенно махнул рукой, и машина медленно удалилась. Мэри не сводила глаз с Филиппа, а он неподвижно стоял посреди пустынной улицы, тишину которой нарушал лишь стук дождя по асфальту.

Она смотрела на него и ничего не могла понять.

Руку Филиппа сжимала маленькая ладошка. В другой руке девочка крепко держала рюкзачок, который вряд ли много весил.

Такой Мэри увидела ее впервые: при бледном свете дня, когда кажется, что время остановилось, с красным воздушным шариком в руках. Ее

черные волосы разметались по плечам, по смуглой коже стекали капли дождя, ей было явно неудобно в слишком тесной одежде.

Раздались первые раскаты грома, начиналась гроза. Филипп с ребенком медленно шли к дому. Когда оба поднялись на крыльцо, Мэри хотела было сразу потребовать от него объяснений, но он насупился, неловко пытаясь скрыть свою подавленность.

— Это Лиза, дочка Сьюзен, — сказал он.

Стоя на пороге их дома, маленькая девятилетняя девочка пристально оглядела Мэри.

— Мама умерла.

II

Мэри отступила, пропуская их в дом. При их появлении Томас снова вытянулся по стойке «смирно». А Мэри не сводила глаз с Филиппа.

— Должно быть, я что-то пропустила, но сейчас ты мне все расскажешь в трех словах!

Он даже не попытался ответить. В горле стоял комок. Он протянул ей конверт, который держал в руке, и пошел наверх, чтобы переодеть девочку. Мэри молча смотрела им вслед, пока они не скрылись в коридоре, затем углубилась в чтение письма, пытаясь найти в нем хоть какой-то ответ на все свои вопросы.

Мой Филипп,

если ты читаешь эти строчки, значит, права была все же я. Мой мерзкий характер не позволил мне в свое время сказать тебе об этом, но в конечном счете я последовала твоему совету и решилась сохранить этого ребенка, хотя я даже не знаю, кто его отец. Не осуждай меня, жизнь здесь настолько отличается от всего, что ты можешь себе представить, и тяжесть дней подчас вынуждает меня искать утешения в объятиях случайных мужчин. Чтобы спастись от тоски, беспомощности, от преследующего меня страха смерти, от этого глупого и беспросветного одиночества, мне иногда было просто необходимо почувствовать чье-то тепло, чтобы напомнить себе, что я еще жива. Когда на каждом шагу сталкиваешься со смертью, твоя жизнь превращается в глубокое и беспросветное одиночество, ты переходишь грань. Я сотни раз твердила себе, что детям нечего делать в столь жутком мире, но, когда мой живот округлился, мне вдруг ужасно захотелось поверить тебе. Носить в себе Лизу оказалось для меня глотком воздуха под толщей воды и стало жизненно необходимо. Как видишь, природа таки взяла верх над всеми моими рассуждениями. Помнишь данное тобой в Ньюарке обещание, что, если «со мной что-то случится», ты всегда будешь рядом? Мой Филипп, если ты читаешь эти строки, значит, со мной случилось что-то окончательное и бесповоротное! Я поверила тебе и дала Лизе жизнь, будучи уверена, что, если не смогу двигаться дальше, ты примешь эстафету моей жизни.

Прости меня за такой сюрприз. Я не знакома с Мэри, но с твоих слов знаю, что у нее достаточно великодушия для любви. Лиза — маленькая дикарка, первые годы ее жизни были не самыми простыми. Приручи ее, дай ей ту любовь, которую я отныне не смогу ей давать, я доверяю ее тебе. Скажи ей когда-нибудь, что ее мать всегда была и, я надеюсь, останется в твоей памяти твоим старым, близким другом. Я думаю о вас. Обнимаю тебя, мой Филипп. И уношу с собой самые лучшие воспоминания моей жизни: взгляд Лизы и память о днях нашего детства.

Сьюзен

Мэри скомкала письмо, стараясь выместить на этом комке бумаги растущее в ней чувство протеста. Она поглядела на сынишку, который по-прежнему стоял перед ней навытяжку, и вынудила себя улыбнуться.

— Вольно!

Томас тут же развернулся и ускакал в комнату.

Она вошла в кухню и села за стол, ее взгляд блуждал между окном и письмом, зажатым в руке. Филипп спустился один.

— Я ее помыл, и она захотела спать. Они ехали нею ночь. Есть она не хочет. Мне показалось, настаивать бесполезно. Я уложил ее в гостевой спальне.

Мэри хранила молчание. Филипп встал, открыл холодильник и налил себе апельсинового сока, пытаясь комбинацией повседневных жестов вернуть утраченное самообладание. Мэри молча следила за мужем.

— У нас нет выбора, я не могу отдать ее на растерзание социальных служб. По-моему, она и без того натерпелась несправедливостей, всеми брошенная и никому не нужная.

— Так ее бросили? — саркастически осведомилась Мэри.

— Ее мать умерла, а отца у нее нет, если тебе так понятнее.

— И ты, судя по всему, решил стать палочкой-выручалочкой?

— Вместе с тобой, Мэри!

— О, почему бы и нет?! Ну конечно же, я ведь и так провожу часы, дни, вечера и уикенды в ожидании тебя! Я, как последняя идиотка, бросила карьеру журналистки, чтобы заниматься твоим домом и твоим сыном! Я стала идеальной прислугой в твоей жизни, и мне предоставляется новая возможность поупражняться в собственном идиотизме!

— Значит, ты считаешь, что твоя жизнь — сплошные жертвы?

— Не важно, что я считаю! До сегодняшнего дня это был мой личный

выбор, но теперь ты лишаешь меня даже этой привилегии!

— Просто хочу, чтобы эту историю мы прожили вместе.

— Историю! Вот уже два года я упрощаю тебя разделить эту так называемую «историю» со мной — завести второго ребенка. И два года ты неизменно мне отвечаешь, что сейчас не время, что у нас нет возможностей! Два года ты плюешь на меня и все мои чувства! Наши отношения, предполагавшие взаимность, с течением времени приобрели односторонний характер. Оказалось, что это я должна подстраиваться под твоё расписание и перепады твоего настроения, разделять твои желания и беспокойства, переживать твои неудачи, а теперь я вдобавок получаю ребенка от другой! И какой другой!

Филипп не ответил. Он ломал пальцы, покачивая головой и пристально глядя жене в глаза. Лицо Мэри перекосило от бешенства, в уголках глаз образовались мелкие морщинки (несмотря на ежедневные сидения перед зеркалом и попытки их разгладить), не оставлявшие никаких сомнений в том, что она вот-вот разрыдается от злости. Прежде чем брызнули слезы, она провела рукой по векам, словно бы заботясь о том, чтоб не осталось кругов под глазами, ненужных и вредных.

— Как это произошло?

— Она погибла в горах во время урагана,.

— Наплевать мне, я не об этом спрашиваю. Как ты мог дать столь абсурдное обещание? Почему ТЫ никогда мне о нем не говорил? Мало того, что я только и слышала от тебя: «Сьюзен то, Сьюзен это!» Мне порой казалось, что я рискую столкнуться с — ней нос к носу, открывая шкаф в ванной!

Филипп попытался говорить спокойно и убедительно. Обещание, о котором идет речь, было дано десять лет назад. Просто фраза, сказанная ради победы в пустом споре. Он никогда не упоминал об этом, потому что начисто забыл, да и предполагать не мог, что такая ситуация в принципе возможна, и никогда бы не подумал, что у Сьюзен когда-нибудь будет ребенок. К тому же в последние годы они переписывались крайне редко, и Сьюзен ни разу даже намеком не дала понять, что у нее есть дочь. А уж к чему он и вовсе не был готов, так это к ее гибели.

— И что я должна буду говорить? — поинтересовалась Мэри.

— Кому?

— Да всем вокруг! Людям. Моим друзьям, наконец!

— Так для тебя вся проблема в этом?

— Это лишь одна из ее сторон! Тебе, может, и наплевать на наше окружение, но лично я пять лет убила на то, чтобы наладить эти

отношения, и в этом нет никакой твоей заслуги!

— Скажи им, что незачем таскаться по воскресеньям в церковь, если не хватает чуткости понять, что произошло!

— Но ты-то не станешь этим заниматься, ты-то преспокойненько будешь отсиживаться у себя наверху, прикрываясь делами! Это ведь моя жизнь изменится целиком и полностью!

— Не больше, чем если бы у нас появился еще один ребенок.

— Не еще один, черт побери, а наш ребенок!

Мэри вскочила и выбежала с кухни.

— Довольно! Я тоже иду спать! — уже с лестницы крикнула она.

— Но сейчас девять утра!

— И что? Разве хоть что-нибудь идет у нас сегодня нормально?

На втором этаже она решительно прошагала до середины коридора, потом остановилась, развернулась и, чуть поколебавшись, направилась к комнате, где спала Лиза. Мэри тихо приоткрыла дверь. Лежавшая в кровати девочка повернула голову и молча уставилась на нее. Мэри выдавила из себя смущенную улыбку и поспешно закрыла дверь. В своей спальне она вытянулась на постели и, глядя в потолок, попыталась было подавить гнев, судорожно сжимая кулаки. Филипп, поднявшийся следом, сел подле нее и взял ее за руку.

— Мне очень жаль. Если бы ты только знала, как я сожалею!

— Ничего тебе не жаль! Ты никак не мог заполучить мать, так теперь заполучил ее дочь! Это мне жаль, я никогда не хотела ни той, ни другой!

— Сейчас ты не имеешь права говорить такие вещи.

— Сейчас я не вижу ничего, что могла бы себе запретить говорить, Филипп. Два года ты делаешь недовольное лицо, уклоняешься от обсуждения этой темы, находишь тысячу и один предлог, чтобы отстраниться от семьи, потому что тебе так хочется. Но тут твоя любимая Сьюзен присылает тебе свою дочь, и все трудности разрешаются как по мановению волшебной палочки, если не считать одной маленькой детали: эта история из твоей жизни, но не из моей.

— Сьюзен мертва, Мэри. Я ничего не могу поделать. Ты можешь наплевать на мое горе, но ты не можешь наплевать на ребенка, боже мой! При чем тут ребенок!

Мэри подскочила, и ее голос задрожал от бессильной ярости:

— Насрать мне на твою Сьюзен!

Филипп не сводил глаз с оконной рамы, избегая взгляда жены.

— Да ты на меня смотри, черт подери! Или у тебя даже на это смелости не хватает?!

Прячась от доносившихся звуков ссоры, Лиза поглубже закуталась в одеяло и зарылась лицом в подушку. Вжалась в нее изо всех сил так, что ее волосы словно слились с наволочкой. Доносившиеся до нее крики были слабее раскатов грома, но пугали не меньше. Лизе хотелось перестать дышать, но она знала, что это невозможно: последние две недели она не раз пыталась это сделать, но у нее ничего не получилось. Сжавшись в комок, она сильно-сильно прикусила кончик языка, как учила мама: «Когда чувствуешь во рту вкус крови, значит, ты жива, а когда тебе грозит опасность, ты должна думать лишь об одном: не сдаваться, остаться в живых». Солоноватый привкус крови заполнил рот, Лиза постаралась сосредоточиться на этом ощущении, отрешившись от всего и вся. Из глубины коридора до нее по-прежнему долетали выкрики Филиппа, перемежавшиеся минутами тишины. При каждой новой вспышке ярости Лиза чуть сильнее вжималась в подушку, будто опасаясь, что ее смоем потоками слов, и с каждым новым витком скандала все плотней закрывала глаза, так сильно сжимая веки, что порой у нее перед глазами начинали плясать звездочки.

Она услышала, как хлопнула соседняя дверь и мужские шаги загрохотали по лестнице.

Филипп спустился в гостиную и сел на диван, упершись локтями в колени и обхватив руками голову. Томас немного подождал, прежде чем нарушить тишину.

— Ты поиграешь со мной?

— Не сейчас, сынок.

— А где девочки?

— Каждая в своей комнате.

— Тебе грустно?

Ответа не последовало. Сидевший на ковре малыш пожал плечами и вернулся к своей игре. Иногда мир взрослых такой чудной. Филипп уселся у него за спиной и обнял его.

— Все будет хорошо, — глухо проговорил он. Он взял второй джойстик.

— Во что хочешь проиграть?

На первом же повороте «ламборгии» Томаса отправил «тойоту» отца в кювет.

Мэри спустилась около полудня. Не говоря ни слова, она прошла на кухню, открыла холодильник и принялась готовить еду. Они пообедали втроем. Лиза в конце концов уснула. Томас решился заговорить:

— Она останется у нас? Это неправильно, если она станет моей

старшей сестрой, ведь я первый тут появился!

Мэри выронила салатницу, которую несла к столу, метнув в Филиппа убийственный взгляд. Филипп промолчал. Довольный Томас любовался рассыпанным по полу салатом, с аппетитом вгрызаясь в кусок маисового хлеба. Потом повернулся к матери.

— Это может быть клево!

Филипп встал, чтобы собрать осколки.

— Что может быть клево? — спросил он сынишку.

— Мне бы хотелось иметь братика или сестричку, но мне совсем не хочется, чтобы меня будили по ночам плачем, и мне не нравится, как пахнут подгузники. К тому же она уже слишком большая, чтобы таскать у меня игрушки... И кожа у нее красивого цвета, в школе все обзавидуются...

— Мы поняли твою точку зрения, — оборвала его Мэри.

Дождь усилился, не оставляя надежды на воскресную прогулку. Мэри молча сделала сэндвич: намазав хлеб майонезом, она положила лист салата, потом ветчину, поколебавшись, заменила ветчину куском курицы, снова подумала, водрузила ветчину поверх курятины и накрыла еще одним куском хлеба. Получившуюся конструкцию она положила на блюде, накрыла пленкой и убрала в холодильник.

— Если она проголодается, когда проснется, ее ждет тарелка в холодильнике, — сказала Мэри.

— Ты уходишь? — спросил Томас.

— Я буду у Джоанны, приду к твоему купанью, — ответила она.

И пошла переодеваться. Выходя из дома, она поцеловала сынишку, смерив взглядом стоявшего на лестнице Филиппа. Остаток дня прошел, как проходит осеннее воскресенье, когда долгие минуты отличаются друг от друга лишь светом дня, постепенно угасающим за окном. Мэри вернулась около пяти и занялась Томасом. Когда они уселись ужинать, Лиза все еще спала.

Мэри долго пробыла в ванной, специально дожидаясь, пока уляжется Филипп. Она выключила свет и вытянулась на краешке постели. Филипп выдержал паузу и нарушил молчание.

— Ты все рассказала Джоанне?

— Да, все, если это тебя интересует.

— И что она сказала?

— А что, по-твоему, она могла сказать? Что это ужасно!

— Она права, это ужасно.

— Она говорила о том, что произошло со мной, Филипп! А теперь дай мне поспать.

Филипп оставил в коридоре свет, чтобы Лиза могла добраться до туалета, если проснется. В три часа ночи ее глаза распахнулись как по команде. Девочка оглядела погруженную в сумрак комнату, пытаясь сообразить, где находится. Дерево за окном неистово раскачивало ветвями, словно размахивая слишком длинными руками. Ветер швырял в стекло охапки листьев, будто желая стереть льющиеся по нему капли дождя. Лиза встала, вышла в коридор и ТИХОНЬКО спустилась по лестнице. На кухне она открыла холодильник, достала тарелку, отвернула край целлофана, понюхала сэндвич и тут же поставила обратно на полку.

Взяв пакет с хлебом, она выудила из него кусок, из вазы с фруктами взяла банан, раздавила его вилкой, посыпала сахаром и тщательно намазала полученную кашу на хлеб. С жадностью съела бутерброд Нитс все аккуратно убрала на место и, не обратив никакого внимания на посудомоечную машину, вымыла сполоснула тарелку вместе со всем, что было в раковине.

Уходя, она еще раз окинула ВЗГЛЯДОМ кухню и, не зажигая света, вернулась в постель,

Прошла неделя, и для Мэри постепенно стала прорисовываться ее новая жизнь, уже не принадлежавшая ей целиком. Поскольку сразу после рождения Лиза была зарегистрирована в консульстве, ее американское гражданство подтвердить не пришлось. После множества утомительных процедур письмо Сьюзен, в котором она поручала Филиппу заботы о маленькой Лизе, родившейся 29 января 1979 года в восемь десять утра в долине Сулы, Гондурас, у мисс Сьюзен Дженсен и неизвестного отца, было признано официальным документом. Хорошо, что коллеги Сьюзен додумались заверить письмо у нотариуса в американском посольстве, прежде чем отвезти ребенка в Нью-Джерси. И все-таки весь понедельник Филипп с Лизой мотались по всевозможным бюрократическим инстанциям. Лизе запомнились коридоры и огромная белокаменная лестница, которая вела в просторный зал, где стены были обшиты деревянными панелями, как в президентском дворце, о котором ей иногда рассказывала мама. Сначала Лиза немного трусила: разве мама не говорила ей, что дворец опасное место, где полным-полно военных и полицейских? Когда маме приходилось туда ездить, она никогда не брала с собой Лизу. Но президент, живший в этом дворце, судя по всему, был не очень важный, поскольку возле входа, где, как в аэропорту, просвечивали сумки, стояли только два солдата. Ради развлечения Лиза считала мраморные квадратики на полу, их было как минимум тысяча, пятьсот коричневых и пятьсот белых. Не успела она закончить свои подсчеты, как человек за стойкой

указал Филиппу, куда им идти, и они отправились к другой лестнице, на сей раз покрытой черно-красной ковровой дорожкой. Они ходили из одного кабинета в другой, собирая кипы каких-то разноцветных бумажек и выстаивая очереди к различным окошкам. «Это была длинная игра в догонялки, придуманная специально для взрослых», только вот, судя по унылым лицам участников, игравших в эту игру, было не особенно весело. Когда Филипп заполнял анкету, сидевшие за стеклом мужчина или женщина ставили на нее печать и выдавали следующую, которую нужно было заполнить и сдать в другой кабинет. И Филипп с Лизой шли по другому коридору, а иногда по тому же самому, но в обратную сторону, по тому самому, где на потолке висела тридцать одна лампочка, по одной на каждые десять белых и черных квадратиков пола, самому длинному и широкому, а потом спускались или поднимались по лестнице, и их направляли к следующему этапу. Филипп все время предлагал Лизе взять его за руку, но она упрямо сторонилась его либо шла впереди. Она не хотела, чтобы ее держали за руку, — мама никогда так не делала. Когда они наконец вернулись в машину, виду Филиппа был довольный. Он победил. Они уезжали с последней розовой бумажкой в руках, согласно которой Филипп становился официальным опекуном Лизы. Через полгода нужно будет приехать еще раз и предстать перед судьей, который примет окончательное решение об удочерении. Лиза поклялась себе выяснить, что значит «опекун» и «удочерение», но чуть позже, не сейчас. Мэри встретила их довольно хмуро и даже не взглянула на драгоценную бумажку. «Она недовольна, потому что ничего не выиграла, но это было бы несправедливо, ведь она не ездила с нами играть». Вторник был посвящен зачислению Лизы в школу. Она и представить не могла, что существуют такие огромные школы. Сьюзен рассказывала ей об университете... Лиза задалась вопросом, не заблуждается ли Филипп насчет ее возраста... Покрытие широкого школьного двора слегка проминалось под ногами. В углу находились разноцветные лесенки, турник и две горки, с которых Лиза не сводила глаз. Когда они с Филиппом подходили к дверям, зазвенел звонок. Ничего общего с тем звоном, которым оповещали о приближении урагана. Здесь звенел крошечный колокольчик, надрывавшийся изо всех сил, пытаясь произвести на Лизу впечатление. Напрасно. Лизе доводилось слышать звоны и помощнее. Когда звонил деревенский колокол, созывая на мессу или просто на общий сбор, его гул отдавался у Лизы в груди, неизвестно почему заставляя быстрее биться сердце. Матери, которая ее ругала, считая, что Лизе пора бы уж научиться справляться со страхом, она обычно говорила, что слезы у нее наворачиваются оттого, что песчинка в

глаз попала. Когда колокольчик, дребезжа, умолк, на улицу высыпала целая орда детишек. Возможно, здесь все же таится некая опасность.

На первом этаже была рекреация, где школьники отдыхали на переменах в дождливые дни. У нее дома в дождливые дни не всегда можно было добраться до школы... Они поднялись по центральной лестнице на второй этаж. Там вдоль длинного коридора тянулись классы с одинаковыми партами. Лиза никак не могла понять, где им удалось их столько отыскать?! Ей пришлось ждать возле желтой двери, пока Филипп беседовал с директрисой в ее кабинете. Немного погодя Лизу представили директору. Высокая женщина с уложенными в шиньон седыми волосами широко улыбнулась Лизе, но за ее приветливостью просвечивала строгость. Когда они вышли из школы, уже был полдень. Возле ворот Филипп остановился и присел на корточки, чтобы быть вровень с девочкой.

— Лиза, нужно отвечать, когда с тобой разговаривают. Я не слышал твоего голоса вот уже два дня.

Девочка дернула плечиками и втянула голову.

В «Макдоналдсе», куда Филипп повел ее обедать, ее поразили рекламные панно над кассами. Филипп спросил, что она будет есть, но Лиза отвернулась, совершенно не заинтересовавшись едой. Похоже, ее внимание привлекала лишь большая красная горка снаружи. Филипп переспросил, но Лиза упорно продолжила молчать, не сводя глаз с горки. Филипп наклонился, взял ее за подбородок и повернул к себе.

— Я бы не возражал, чтобы ты покаталась, но идет дождь.

— Ну и что?

— Ты промокнешь.

— У меня дома дождь идет постоянно, и куда еп./п, ней. А если бросать все дела из страха промокну п., то просто умрешь. Дождь убивает не так, ты ничего не понимаешь, ты его не знаешь, а я знаю!

Кассирша попросила их отойти в сторону, если они не намерены ничего заказывать, потому что другие ждут своей очереди. Лиза снова отвернулась к икну, устремив на горку такой взгляд, каким узник вглядывается в воображаемый горизонт за решеткой камеры.

— Если я с нее скачусь, то, может быть, докатившись донизу, я снова окажусь дома. Так бывает в моих снах, и я уверена, что если очень сильно захочу, то все получится!

Филипп извинился перед кассиршей, взял Лизу за руку, и они вместе вышли на улицу. Дождь полил с удвоенной силой, и по асфальту уже растеклись огромные лужи. Филипп решительно зашагал прямо по ним, не обращая внимания на воду, которая попадала в ботинки. Возле лесенки он

взял Лизу на руки и поставил на третью ступеньку.

— Думаю, было бы глупо просить тебя быть осторожной, у себя дома ты наверняка никогда не падала.

— Ага!

Она полезла наверх, не обращая ни малейшего внимания на порывы ветра. Филипп видел, что она совершенно счастлива, как дикий зверек, выпущенный на свободу.

У подножия красной горки насквозь промокший мужчина, раскрыв объятия, ждал маленькую девочку, скользившую вниз с закрытыми глазами, чтобы ее сон стал реальностью. И каждый раз он ее ловил, прижимал к себе и ставил на третью ступеньку лесенки.

Она предприняла три попытки, потом пожала плечами и взяла его за руку.

— Не сработало, — сказала она. — Можно уходить!

— Есть хочешь?

Лиза покачала головой и потащила его к машине. Усевшись на заднее сиденье, она шепнула ему на ухо:

— А все равно было здорово!

Ливень не прекращался. Когда они вернулись домой, Мэри сидела в гостиной. Вскочив как ошпаренная, она встала, загородив собою лестницу.

— В таком виде?! Ни за что! Ковролин вычищен на прошлой неделе, и я не думаю, что уже пора заново затевать чистку. Да и вас недурно было бы окунуть в порошок! Разувайтесь и раздевайтесь прямо здесь, я пошла за полотенцами.

Филипп стянул с себя рубашку и помог раздеться Лизе. Ей казалось полной глупостью стелить повсюду ковры, по которым нельзя ходить. У них дома все было куда практичнее: пол деревянный, делай что хочешь. Веничком прошелся, и чисто. Мэри вытирала волосы Филиппу, а тот Лизе. Мэри поинтересовалась, не ездили ли они с открытым верхом на мойку, и велела идти наверх переодеваться. Погода не располагала к дальнейшим прогулкам, и весь остаток дня девочка изучала дом.

Взобравшись по лестнице, Лиза подошла к кабинету Филиппа, толкнула дверь и вошла. Постояла у письменного стола, посмотрела, как он работает над своими эскизами. Потом отправилась исследовать помещение. Остановилась перед фотографией Сьюзен и долго глядела на нее. Она никогда не видела маму такой молодой, и ей не приходило в голову, насколько они похожи.

— Как ты думаешь, когда-нибудь я стану старше нее? Филипп поднял голову от рисунка.

— На этой фотографии ей двадцать. Этот снимок я сделал в парке накануне ее отъезда. Знаешь, я ведь был ее лучшим другом. Примерно в твоём возрасте я подарил ей медальон, который она все время носила на шее. Ты его увидишь, если рассмотришь фото поближе. У нас с ней не было друг от друга никаких секретов.

Лиза вызывающе смирившись, взглянула на него.

— А ты знал, что я родилась?

Не дожидаясь ответа, она вышла из комнаты. Некоторое время Филипп стоял, не сводя глаз с дверного проема, потом перевел взгляд на шкатулку с письмами. Он положил руку на крышку, но, немного поколебавшись, решил не открывать. Грустно улыбнувшись лицу на фотографии, он вернулся к работе.

Лиза спустилась в ванную и открыла шкафчик, где Мэри держала свою косметику. Взяв флакончик духов, она нажала на пульверизатор и понюхала распространившийся в воздухе аромат. Поморщившись, сунула флакон на место и вышла. Следующий визит был нанесен в комнату Томаса, которая не представляла никакого интереса. В ящике лежали одни мальчишеские игрушки. Увидев висевшее на стене ружье, она вздрогнула. Неужели здесь тоже есть солдаты, которые могут прийти и сжечь дом, перебив его жителей? Какая опасность может таиться в этом городе, где целы ограды, а на стенах нет следов пуль?

Мэри приготовила ужин, и они все вместе уселись за столом на кухне. Томасу первому поставили тарелку с пюре, и он тут же принялся вычерчивать в нем дороги. Потом выстроил горошины в колонну, которая двинулась к гаражу, крытому куском ветчины. Его зеленые «грузовики» один за другим тщательно объезжали огурец, поддерживающий своды «гаража». Главная сложность заключалась в том, чтобы объехать лес из шпината, где таились всяческие опасности. Филипп на салфетке делал набросок лица Мэри, а Лиза рисовала рисующего Филиппа.

В среду он повел ее в супермаркет за покупками. Лиза никогда не видела ничего подобного. В одном этом магазине продуктов было больше, чем все, что она за всю свою жизнь видела у себя в деревне.

Каждая прогулка становилась для девочки новым открытием этого мира, который мама называла «своей прежней страной». Лиза с интересом, а иногда с завистью и даже со страхом спрашивала себя, как ей донести кусочки этого мира до своего дома, до тех узких и пыльных улочек, по которым она так сильно скучает. Засыпая, она искала утешения в воспоминаниях: вот она бредет по маленькой улочке от своего дома до госпиталя, построенного мамой, провожаемая добрыми взглядами

деревенских, которые всегда с ней здоровались. А вот электрик Мануэль, который никогда не берет с мамы денег. Лизе вспомнился голос сеньоры Казалес, учительницы, приходившей раз в неделю заниматься с ними в помещении продуктового склада. Учительница всегда показывала им картинки удивительных животных. Уснула Лиза, прижавшись к плечу Энрике, у него была тележка, и все называли его пере возчиком.

Во сне Лиза слышала цокот подков его ослика по сухой земле, вместе они добрались до фермы, а потом, миновав рапсовое поле, высокие стебли которого защищали ее от солнца, оказались у церкви. Двери церкви не закрывались с тех самых пор, как из-за ливня перекосило косяк. Лиза пошла к алтарю, и сидевшие по обе стороны прохода деревенские жители с улыбкой смотрели на нее. В первом ряду она увидела маму, та обняла ее и прижала к себе. Аромат маминой кожи, запах пота и запах мыла, наполнил ее ноздри. Вдруг резко стемнело, как будто слишком быстро угас день. В церковь, окруженный матовым ореолом, вошел ослик и с величественным видом оглядел собравшихся. Грянул гром, да так, что стены церкви содрогнулись. Послышался глухой рокот воды, несущейся по склонам, крестьяне встали на колени и, опустив головы, начали молиться. Лизе никак не удавалось обернуться, словно воздух стал густым и вязким. Створки двери разлетелись, и бурлящий поток устремился в неф. Ослика оторвало от земли, он отчаянно барахтался какое-то время, потом вскрикнул и исчез под водой. Когда Лиза открыла глаза, рядом с ней сидел Филипп и держал ее за руку. Он гладил ее по голове, бормоча слова утешения, которые взрослые обычно говорят, чтобы успокоить ребенка, когда лишь отчаянный крик помогает ему избавиться от страха. Но разве взрослые помнят свои детские страхи?

Лиза села и провела рукой по лбу, стирая выступившие капли пота.

— Почему мама не вернулась со мной? Зачем мне снятся кошмары, если она не просыпается со мной вместе?

Филипп хотел было обнять девочку, но она отодвинулась.

— Нужно время, — тихо проговорил он. — Вот увидишь, пройдет немножко времени, и станет легче.

Он сидел рядом, пока она снова не уснула. Вернувшись к себе в спальню, он не стал зажигать свет, чтобы не разбудить Мэри. На ощупь отыскав кровать, улегся.

— Где ты был?

— Прекрати, Мэри.

— А что я такого сказала?

— В том-то и дело, что ничего!

Следующая суббота походила на предыдущую как две капли воды: в окна стучал нудный мелкий дождик. Филипп заперся у себя в кабинете. Томас в гостиной азартно истреблял похожих на тыквы инопланетян, сыпавшихся откуда-то сверху по всему экрану телевизора. Мэри, сидя на кухне, листала журнал. Она поглядела на лестницу, ступеньки которой тонули в полумраке. В дверном проеме виднелась спина сынишки, увлеченного игрой. Она перевела взгляд на Лизу, сидевшую напротив нее и что-то рисовавшую. Отвернувшись к окну, Мэри почувствовала, как на нее навалилась вся тоска этого серого неба тихого, унылого дня. Лиза подняла голову и заметила, как печально лицо Мэри. Некоторое время она смотрела на нее, а потом личико девочки буквально перекосило от гнева. Она вскочила, решительно направилась к холодильнику и рывком его распахнула. Взяла яйца, бутылку молока и захлопнула дверцу. Нашла миску и принялась с поражающей скоростью взбивать яйца с молоком. Затем все так же быстро и уверенно добавила сахар и муку, без колебаний беря с полок нужные ей банки.

— Что ты делаешь?

Девочка посмотрела Мэри прямо в глаза, ее нижняя губа дрожала.

— В моей стране тоже идет дождь, но не такой, как здесь, а настоящий, он идет столько дней, что можно сбиться со счета. И наш дождь такой сильный, что всегда находит путь, чтоб пробраться к тебе под крышу, и течет прямо у тебя дома. Дождь он умный, это мне мама сказала, ты-то этого не знаешь, но ему всегда нужно больше, как можно больше.

С каждым словом Лизино раздражение нарастало. Она зажгла плиту и поставила разогреваться сковородку.

— И вот он выискивает, как бы ему пробраться дальше, еще дальше, и, если ты забудешь об осторожности, он достигнет цели, проникнет в твою голову и утопит тебя. А добившись своего, он вытечет через твои глаза, чтобы пойти и утопить кого-нибудь еще. Не ври, я видела дождь в твоих глазах, ты можешь сколько угодно пытаться удержать его в себе — поздно! Ты впустила его в себя, тебе конец!

Произнося свой яростный монолог, Лиза вылила тесто на сковородку и смотрела, как подрумянивается блин.

— Дождь он очень опасный, из головы он вымывает частички мозга, и в конце концов ты сдаешься и умираешь. Я знаю, что это правда, я видела, как у нас дома умирали люди, потому что они сдались. Энрике увозит их потом на своей тележке. Мама, чтобы защитить нас от дождя, чтобы помешать ему чинить нам зло, знает секрет...

И тут Лиза неожиданно со всей силы подбросила блин в воздух.

Золотистый блин взлетел и прилип к потолку, прямо у нее над головой. Вытянув руку и тыча пальцем в блин, она прокричала Мэри:

— Вот мамин секрет! Она делала солнышки под крышей! Смотри, — кричала она, отчаянно тыча в прилипший к потолку блин. — Да смотри же! Ты видишь солнышко?

Не дожидаясь ответа, она испекла еще один и отправила туда же, что и первый. Мэри не знала, что сказать, что сделать. Девочка гордо указывала пальцем на каждый летящий в потолок блин, крича:

— Ты видишь, сколько солнышек? Не плачь! Ты не должна теперь больше плакать, слышишь?

Привлеченный аппетитным ароматом, Томас сунул нос в дверь. И застыл, зачарованный видом Лизы, похожей на персонаж из мультфильма. Потом взглянул на маму и подозрительно обвел глазами кухню. Нигде не обнаружив блинчиков, расстроился:

— А мне не оставили?

Лиза с хитрым видом сунула палец в сладкую кашицу и облизала. Потом быстро глянула на потолок над головой мальчугана.

— Сейчас получишь один! Стой на месте!

Когда блин свалился ему на голову, мальчик вздрогнул. Взглянул на потолок и тут же расхохотался, словно его защекотали. Лиза почувствовала, как отступает переполнявшая ее ярость, поставила сковородку и улыбнулась. Она и рада была бы сдержать рвущийся из нее наружу смех, но куда там! Кухня наполнилась заразительным смехом детей, к которым немедленно присоединилась и Мэри. Появившийся на кухне Филипп удивленно глядел на хохочущую троицу.

Он тоже почуял аппетитный запах и теперь стоял, недоуменно оглядываясь по сторонам.

— Вы пекли блины и мне ни одного не оставили?

— Оставили, оставили! — У Мэри от смеха текли слезы. — Стой на месте!

Лиза, опершись на холодильник, хохотала до упаду, а стонущий от смеха Томас корчился на полу.

Филипп тоже расхохотался. Его смех привел Мэри в чувство. Она поглядела на сына, на мужа, на Лизу. Она оглядела всех троих, ощутив их внезапное единство и себя вне его. Она осознала, что в доме у них вдруг стало как-то очень весело, подметила ласковую улыбку смотревшего на Лизу Филиппа. Выражение лица девочки было точь-в-точь таким же, как у женщины на фотографии, стоявшей на полке над рабочим столом мужа. Не считая смуглой кожи, Лиза была полной копией матери. Обменявшись

взглядом с Филиппом, Мэри неожиданно поняла...

В ее доме появился ребенок, который, «чтобы прогнать дождь из ее глаз», придумал солнышки под крышей, а она не хотела этого ребенка... В этой девочке таились все достоинства и все недостатки женщины, до сих пор живущей в душе мужчины, которого Мэри любила...

Филипп перевел взгляд на Мэри, и улыбка его наполнилась нежностью. Он вышел и принес из гаража стремянку. Расставил и взобрался под потолок. Стоя на последней ступеньке, он отлепил от потолка первый блин.

— Тарелку не дадите? Всем сюда не подняться, лестница всего одна. Не знаю, как вы, а я проголодался.

За ужином отец с сыном заговорщицки перемигивались, а Мэри с Лизой исподволь поглядывали друг на друга.

Потом дети посмотрели по телевизору очередную серию своего сериала и отправились спать. В коридоре Мэри велела Лизе почистить зубы. А когда Лиза уляжется, она придет ее чмокнуть. Мэри стояла к Лизе спиной, но почувствовала, что та застыла на месте.

— Что значит «чмокнуть»? — спросила Лиза.

Мэри повернулась к ней, стараясь говорить как можно спокойнее, но голос ее дрогнул:

— То есть как это что?

Лиза подбоченилась.

— Ну да, что это такое?

— Лиза, ты должна это знать! Я зайду к тебе и поцелую на ночь.

— А почему ты будешь меня целовать? Я сегодня не сделала ничего хорошего!

Мэри смотрела на неподвижно застывшую девочку. Гордость Лизы делала ее и сильной, и уязвимой одновременно, она была как ежик, свернувшийся в клубок, чтобы отпугнуть хищника. Подойдя к девочке, Мэри взъерошила ей волосы и повела в ванную. Лиза чистила зубы, а Мэри, присев на краешек ванны, смотрела на ее отражение в зеркале.

— Не три слишком сильно, я заметила, что у тебя по ночам кровоточат десны. Надо будет сводить тебя к стоматологу.

— А зачем идти к врачу, если не болеешь?

Лиза тщательно вытерла рот и повесила полотенце на сушилку. Мэри протянула ей руку, но девочка не заметила ее и вышла из ванной. Мэри проводила ее до спальни, подождала, пока Лиза уляжется, потом провела ладонью по ее волосам и, наклонившись, легонько поцеловала в лоб.

— Спокойной ночи. Завтра в школу, и тебе надо быть в форме.

Лиза не ответила. Дверь закрылась, а она еще долго лежала, широко открытыми глазами глядя в темноту.

Первый школьный год Лизы начался с молчания, с молчания взрослого человека, на долгие годы спрятанного в хрупком детском теле. Никто не слышал звука ее голоса, разве что учителя, когда спрашивали ее, что случалось довольно редко, поскольку они мало ею интересовались, не сомневаясь, что девочке придется остаться на второй год. Дома она тоже была неразговорчива, на вопросы отвечала кивками и неразборчивым бормотанием. Ей хотелось стать меньше муравьев, которых она подкармливала на подоконнике своей комнаты. Вечера она проводила одна у себя в комнате, занимаясь всегда одним и тем же — исследованием своей памяти в поисках крупиц «прошлой жизни», из которых она всякий раз выстраивала как можно более длинную дорогу воспоминаний, по которой бродила. В этом мирке, принадлежавшем только ей одной, она слышала треск камней под колесами джипа, извещавший о приезде Сьюзен. И тогда из глубин ее памяти выплывал пьянящий запах сырой земли, смешанный с запахом хвои, а потом, как по волшебству, она слышала в шуме деревьев голос мамы. Иногда по вечерам голос Мэри возвращал ее к реальности, в этот чуждый мир, единственной отдушиной которого были стрелки часов, отсчитывающие минуты, которые в конечном итоге сложатся в годы.

* * *

Приближалось Рождество, и крыши домов, расцвеченные разноцветными гирляндами огней, весело сверкали в темноте. Глядя в окно машины по дороге домой из Нью-Йорка, куда они с Мэри ездили за покупками, Лиза, не удержавшись, сказала:

— Если хотя бы половину этих лампочек, которые только зря здесь горят, отправить ко мне домой, то во всех деревнях был бы свет.

— Твой дом, — отрезала Мэри — там, где мы живем, на маленькой улочке Монтклера, где во всех домах горит свет. Нет ничего плохого в том, чтобы жить хорошо! Прекрати все время думать о том, чего не хватает там, откуда ты приехала, и перестань говорить, что твой дом там! Ты не гондураска, насколько мне известно, ты — американка, и твоя страна здесь.

— Когда я стану совершеннолетней, у меня будет право самой выбрать гражданство!

— Многие люди рискуют жизнью, чтобы приехать жить к нам! Тебе

следовало бы радоваться!

— Просто у них нет выбора!

Последующие месяцы Филипп изо всех СИЛ старался склеить семью. И хотя работа отнимала у него нес больше и больше времени, каждую свободную минуту, которую ему удавалось выкраивать, он проводил с семьей, придумывая всевозможные совместные развлечения. Одним из таких семейных мероприятий стала поездка на Пасху в Диснейленд, и, несмотря на каждодневные стычки между Лизой и Мэри, эти каникулы можно было считать первым хорошим воспоминанием новой семьи. И все же Филипп чувствовал, что под крышей его дома складываются и сосуществуют две пары: он и Лиза с одной стороны, Мэри и Томас — с другой.

* * *

В начале лета 1989 года Филипп с Лизой отправились как-то раз на рыбалку в другой конец штата Нью-Йорк. Дорога была длинной, они ехали молча. Сторож рыболовецкого лагеря проводил их к маленькому коттеджу.

Филипп пару раз заговорщицки подмигнул Лизе, но она сделала вид, что ничего не заметила. На другом берегу озера была Канада. С наступлением ночи отсюда становились видны огни Торонто, оранжевым светом подсвечивающие облака. После ужина они уселись на веранде, нависающей, над тихой водой. Лиза нарушила молчание.

— Для чего нужно детство?

— Почему ты спрашиваешь?

— А почему взрослые вечно отвечают вопросом на вопрос, когда не знают, что ответить? Я иду спать!

Она встала, но Филипп поймал ее за руку и заставил сесть на место.

— Чтобы выиграть время! Твой вопрос, знаешь ли, не из самых простых!

— Ты так и не ответил!

— Послушай, детство у всех настолько разное, что трудно сразу дать какой-то один ответ. Так что позволь уж мне поразмыслить, а пока скажи, что ты сама об этом думаешь.

— Я тебя первая спросила! — повторила она.

— Свое детство я провел вместе с твоей мамой.

— Я тебя не об этом спрашиваю.

— Нет, об этом! Ты хочешь, чтобы я рассказал тебе о ее детстве! А ей в детстве пришлось несладко, как всем детям, которых жизнь вынуждает слишком рано взрослеть. Как и ты, она была заложницей своей детской внешности и этих чертовых песочных часов, в которых песчинки текут слишком медленно. Она только и делала, что ждала будущего и мечтала стать взрослой!

— Она была несчастной?

— Скорее нетерпеливой. Нетерпение убивает детство.

— И что тогда?

— И тогда — ты ведь об этом спрашивала — детство начинает казаться невыносимо долгим, вот как тебе сейчас, верно?

— А тогда почему нельзя сразу стать взрослым?

— Потому что у детства есть свои достоинства. Детство закладывает фундамент для твоей мечты, да и для всей твоей жизни. В воспоминаниях детства ты станешь потом черпать силы, искать утешения от пережитых разочарований, они будут поддерживать в тебе любовь, отгонять страхи, а порой помогать раздвигать границы твоих возможностей.

— Мне разонравилось мое детство.

— Знаю, Лиза, и обещаю сделать все, чтобы вернуть тебе его яркие краски, правда, некоторые правила все равно останутся черно-белыми.

На рассвете они расположились на краю понтона. Собрав все свое терпение, Филипп попросил Лизу, уже в четвертый раз запутавшую леску на своей удочке, хотя бы сделать вид, что ей интересно ловить рыбу. Он напомнил ей, что она сама захотела поехать с ним вдвоем на рыбалку. И тут, цокнув языком, она кратко изрекла:

— На море! — И сухо добавила: — А не на озеро!

Предоставив поплавку болтаться на воде, она уставилась на мелкие волны, бьющиеся о сваи понтона.

— Расскажи мне о твоём доме! — попросил Филипп.

— Что рассказать?

— Расскажи, как ты там жила? Помолчав, Лиза тихонько проговорила:

— С мамой. — И замолчала.

Филипп прикусил себе щеку. Положив удочку, он придвинулся к Лизе и обнял ее.

— Это был не самый умный вопрос, прости, Лиза.

— Как же! Ты просто хотел, чтобы я рассказала тебе о ней! Хочешь узнать, говорила ли она о тебе? Нет! Никогда! Она мне никогда о тебе не говорила!

— Почему ты такая злая?

— Я хочу домой! Я вас не люблю!
— Мама говорит, что любовь либо приходит сразу, либо никогда!
— Твоя мама была очень одинока с этими своими представлениями обо всем и «сразу»!

На следующий день ей на крючок попалась такая здоровенная рыба, что Лиза чуть было не шлепнулась в воду. Филипп обхватил ее руками, помогая удержаться и вытащить добычу. После яростной схватки они совместными усилиями выволокли на берег огромный пук водорослей. Филипп разочарованно воззрился на «добычу», а переведя взгляд на Лизу, заметил ямочки, образовавшиеся у нее на щеках. И над понтоном разнесся самый лучший в мире звук — радостный детский смех.

Случалось, Лизе снились кошмары. Тогда он обнимал ее и укачивал. Убаюкивая ее по ночам, он думал о тех кошмарах, с которыми она столкнется в своей взрослой жизни. Некоторые раны, полученные в детстве, не заживают никогда. Они забываются на какое-то время, позволяя нам вырасти и повзрослеть — с тем, чтобы вернуться позже и лишь больнее напомнить о себе.

В конце недели они вернулись домой. Томас, обрадованный их возвращением, ходил за ними по пятам.

Стоило Лизе пойти к себе, он отправлялся за ней следом и усаживался на пол, в уголке у окна, где и сидел тихонько, прекрасно понимая, что молчание — непременное условие его пребывания туг. Время от времени она бросала на него ласковый взгляд и тут же снова погружалась в свои мысли. Когда у нее было настроение, она позволяла ему забраться к ней на кровать и рассказывала о той, другой стране, где грозы наводят страх, а ветры вздымают пыль, смешанную с хвоей.

* * *

Лето закончилось. Лиза осталась на второй год, и начало занятий совпало для нее с началом «трудного возраста». Она почти не общалась с одноклассниками, слишком маленькими, на ее взгляд. Проводя дни и ночи напролет за чтением собственноручно отобранных книг, она не чувствовала себя одинокой.

Наступил декабрь. Как-то раз Томас услышал в школе, как одна девочка обозвала его сестру «грязной иностранкой», и он со всей силы пнул обидчицу по ноге. Та погналась за ним по коридору и стукнула так,

что он упал и расшиб губу. Рот Томаса наполнился кровью. Лиза подбежала, увидела Томаса на полу, в крови, схватила обидчицу за волосы и, уже не контролируя себя, одним ударом отбросила к стене. Девочка пошатнулась и рухнула на пол, из носа у нее пошла кровь. Томас испуганно поднялся: он не узнавал Лизы. Выкрикивая по-испански какие-то угрозы, она сжимала горло своей жертвы. Томас кинулся к сестре, умоляя отпустить девочку. С перекошенным от ярости лицом Лиза наконец послушалась и, напоследок двинув жертву ногой, ушла не оборачиваясь. Ее на две недели исключили из школы, а дома не разрешили выходить за пределы комнаты. Лиза дверь не открывала и даже Томасу не разрешала входить, когда он приносил ей фрукты. И тут впервые мир в доме восстановила Мэри. Журналистская жилка помогла ей выудить из сына всю историю. На следующий же день Мэри отправилась к классному руководителю и потребовала немедленно допустить ее приемную дочь к занятиям, а также извинений от той, что обзывала Лизу. Лиза ничего не сказала и вернулась в класс. Больше ее никто не обижал, а Томас еще несколько дней гордо демонстрировал вздувшуюся синюю губу.

* * *

В конце января Лизе исполнилось одиннадцать лет. Лишь две девочки из ее класса откликнулись на приглашение прийти на праздник, устроенный стараниями Мэри. Вечером семья поужинала остатками практически нетронутого праздничного стола. Лиза не вышла из своей комнаты. Убравшись на кухне и сняв праздничные гирлянды в гостиной, Мэри с тарелкой поднялась к ней. Усевшись на край постели, она принялась увещевать Лизу, настоятельно советуя ей быть более общительной, чтобы завести друзей.

Первые дни весны погода стояла солнечная, но по утрам воздух все еще обжигал холодом. В один из этих солнечных дней Джоанна с Мэри пили чай в гостиной, когда из школы вернулась Лиза. Хлопнув входной дверью, девочка буркнула «здрасьте» и пошла к себе наверх. Строгий окрик Мэри остановил ее на шестой ступеньке. Лиза обернулась: залепанные грязью брюки перекликались с измазанными грязью щеками. Не менее плачевно выглядели ботинки.

— Ты что, в лужах купаешься? Изо дня в день возвращается вся в грязи! Мне, похоже, прачечную нужно купить, чтобы тебя обстирыл! —

не выдержала Мэри.

— Я шла переодеваться, — недовольно буркнула Лиза.

— Чтобы я больше этого не видела! рассерженно крикнула Мэри вслед исчезнувшей наверху Лизе, Переоденешься и спускайся вниз, сделаешь себе с шдвич! Мне надоело, что ты ничего не ешь! Ты меня поняла?!

Из глубины коридора донеслись не СЛИШКОМ вежли вое «ага» и оглушительный хлопок дверью, Мэри с глубоким вздохом вернулась к подруге. Джоанна, одетая с иголки, в безупречном бежевом костюме, деликатно коснулась своих волос, проверяя, не выбилась ли какая-нибудь прядка.

— Да, должно быть, нелегко каждый день такое выдерживать. Сочувствую, — проговорила она с доброжелательной улыбкой.

— Да уж. А как только с ней разберусь, начнутся трудности с Томасом, который во всем ей подражает.

— С ней тебе, должно быть, особенно трудно.

— Почему?

— Ты отлично знаешь, о чем я, Всему городу это известно, и мы все тобой восхищаемся.

— О чем ты, Джоанна?

— Матери всегда трудно с девочкой-подростком, а Лиза к тому же из другой страны, она не совсем такая, как все. Не обращать на это внимания и приручать ее, как это делаешь ты, верх благородства для приемной матери.

Мэри показалось, что ее огрели молотком по голове.

— О моих отношениях с Лизой говорят в городе?

— Конечно, мы о вас говорим! Согласись, что твоя история не банальна! К счастью для нас. Прости за последнюю фразу, это нехорошо с моей стороны. Нет, я хочу сказать только, что мы сочувствуем, вот и все.

Раздражение, охватившее Мэри при первых же словах Джоанны, сменилось глухой яростью. Она буквально закипела. Наклонившись к Джоанне вплотную, она с угрожающим видом заговорила, пародируя тон собеседницы:

— И где ж это вы мне сочувствуете, моя дорогая? В парикмахерской? В приемной у гинеколога или диетолога или, может, на диване у психотерапевта? А может, на массажном столе, пока вам мнут кости? Скажи, я действительно хочу знать, когда именно выдохнете от скуки настолько, что вам больше и поговорить не о чем, кроме как обо мне? Я знала, что вы скучны до смерти и что с годами лучше не становитесь, но чтобы до такой степени!

Джоанна отшатнулась, вжавшись в спинку дивана.

— Не психуй, Мэри, это же смешно! Я не сказала ничего плохого, ты все не так поняла. Наоборот, я пыталась сказать, как сильно мы тебя уважаем!

Мэри поднялась и схватила Джоанну за руку, заставляя ее встать.

— Знаешь, Джоанна, как вы меня уже достали, со всем вашим уважением в придачу! Если бы ты только знала, как же вы меня достали, и ты в первую очередь, президентша своего сраного клуба недотраханых! Сейчас я дам тебе небольшой урок английского, слушай меня внимательно, и, если тебе удастся как следует напрячь свой жалкий умишко, ты, быть может, даже сможешь пересказать его подружкам. Так вот, слушай: приручают животных! Ребенка воспитывают! Хотя когда я вижу твоих на улице, то понимаю, что тебе пока еще не удалось постичь разницу. И все-таки попробуй, может быть, станешь меньше скучать. А теперь убирайся отсюда, да поживее, а не то я сама вышвырну тебя пинком под зад!

— Ты что? Совсем сбрендила?

— Да! — заорала Мэри. — Сбрендила! И поэтому столько лет живу со своим мужем! Воспитываю двоих своих детей! И счастлива! Вон отсюда! Убирайся!

Она с треском захлопнула дверь за опрометью вылетевшей Джоанной. Пытаясь успокоиться и унять начинавшуюся головную боль, Мэри прижалась лбом к холодной стене. Она постепенно приходила в себя и, когда за спиной у нее раздался скрип ступенек, вздрогнула и обернулась.

Лиза, одетая в безупречно чистые леггинсы, продефилировала на кухню и тут же вышла обратно уже с тарелкой в руках. Она соорудила себе четырехъярусный бутерброд с ветчиной, курицей и майонезом. Он получился таким высоким, что ей пришлось скрепить его, проткнув китайской палочкой, оставшейся от блюд, которые они заказывали на дом, когда Мэри лень было готовить. Посередине лестницы, на той самой ступеньке, где ее в прошлый раз остановила Мэри, Лиза обернулась и, гордо улыбаясь, объявила:— Вот теперь я проголодалась!

С этими словами она скрылась в своей комнате.

В июле они всей семьей поехали на каникулы в горы. Лизе там удалось наконец обрести некое подобие той свободы, которой ей так не доставало, и эта поездка очень сблизила ее с Томасом. Лазала ли она по деревьям, взбиралась ли на гору, наблюдала ли за животными или ловила насекомых, она все делала с таким азартом и с такой ловкостью, что Томас не мог не восхищаться ею, и с каждым днем она все больше становилась для него старшей сестрой. Мэри, не смея в этом признаться даже самой себе, в

глубине души страдала, видя, что дети все сильнее привязываются друг к другу, ей казалось, что Лиза отнимает у нее сына. С раннего утра Лиза утаскивала Томаса на поиски приключений. Она всегда играла роль руководителя лагеря Корпуса Мира, а братишке обычно доставались роли разных жертв урагана. После ночной грозы, когда Томас чуть не до рассвета успокаивал Лизу и никому не рассказал о колотившей ее дрожи, он получил повышение и стал ее помощником. На следующий день, на заре, когда земля была еще мокрой от росы, Лиза смешала ее с хвойными иголками и глубоко вдохнула запах. За завтраком она поднесла эту смесь Филиппу под нос и, к вящему расстройству Мэри, с гордостью заявила, что так пахнет у нее дома, но там все-таки лучше.

Месяц промчался быстро, и по возвращении домой, в пригород Нью-Йорка, дети почувствовали себя взаперти. Начало учебного года прошло незаметно в монотонной череде уменьшающихся дней, когда багрянец листвы уже не в силах скрасить серости неба, которое просветлеет теперь лишь в преддверии лета.

* * *

На Рождество Лиза получила в подарок набор для рисования, в который входили коробки карандашей, кисточки, гуашь и уголь. Она тут же принялась рисовать на большом листе, припиленном к степсу в ее комнате, гигантскую фреску.

Картина, свидетельствующая о немалых художественных способностях Лизы, изображала ее деревню: центральная площадь и возвышающаяся над ней церковь, улочка, ведущая к школе, большой склад с распахнутыми дверями и стоящий перед ним джип. На переднем плане, перед домиком на краю обрыва, она изобразила Мануэля, сеньору Казалес и ослика.

— Это наша деревня в горах. Мама внутри дома, — добавила она.

Мэри заставила себя внимательно рассмотреть «шедевр» и под помрачневшим взглядом Филиппа ответила в тон Лизе:

— Вот и хорошо. Если повезет, то лет через двадцать я тоже буду на картине. Конечно, это будет сложнее, у меня появятся морщины, но ведь и ты к тому времени набьешь себе руку. Я уверена, что, когда захочешь, у тебя все получится. Время есть.

16 января 1991 года в 19 часов 14 минут сердце Америки стало биться

в ритме падающих на Багдад снарядов. Срок ультиматума истек прошлой ночью около полуночи, и Соединенные Штаты при поддержке западных союзников для освобождения Кувейта вступили в войну с Ираком. Два дня спустя закрылась компания «Истерн Эйрлайнз», она больше не возила пассажиров ни в Майами, ни куда еще. Через сто часов после начала наземных боевых действий союзные войска прекратили огонь. В сражении погибли сто сорок один американский солдат, восемнадцать британских, десять египетских, восемь из Эмиратов и два француз. Под бомбежками погибло сто тысяч военных и гражданских жителей Ирака. В конце апреля Лиза вырезала из «Нью-Йорк тайме» статью, которую выучила наизусть и вклеила в большой альбом. В заметке сообщалось, что сильный ураган обрушился на Бангладеш, унеся жизни двадцати пяти тысяч человек. В конце весны Лизу доставила домой машина муниципальной полиции. Ее задержали, когда она рисовала флаг на стволе дерева позади вокзала. Филипп сделал все возможное, чтобы делу не дали ход, доказав полицейским со справочником в руках, что речь шла о цветах гондурасского флага, а не иракского. На выходные Лизу заперли в комнате, и Мэри на месяц конфисковала у нее набор для рисования. 1991 год кичился своими зарождающимися демократическими надеждами: 17 июня в ЮАР отменили законы апартеида, а избрание Бориса Ельцина президентом Российской Федерации возвестило о конце СССР. В ноябре того же года семьсот югославских танков окружили Вуковар, Осиек и Винковци. Это и было начало новой войны, той самой, которой предстояло потрясти сердце старой Европы.

* * *

1992-й начался морозной зимой. Через несколько недель Лизе исполнится тринадцать. С вершины холмов Монтклера виднелся Нью-Йорк, укутанный в серо-белую мантию. Филипп погасил в кабинете свет и прошел в спальню. Улегшись рядом со спящей женой, он застенчиво провел рукой по ее спине, прежде чем отвернуться.

— Я скучаю по твоему взгляду, — проговорила она в темноте. Помолчав, она продолжила свои откровения зимней ночи: — Я ведь вижу, как загораются твои глаза, когда ты смотришь на Лизу. Если бы я только могла получить хотя бы частичку этого света. Со смертью Сьюзен твой взгляд на меня потух, внутри тебя как будто что-то умерло, и я не могу тебя

оживить.

— Ты не права. Я стараюсь как могу, это не всегда легко, да и я далек от совершенства.

— Я не могу тебе помочь, Филипп, потому что дверь закрыта. Неужели прошлое для тебя настолько важнее, чем настоящее и будущее? Я понимаю, так легко поддаться ностальгии — эта сладостная боль созерцания, приятная неспешная смерть, но ведь все-таки это смерть, Филипп. В начале нашего знакомства ты рассказывал мне о своих мечтах, желаниях, и я подумала, что ты приглашаешь меня разделить их с тобой. Я пришла, а ты остался пленником своих грез. А теперь у меня появляется ощущение, что меня саму же и выбросили из моей же собственной жизни. Я тебя ни у кого не отнимала, Филипп, ты был один, когда мы познакомились, помнишь?

— Зачем ты все это говоришь?

— Потому что ты отдаляешься, и не я тому виной.

— Почему ты не хочешь сблизиться с Лизой?

— Потому что в этом должны участвовать обе стороны, а она тоже к этому не стремится. Это тебе было легко, место-то отца изначально пустовало.

— Но в ее сердце хватит места для всех!

— И это ты мне говоришь? Ты, который, несмотря на всю мою любовь, не смог для меня отыскать места в своем?

— Неужели я так сильно тебя расстроил?

— Гораздо хуже, Филипп. Нет худшего одиночества, чем одиночество вдвоем. Я хотела уйти, хотя очень тебя люблю. Это ведь абсурд и надругательство над здравым смыслом! Но именно потому, что я тебя люблю, я все еще здесь. А ты по-прежнему в упор меня не видишь, ты видишь только себя, свою боль, свои сомнения и утраты. И, хотя общение с тобой уже давно не доставляет мне удовольствия, я все равно тебя люблю.

— Ты хотела меня бросить?

— Я думаю об этом каждое утро, когда просыпаюсь, глядя, как ты молча глотаешь свой кофе, как ты тщательно заворачиваешься в свое одиночество, выходя из бесконечно долгого душа, где ты водой смывал запах моей кожи, и я знаю, насколько ты далек от нас, когда ты прячешься под своим душем, когда бросаешься к зазвонившему телефону, с радостью хватаясь за любой предлог и выискивая любую лазейку, чтоб еще больше отдалиться. А я остаюсь одна, со всеми своими океанами счастья, по которым мечтала плыть с тобой.

— Я просто немного растерян, — пожаловался он.

— Ты ничему не хочешь учиться, Филипп. Я вижу, ты думаешь о старости, приглядываешься к морщинкам, которые появляются у тебя на лице. А я вот с первого же дня поняла, что и стариком буду тебя любить. Именно так я осознала, что хочу жить с тобой, потому что мысль о старости рядом с тобой делает меня счастливой. Я впервые в жизни не испугалась вечности. И времени тоже. Потому что, когда ты входил в меня, я чувствовала твою силу и твою слабость, и мне нравился их нежный союз. Но я не могу одна придумывать нашу жизнь, никто этого не может. Жизнь не придумывают, любовь моя, нужно лишь иметь мужество жить. Я уеду на несколько дней. Иначе я совсем себя потеряю.

Филипп поцеловал Мэри руки.

— Вместе с ней умерло мое детство, и мне никак не удастся выйти из траура.

— Сьюзен только предлог, да и детство тоже. Ты можешь навечно погрузиться в свои воспоминания, это каждый может. Люди мечтают об идеале, ждут его, ищут, стремятся к нему, а потом однажды, когда вдруг счастье появляется на их пути, выясняется, что им страшно его отведавать, они боятся, что окажутся не на высоте своей мечты, боятся сделать ее реальностью и принять на себя ответственность. Легче всего отказаться быть взрослым, позабыть свои ошибки и все свалить на судьбу, замаскировав собственную лень. Если бы ты знал, как я вдруг устала. Мне хватило мужества, Филипп, любить тебя и твою жизнь, такую непростую, как ты говорил вначале. Непростую в чем? Из-за твоих мучений и несовершенств? Потому что ты счел, что у тебя монополия на них?

— Ты устала от меня?

— Все это время я только и делала, что слушала тебя, а ты слушал только самого себя, но мысль сделать тебя счастливым переполняла меня радостью, и я плевать хотела на трудности повседневной жизни. Я не побоялась ни твоей зубной щетки в моем стакане, ни твоего храпа по ночам, ни твоего мятого по утрам лица. Мои мечты делали меня выше этого. Мне тоже пришлось многому поучиться: бороться с приступами одиночества и головокружения. Только замечал ли ты это? Я соглашалась с тобой даже в том, что твой мир начинает порой вертеться в противоположную сторону, но, хочешь ты этого или нет, земля всегда крутится в одну и ту же сторону и несет тебя на себе, и ты вертишься вместе с ней.

— Да что такое произошло? С чего ты вдруг мне все это говоришь?

— Ровным счетом ни с чего. Только каждую ночь ты отодвигаешься от меня чуть дальше. Просыпаясь по утрам, я вижу твой затылок, а не сонное

лицо, как когда-то раньше. Твои руки так лениво, так равнодушно скользят по моей коже. И как же я ненавижу, господи, твое неизменное «спасибо», которое ты произносишь, когда я целую тебя в шею! Почему ты сегодня не поработал еще часок-другой? Мне так хотелось снова справиться с собой и ничего тебе не говорить!

— Но ведь ты пытаешься мне сказать, что больше меня не любишь!

Мэри встала и, выходя из комнаты, поглядела на него. Он видел, как ее силуэт растворился во мраке коридора, выждал несколько минут и пошел следом. Мэри сидела на верхней ступеньке, уставившись на входную дверь. Опустившись позади нее на колени, он неловко ее обнял.

— Я пыталась сказать тебе обратное, прямо противоположное, — промолвила она. Затем встала, спустилась по ступенькам, прошла в гостиную и закрыла за собой дверь.

Трудное оно, утро после ночи сказанных наконец-таки слов, о которых давно догадывались, но не желали слышать. Кутаясь в кожаное пальто, Мэри на пороге дома боролась с пронизывающим утренним холодом. С лестницы донеслись голоса детей, и она крикнула, что будет ждать их в машине и пусть поторопятся, не то они опять опоздают. Филипп, подойдя, погладил ее по голове.

— Может, я не выражаю это так, как тебе бы хотелось, Мэри, но я тебя очень люблю.

— Не сейчас и не при детях, пожалуйста. И вообще, мне кажется, что солнышки печь еще рановато!

Он поцеловал ее в губы. С верха лестницы Томас принялся вопить что было сил:

— Влюбленные! Влюбленные! Влюбленные!

Лиза пихнула его в плечо и вызывающе заявила:

— Скажи мне, Томас, ведь ты когда-нибудь перестанешь быть семилеткой, не останешься же ты таким на всю жизнь!

Не дожидаясь ответа, Лиза спустилась вниз. На ходу выхватила ключи из рук Мэри и крикнула уже с улицы:

— Это я буду ждать вас в машине! — И, гримасничая, пробурчала себе под нос: — Тоже мне, влюбленные!

Мэри подошла к машине, открыла багажник, положила туда маленький чемоданчик, потом уселась за руль.

— Ты уезжаешь? — поинтересовался Томас.

— Съезжу на несколько дней к сестре в Лос-Анджелес. С вами остается папа.

Оставив машину на стоянке, Мэри направилась к дверям терминала.

Здесь только что закончили ремонт, свежая краска влажно блестела. Ее самолет вылетал через три часа, посадка еще не начиналась. Она вошла в бар и уселась на табурет у стойки. Все взлетные полосы были у нее перед глазами. Говоривший с испанским акцентом бармен подал ей кофе с молоком. Сидя в тишине бара, она перебирала в голове картинки прошлого: первая случайная встреча в зале кинотеатра, неожиданность первых слов, произнесенных на улице, пьянящее волнение, которое не покидало ее и после того, как, обменявшись телефонами, каждый из них вновь зажил своей жизнью. Ожидание, пробуждающее надежды, мелочи, напоминающие о человеке, которого совсем не знаешь, телефонный звонок, превративший день в праздник, и опять молчание, и мысли, мысли, мысли, которые гонишь прочь... Взгляд в толпе на Таймс-сквер в канун Нового года, дверь дома, выходящая на пустынную улочку Сохо, холод раннего утра и снова ожидание. Зарождающаяся близость, вечера, заканчивающиеся ужином в «Фанелли», старая деревянная лестница, каждая ступенька которой казалась выше предыдущей после того, как Филипп исчезал за поворотом, часы, проведенные за разглядыванием телефона. И среди этого длинного шлейфа воспоминаний память обо всем, что случилось в первый раз: букет алых роз, позабытый на коврике перед дверью, стыдливость объятий и неловкие жесты, хрупкая ночь, когда то и дело просыпаешься из страха помешать другому, когда не знаешь, куда себя деть и куда пристроить руку.

И внезапная догадка, что возникшая привязанность займет слишком много места в ее жизни, повлекшая за собою первые страхи, что утром он уйдет и больше не позвонит, что любовь — это зависимость, даже для самых непокорных... Мгновения, помогающие почувствовать себя семейной парой: совместные завтраки, проведенные вместе выходные, воскресные вечера или просто вечер, когда он остался с тобой, изменив своей привычке жить в одиночестве, болтовня, мечты, проекты, которыми делишься, следя за глазами другого, чутко реагируя на улыбку или молчание. Жизнь вдвоем, которая становится долгожданной свободой. Мэри вспомнила, как Филипп стоял перед ней в церкви в парадном смокинге, отвечавшем требованию торжественности момента. Почему они не поженились в обычной одежде, как пообещали друг другу? В той одежде, которая была на них, когда он привез ее в Монтклер, чтобы показать дом, в котором они теперь живут? Дом, в ванной комнате которого полоска бумаги, определенным образом изменив цвет, изменила и их жизнь. Запах краски и полуденный свет в будущей детской, где вскоре поселится младенец, уже растущий у нее в животе. Слепой взгляд

Филиппа, погруженного в воспоминания, и любовь, которую она ему дарила, чтобы вернуть к себе. Мэри вздрогнула, когда ее вернул к действительности бармен.

— Еще кофе, мадам? Простите, я не хотел вас напугать.

— Нет, спасибо, — ответила она. — Мне пора.

Расплатившись, она вышла из бара. Возле касс увидела телефонные кабины, сунула монетку в автомат и набрала номер. Филипп сразу снял трубку.

— Ты где?

— В аэропорту.

— Во сколько твой самолет?

Голос его был грустным и ласковым. Мэри помолчала, прежде чем ответить:

— Не хочешь сегодня поужинать? Вызови няню и закажи нам столик в «Фанелли», я заменю неделю на солнышке одним днем шоппинга. Надень джинсы и синий свитер с круглым воротом. В нем ты выглядишь особенно сексуальным. Я буду ждать тебя в восемь часов на углу Мерсер и Принс.

Она положила трубку и, улыбаясь, зашагала к стоянке.

Этот день она посвятила себе. Парикмахерская, маникюр, педикюр, маски для лица и все прочее. Прежде чем сдать в кассу билет на самолет, она внимательно посмотрела на проставленную в нем сумму, пообещав себе, что не будет ее превышать. Она купила себе пальто, юбку, хлопчатобумажную кофту и свитерок Томасу.

В ресторане «Фанелли» она выбрала столик в первом зале. За ужином Филипп не скупился на знаки внимания. Потом под ледяным ветром они прогулялись по улочкам их бывшего квартала, по привычке дойдя до дома, в котором прежде жили. На крыльце Филипп обнял ее и поцеловал.

— Пора домой, — сказала она. — Уже поздно, надо отпустить няньку.

— Я оплатил всю ночь, и завтра она отведет детей в школу, а тебя я отведу в отель, где заказал нам номер.

Лежа на смятых простынях, прежде чем погрузиться в сон, Мэри всем телом прижалась к Филиппу и обняла его обеими руками.

— Я рада, что не поехала в Лос-Анджелес.

— Я тоже рад, — ответил он. — Мэри, я услышал то, что ты мне вчера сказала, и тоже хочу тебя кое о чем попросить. Я хочу, чтобы ты постаралась наладить отношения с Лизой.

* * *

Прошло полтора года, и Мэри продолжала стараться. Филипп по утрам отвозил детей в школу, Мэри забирала их после занятий. Томас не расставался со старшей сестрой, к которой очень привязался. Каждую среду он отправлялся после обеда в библиотеку Монтклера и отыскивал там для Лизы все, что касалось Гондураса. Делал фотокопии газетных статей, а она вклеивала их себе в альбом, перемежая своими рисунками то углем, то черным карандашом. Лиза ходила с Томасом на бейсбол, сидела на перилах и, когда Томас бил по мячу, вопила на весь стадион, поддерживая его. В августе они вместе ездили в спортивный лагерь. А Филипп с Мэри сняли маленькую виллу в Хэмптоне, у самой воды. На зимние каникулы дети отправились учиться кататься на лыжах, а взрослые прожили неделю вдвоем в шале на берегу замерзшего озера в Адирондаке. Семья по-прежнему делилась на пары, но пары изменились: с одной стороны родители, с другой — дети. Изменилась и Лиза. Девочка день за днем превращалась в девушку.

* * *

В январе 1993 года Лиза отпраздновала очередной день рождения: ей исполнилось четырнадцать лет, и в гости к ней пришли восемь подружек. Ее кожа становилась все более смуглой, а в глазах все ярче разгорался огонек непокорства. Мэри порой даже беспокоила расцветающая красота Лизы, особенно когда они шли вдвоем по улице. Взгляды прохожих напоминали Мэри, что время не стоит на месте, и она ощущала нечто вроде зависти, хотя ни за что бы в этом не призналась. Дерзость и выходки Лизы частенько служили поводом для ссор. Лиза тогда запиралась у себя в комнате, в которую допускался только брат, и погружалась в свой секретный дневник, который прятала под матрасом. Она не особенно утруждала себя учебой, делая ровно столько, чтобы оставаться в середнячках. К удивлению Филиппа, она не покупала себе ни пластинок, ни комиксов, ни косметики и никогда не ходила в кино. Все деньги, которые ей давали на карманные расходы, она складывала в синего плюшевого зайца, служившего копилкой благодаря молнии на спине. Казалось, Лиза никогда не скучала, даже если сидела часами, уставившись

в никуда. Она жила в своем собственном мире, лишь изредка выходя из него к тем, кто ее окружал. Чем больше проходило дней, тем дальше отдалялась ее планета.

Наступало лето, заканчивались занятия в школе. Чудесный июнь подходил к концу, обещая долгожданный праздник — школьный пикник. Филипп, Мэри и Томас готовились к нему три дня.

На завтрак Томас пришел последним. Лиза есть не захотела, и Мэри быстренько приводила кухню в порядок. Укрытые бумагой торты уже аккуратно стояли в багажнике, а Филипп нетерпеливо нажимал на клаксон, поторапливая семейство. Когда был застегнут последний ремень безопасности, мотор уже урчал. Ехать до школы было всего десять минут, и Мэри не видела причин для подобного нетерпения. По дороге Филипп все время поглядывал в зеркало заднего вида. Его раздражение было настолько очевидным, что Мэри заинтересовалась, в чем, собственно, дело. С трудом сдерживаясь, Филипп обратился к Лизе:

— Три дня мы все стоим на ухах, готовясь к твоему празднику по случаю окончания учебного года, и единственный человек, кому на все это глубоко напле вать, — это ты!

Разглядывая облака за окном машины, Лиза не соизволила ответить.

— Молчишь? И правильно, — продолжал Филипп. — С твоими результатами гордиться нечем.

Надеюсь, на следующий год ты подтянешь свою успеваемость, иначе множество профессий станут для тебя недоступны.

— Для того, чем я хочу заниматься, моих оценок вполне достаточно!

— Наконец-то отрадная новость! Мы узнаем, что ты чего-то хочешь! Вы все слышали? У Лизы есть желание!

— Да что с вами такое?! — вмешалась Мэри. — Успокойтесь сейчас же!

— Спасибо за поддержку, — иронично продолжал Филипп. — А могу я узнать, что же это за работа такая, которая ждет тебя не дождется и для которой достаточно даже твоих ничтожных познаний?

Лиза процедила сквозь зубы, что, как только станет совершеннолетней, вступит в Корпус Мира и вернется в Гондурас, чтобы заниматься тем же, чем занималась ее мать. Мэри, у которой сразу заныло в животе, отвернувшись к окну, чтобы скрыть свои эмоции. Завизжав тормозами, машина резко остановилась у обочины. Томас вжался в сиденье, вцепившись в ремень безопасности. Филипп в бешенстве обернулся.

— Сама додумалась или подсказал кто? Вот, значит, ыкак ты понимаешь отзывчивость?! Вот какова твоя нам благодарность! По-твоему, в этом и заключается истинное благородство?! Бегство от собственной жизни ты расцениваешь как мужество! А ты знаешь, к чему это ведет? И

это ты хочешь принять за образец? Но где же свидетели того счастья, которое она оставила за собой? Ты никогда туда не вернешься, слышишь? Или ты хочешь, чтобы я тебе напомнил, что бывает, когда отказываешься от собственной жизни?..

Мэри сжала руку мужа.

— Замолчи! Ты не имеешь права говорить ей такие слова! Ты говоришь не со Сьюзен, слышишь?!

Филипп выскочил из машины, в сердцах хлопнув дверцей. Мэри повернулась к Лизе и погладила по щеке плачущую от испуга девочку.

— Я тобой горжусь, — ласково и совершенно искренне сказала она. — То, чему ты собираешься посвятить свою жизнь, требует большого мужества. Ты и так похожа на свою мать, и у тебя есть полное право быть еще больше на нее похожей, потому что твоя мама была удивительной женщиной.

Немного помолчав, Мэри добавила:

— Тебе повезло. Мне бы тоже хотелось восхищаться в твоем возрасте родителями и мечтать быть похожей на них.

Мэри несколько раз настойчиво нажала на клаксон, призывая Филиппа. Он вернулся, и она потребовала, чтобы они немедленно ехали дальше, ее тон не допускал возражений. Потом она снова отвернулась к окну, и глаза у нее были невеселыми.

В школе Филипп не стал принимать участия в развлечениях, отказался сесть в зале, когда вручали призы, и за столом не произнес ни слова. Молчал он и дальше. Он не глядел на Лизу и не взял ее руки, протянутой ему в знак примирения в конце праздничного обеда. Мэри попыталась вызвать у него улыбку, удивленно поднимая бровь, но безуспешно. Она считала его поведение детским, о чем и сообщила Томасу. А потом все время посвятила Лизе, для которой праздник был окончательно испорчен. Атмосфера в машине по дороге домой резко отличалась от той, что царила на только что завершившемся празднике.

Дома Филипп немедленно поднялся в свой кабинет. Мэри поужинала в компании детей. Обстановка была гнетущей. Уложив их, она в одиночестве легла сама и, глубоко вздохнув, натянула одеяло на плечи. Утром, открыв глаза, она обнаружила, что на кровати рядом с ней пусто. На кухонном столе лежала записка, что он уехал на работу и вернется поздно, ждать его не надо.

Мэри приготовила завтрак, раздумывая, как ей провести эти странные выходные дни. Днем она вышла за покупками, оставив детей смотреть телевизор.

В супермаркете ее охватило чувство страшного одиночества. Но Мэри не пожелала поддаваться эмоциям и быстренько провела ревизию своей жизни: все, кого она любит, живы и здоровы, у нее есть крыша над головой, муж, который почти никогда не сердится, так что нечего скулить из-за незадавшегося воскресенья.

Мэри сообразила, что говорит вслух, когда проходившая мимо нее старушка поинтересовалась, что она ищет.

— Ищу, из чего бы напечь солнышек, — улыбнулась Мэри.

Толкнув тележку, она направилась к полкам с мукой и сахаром. Домой она вернулась около шести, нагруженная покупками, которые оставались для нее верным средством от сердечных ран. Поставив пакеты на кухонный стол, она повернулась к игравшему в гостиной Томасу.

— Вы хорошо себя вели?

Мальчик кивнул. Мэри принялась раскладывать по местам покупки.

— Лиза у себя? — спросила она.

Томас, поглощенный игрой, не ответил.

— По-моему, я тебя о чем-то спросила, тебе не кажется?

— Нет. Она же с тобой!

— Как это со мной?

— Она ушла два часа назад, сказав: «Я иду к маме».

Мэри выронила пакет с яблоками и схватила сынишку за плечо.

— Как это она сказала?

— Обыкновенно сказала. Отпусти, ма! Больно! Вышла, сказав, что идет к тебе.

В голосе Мэри звучала тревога. Она отпустила Томаса.

— Она взяла рюкзак?

— Честно говоря, я не смотрел. А в чем дело, мам?

— Играй, я скоро!

Мэри взлетела по лестнице, ворвалась в комнату Лизы и поискала зайца-копилку, обычно сидевшего на полке. Пустой заяц валялся на столе. Закусив губу, Мэри поспешила к себе в спальню, выудила из-под кровати телефон и позвонила Филиппу на работу. Никто не отвечал. Сообразив, что сегодня воскресенье, она набрала его прямой номер. На четвертом гудке он взял трубку.

— Немедленно приезжай. Лиза сбежала. Я звоню в полицию.

Филипп припарковал машину за стоящим у дома полицейским фургоном и бегом помчался по дорожке. В гостиной он обнаружил Мэри, сидящую на диване рядом с полицейским Миллером, который что-то записывал.

Полицейский спросил, является ли он отцом малышки. Филипп, покосившись на Мэри, кивнул. Детектив предложил ему присоединиться к беседе. Долгих десять минут он расспрашивал их, что, по их мнению, могло послужить поводом для бегства. Есть ли у Лизы дружок, не порвала ли она с ним недавно, было ли в ее поведении что-то странное, указывавшее на ее намерения?

Филипп с досадой встал. Эта игра в вопросы и ответы не поможет им найти дочь. Она ведь не прячется тут, в гостиной, все эти дурацкие вопросы пустая потеря времени. Заявив, что по крайней мере один человек отправляется ее искать, он вышел, хлопнув дверью. Полицейский ошарашенно поглядел ему вслед. И тогда Мэри рассказала, что Лиза их приемная дочь, что муж накануне наорал на девочку, впервые за все время, что она у них живет. Она не упомянула, что сама сказала Лизе в машине. Она хотела утешить девочку, а теперь стала думать, не спровоцировала ли своими словами ее бегство.

Инспектор убрал блокнот и направился к двери, пригласив Мэри заглядывать за сведениями в отделение. Он попытался ее успокоить: в худшем случае девушка переночует на улице, а завтра утречком вернется. Обычно бегство из дома заканчивается именно так.

Ночь обещала быть долгой. Филипп вернулся несолоно хлебавши, с сорванным голосом. Мэри сидела за кухонным столом. Взяв ее ладони в свои, он пробормотал извинения. Положил голову ей на плечо, поцеловал в щеку и пошел наверх, к себе в кабинет. Мэри проводила его взглядом. Потом поднялась за ним следом и вошла, не постучавшись.

— Я понимаю, что ты не в силах этим заниматься, я тебя понимаю. Но заниматься этим нужно. Ты останешься дома, приготовишь ужин и будешь отвечать на телефонные звонки. Если что-то выяснится, ты тут же перезвонишь мне в машину, а я съезжу и выясню, как у них продвигается дело.

Не дав ему времени возразить, она развернулась и вышла. Из окна кабинета он смотрел, как она бежит к машине, садится в нее и машина исчезает за поворотом.

Лицо Миллера не предвещало ничего хорошего. Усевшись перед ним, она испытала жгучее желание закурить, когда закурил он. Патрули облазили все места в городе, где обычно тусовалась молодежь, опросили некоторых подружек Лизы, и теперь в полиции считали, что она села либо на поезд, либо в автобус до Ман-хэттена. Инспектор Миллер уже отправил факс в центральную диспетчерскую Нью-Йорка, откуда извещение о побеге разошлют по всем полицейским участкам города.

— И что потом? — спросила Мэри.

— Мадам, у каждого инспектора порядка сорока таких досье на столе. Большинство подростков возвращаются домой через три-четыре дня, нужно подождать. Мы продолжим поиски в Монтклере, но Нью-Йорк не в нашей юрисдикции, и у нас нет никакого права туда влезать.

— Наплевать мне на ваши административные границы. Кто конкретно будет заниматься поисками моей дочери?

Миллер понимал ее отчаяние, но что он мог поделать? Разговор был окончен. Мэри была не в силах подняться со стула. Миллер, поколебавшись, выдвинул ящик и протянул ей визитку.

— Сходите завтра к этому человеку, скажите, что вы от меня. Он детектив в Южном Мидтауне, я ему предварительно позвоню.

— Почему бы вам не позвонить ему сейчас?

Миллер поглядел ей в глаза и взялся за телефон.

Вызов принял автоответчик. Миллер собрался повесить трубку, но по настоянию Мэри оставил сообщение, вкратце изложив причину своего звонка. Горячо поблагодарив полицейского, Мэри вышла из комиссариата.

Она доехала до вершины холма Монтклер, откуда был виден Нью-Йорк, простиравшийся в бесконечность. Где-то там, среди миллионов сверкающих огоньков, бродит в ночи четырнадцатилетняя девчушка. Мэри завела машину и двинулась к шоссе, ведущему в Большое Яблоко.

На автобусной станции она показала всему персоналу фотографию Лизы, которую носила с собой в бумажнике. Девочку никто не опознал. Мэри вспомнила о центре, где делала распечатку своего диплома, когда еще жила в городе. Центр работал всю ночь. Она отправилась туда. Там дежурила светловолосая студентка лет двадцати. Мэри объяснила девушке, что ей нужно. Девушка, посочувствовав, предложила Мэри кофе и уселась за компьютер. Набрав слово «разыскивается», она напечатала все сведения, которые сообщила ей Мэри. Распечатав листок, она помогла приклеить фотографию, а потом сделала сотню копий. Мэри вышла на улицу, один листок студентка прилепила на витрину.

Мэри объезжала квартал за кварталом, неспешно колеся по городу. Встречая полицейскую машину, она останавливалась и вручала полицейским, с которыми делила вахту, листовку с фотографией. В семь утра она явилась в седьмой участок и протянула сидящему в дежурке полицейскому визитку, переданную ей Миллером. Дежурный сверился с записями в журнале и сказал, что ей придется подождать или прийти позже. Нужный ей лейтенант придет только в восемь. Мэри уселась на скамейку и с удовольствием взяла стаканчик кофе, который дежурный

предложил ей полчаса спустя.

Офицер криминальной полиции поставил машину на стоянку и направился ко входу в здание. Ему было под пятьдесят, в густых волосах уже серебрились первые нити. Он поднялся в свой кабинет, повесил китель на спинку стула, убрал пистолет в стол. Увидев мигающий огонек автоответчика, нажал на кнопку. Первое сообщение было от домовладельца, требующего уплаты и грозящего пожаловаться его начальству, второе от матери, как всегда, жаловавшейся на соседку по больничной палате, третье, несколько озадачившее его, от бывшей коллеги, переехавшей в Сан-Франциско сразу же после их разрыва. Или они расстались потому, что он не захотел поехать с ней в Сан-Франциско? Четвертое и последнее было от приятеля Миллера из полиции Монтклера. Когда кассета перемоталась, он спустился вниз за кофе: с тех пор как Наталья уехала, никто не приносил ему кофе наверх. Мэри задремала, и он похлопал ее по плечу. Открыв глаза, она увидела мужчину с многодневной щетиной на лице.

— Я лейтенант Джордж Пильгес, мне сообщили о вашем визите. Вы не теряли времени даром. Идите за мной. — Мэри взяла сумочку и стаканчик с кофе. Оставьте кофе здесь, вам принесут горячий.

Пильгес пристально посмотрел на усевшую напротив него женщину. Лицо у нее было усталое. Она не пыталась быть любезной и этим расположила его к себе. Пока Мэри рассказывала, что случилось, лейтенант крутанул на стуле, взял с полки штук тридцать картонных папок и вывалил их на стол.

— Это все ребятишки в бегах. Сбежали на прошлой неделе. Объясните мне, почему я должен придавать больше значения этой соплячке, чем всем остальным?

— Потому что эта соплячка — моя дочь! — отрезала Мэри.

Он откинулся на стуле и изобразил подобие улыбки.

— У меня сегодня хорошее настроение. Я раздам ориентировку всем патрулям и созвонюсь с другими округами города. Возвращайтесь домой, я сообщу вам, если будут новости.

— Я остаюсь в городе. Я тоже ее ищу.

— Вы так устали, что мне следует временно конфисковать у вас права. Пойдемте выпьем настоящего кофе, и не спорьте, иначе я окажусь виновным в неоказании помощи человеку в опасности. Следуйте за мной!

Они вышли из участка. В кафе на углу они устроились за столиком, и она рассказала ему о маленькой девочке, однажды дождливым воскресным днем приехавшей из Гондураса, чтобы навсегда войти в ее жизнь. Когда она

закончила рассказ, они съели по яичнице.

— А как повел себя в этой ситуации ваш муж?

— Ему тяжело. Он чувствует себя виноватым из-за скандала, который закатил ей в машине.

— Ясно. Но если не орать на своих отпрысков, то к чему их вообще заводить?

Она изумленно уставилась на него.

— Я пытаюсь вас развлечь.

— А вы? Почему вы в хорошем настроении?

— Точно, я вам сказал, что в хорошем. Вы очень внимательны.

— Журналистская выучка!

— В действии?

— Нет — заслуга отпрысков, как вы изволили выразиться. В жизни приходится делать выбор. Вы не ответили на вопрос.

— Я понял, насколько мне осточертел этот город.

— И это повод для хорошего настроения?

— Просто все одно к одному. Я понял, что кое по кому скучаю куда больше, чем думал.

— Я по-прежнему не вижу повода для радости!

— А я вижу. И, быть может, мне удастся принять решение, пока не поздно.

— Какое же?

— Перевестись!

— Туда, где живет подруга, по которой вы скучаете?

— А вы мне сказали, что не работаете.

— Найдите Лизу! Я тоже не думала, что мне будет так ее не хватать!

— Зайдите ко мне вечером, если еще будете держаться на ногах. А за рулем поосторожней.

Мэри встала, собралась расплатиться, но он забрал у нее счет и помахал рукой на прощанье. Поблагодарив, Мэри вышла из кафе. Весь день она колесила по улицам. Когда она проезжала мимо здания «Нью-Йорк тайме», у нее защемило сердце. Она инстинктивно поехала в Сохо и остановилась под окнами своей бывшей квартиры. Квартал изменился. Посмотрев на свое отражение в витрине магазина, она невесело вздохнула.

— Неудивительно, что все мне кажется таким далеким, — пробурчала она.

Звонок Филиппу подтвердил, что в Монтклере без изменений. Призвав на помощь все свое мужество, она проглотила чашку кофе в «Фанелли» и отправилась в латиноамериканский квартал.

День подходил к концу, Лиза исчезла двадцать четыре часа назад, и Мэри чувствовала, что ею начинает овладевать отчаяние. От усталости ее напряженность росла. Увидев женщину, идущую с дочкой примерно Лизиною возраста, она остановила машину прямо посередине пешеходного перехода. Женщина серьезно поглядела на нее и пошла дальше. Мэри стало тоскливо. В начале вечера она направилась к полицейскому участку, по дороге позвонив лейтенанту Пильгесу.

Он предложил ей встретиться с ним в том же баре. Мэри приехала первой. Глаза ее не сразу привыкли к царящему здесь полумраку. Кинув монетку в стоящий возле туалетов автомат, она получила пачку «Винстона».

Уселась за стойкой и прикурила от протянутой барменом зажигалки. Голова закружилась от первой же затяжки, Мэри закашлялась и покачнулась на табурете.

Бармен тревожно спросил, все ли с ней в порядке. Вырвавшийся у нее нервный хриплый смех его крепко озадачил.

Наконец появился лейтенант Пильгес, и они сели за столик у стены. Он заказал пиво. Поколебавшись, Мэри тоже заказала пиво.

— Почти весь день я занимался исключительно делом вашей дочки. Думаю, в Нью-Йорке не осталось ни одного патруля, который не получил бы ее данные. Я побывал в пуэрториканском квартале, переговорил со всеми моими информаторами — никаких следов вашей малышки. С одной стороны, это хорошая новость. Значит, она не попала в лапы мерзавцев. Случись такое, меня тут же поставили бы в известность. Лиза под моей защитой, и для некоторых мест это надежнее приставленной охраны.

— Не знаю, как вас благодарить, — пробормотала Мэри.

— И не благодарите! А лучше послушайтесь моего совета. Поезжайте-ка домой, а то сляжете раньше времени, и какой от этого будет прок, когда мы отыщем вашу малявку. Пока вы можете нам помочь.

Пильгес напомнил ей, что подростки действуют не так, как взрослые. Лиза, быть может, и ушла под влиянием импульса, но вряд ли куда глаза глядят. Она наверняка следовала какому-то маршруту, повиновалась какой-то логике, ее собственной. Нить, которой она следует, спрядена ее памятью, и хорошо было бы порыться в воспоминаниях, чтобы отыскать ту, которая в данном случае имела бы смысл. Может, гуляя в парке, она увидела дерево, напомнившее ей страну, где она родилась? Тогда она запросто может сидеть под ним.

— Мы все вместе когда-то ездили в горы, — вспомнила Мэри.

А какие любимые места были у ее матери? Мэри подумала о холмах в

Монтклере, откуда Нью-Йорк виден как на ладони, но там она уже побывала.

— Ну так съездите еще раз! — посоветовал Пильгес.

Может, она вспомнила, что видела где-то гондурасский флаг. Могла поехать туда и посмотреть на него. Да, флаг был, она как-то раз даже его нарисовала. А не было ли места, которое ей казалось мостиком между там и здесь? Мэри вспомнила старую, ободранную красную горку, о которой рассказывал Филипп, но это было так давно, в первые дни Лизиного приезда.

— Ну что ж, на вашем месте я бы проехал по всем этим местам. Скорее всего она в одном из них. — Пильгес тут же одернул себя: — Но в вашем состоянии вы все же не слишком давите на газ. Позвоните мне, а потом немного отдохните.

Мэри встала и поблагодарила лейтенанта. Прощаясь, она положила руку на плечо ворчливого комиссара.

— А вы в самом деле верите, что она может быть на горке?

— Жизнь полна неожиданностей! Действуйте!

Мэри отбросила мысль о поезде: это транспортное средство было слишком дорогим для зайца Лизы. Вернувшись на автобусную станцию, она решила непременно добиться разговора с начальником. Одна из сотрудниц узнала ее и попросила обождать на лавочке. Ожидание казалось бесконечным. Потом тучный, коренастый мужчина пригласил ее в кабинет. Комната оказалась мрачной, но страдающий одышкой хозяин —любезным и готовым помочь.

Она показала ему фотографию Лизы и поинтересовалась, можно ли доехать до Центральной Америки на автобусе.

— Наши южные линии идут до Мехико, — ответил он, вытирая тыльной стороной ладони пот со лба. —С момента исчезновения девочки в южном направлении ушло три автобуса.

С трудом поднявшись, мужчина посмотрел на часы и ткнул пальцем в то место на карте, где, по его расчетам, должны были сейчас находиться эти автобусы. Потом взял с полки огромный справочник компании, чтобы позвонить на стоянки, где автобусы остановятся в следующий раз. Она попросила, чтобы водители срочно передали сведения на станцию в Нью-Йорке. Начальник, хотя это потребовало от него немало усилий, проводил ее до выхода из здания. Мэри, тронутая его заботой до глубины души, рассыпалась в благодарностях, а он в ответ заметил, что ни секунды не верит в то, чтобы девочка такого возраста могла попасть в автобус незамеченной. Да и границу она миновать не сможет!

Борясь со сном, Мэри ехала, открыв окно. Нельзя, нельзя сейчас засыпать! Было восемь тридцать вечера, стоянка перед «Макдоналдсом» была забита, но старая красная горка спокойно стояла в отдалении. Мэри обегала все дорожки, громко зовя Лизу, но тщетно. Внутри тоже никто не опознал девочку по предъявленной фотографии. Мэри направилась в верхнюю часть города, свернула на проселочную дорогу и остановила свой джип у перекрывающего проезд шлагбаума. Дальше она пошла пешком и забралась на самый верх холма. При бледном свете умирающего дня она громко выкрикала имя Лизы, но ей не ответило даже эхо. Мэри захотелось лечь прямо на землю. Когда стало совсем темно, она поняла, что совершенно выдохлась, и, отчаявшись, решила ехать домой.

Томас сидел на полу в гостиной. Ласково поздоровавшись с ним, она поднялась наверх в спальню. Уже поднимаясь, Мэри сообразила, что на первом этаже царит тишина. Оглянувшись, она увидела, что телевизионный экран мертв. Томас смотрел в выключенный телевизор. Мэри немедленно спустилась и, опустившись на колени возле сынишки, обняла его.

— На тебя в последнее время мало обращают внимания, да, лягушонок?

— Как ты думаешь, она вернется? — спросил малыш.

— Я не думаю, я уверена.

— Она ушла из-за того, что папа на нее накричал?

— Нет, скорее из-за меня. По-моему, я не очень облегчила ей жизнь.

— Ты ее любишь?

— Да! Как ты можешь задавать такой вопрос?

— Но ты ни разу этого не сказала. Мэри приняла удар.

— Не сиди так, лучше сделай нам пару сэндвичей. Я пойду переоденусь и сразу спущусь поужинать с тобой. А где папа?

— Он уехал в полицейский участок, приедет через час.

— Тогда сделай три... нет, четыре сэндвича!

И она снова стала подниматься по лестнице, держась за перила. Но не свернула в спальню, чтобы переодеться, а пошла в кабинет Филиппа.

Там царил полумрак. Мэри коснулась стоявшей на столе лампы. Достаточно было тронуть металлическую кнопку, чтобы та зажглась.

Направившись к полке, она взяла фотографию и поднесла к глазам. Из давнего прошлого Сьюзен сияла улыбкой. Мэри глухо заговорила:

— Ты мне нужна. Видишь, я стою, как последняя дура, посреди комнаты и знаю, что еще никогда в жизни мне не было так одиноко. Я пришла к тебе просить помощи. Потому что оттуда, где ты сейчас, ты

наверняка ее видишь. Я не могу одна со всем справиться. Я догадываюсь, о чем ты думаешь, но не надо было присылать ее ко мне, если ты не хотела, чтобы я к ней так привязалась. Я прошу всего-навсего возможности продолжать любить ее и дальше. Помоги мне, не бойся, ты все равно всегда будешь ее матерью. Пошли мне знак, совсем крошечный, это-то ты можешь сделать или нет?

Слезы, которые она так долго сдерживала, полились по ее щекам. Сидя в кресле мужа, прижимая к груди фотографию Сьюзен, она уперлась лбом в крышку стола. Потом подняла голову и уперлась взглядом в стоящую посреди стола шкатулку. Ключ лежал рядом. Вскочив, она стремглав кинулась вниз по лестнице.

С порога бросила Томасу:

— Никуда не уходи, ешь сэндвичи и смотри телевизор. Когда придет папа, скажи, что я ему позвоню. Дверь никому не открывай. Ты понял?

— Мама! Скажи, что случилось?

— Потом, солнышко, у меня ни минутки! Сделай все, как я прошу, и я тебе обещаю, мы наверстаем упущенное.

Она бегом помчалась к машине, и, когда вставляла ключ, руки у нее тряслись. Двигатель заурчал. Она ехала очень быстро, обгоняя то справа, то слева всех подряд и слыша за собой яростный хор гудков, на которые ей было наплевать. У нее бешено колотилось сердце, готовое выпрыгнуть из груди, но с каждой секундой она ехала все быстрее. При въезде на 47-е шоссе она едва вписалась в поворот и чудом сумела удержать машину на трассе. Десять минут спустя она оставила машину у края тротуара и, не обращая внимания на окликнувшего ее полицейского, вбежала в здание аэропорта. Она неслась со всех ног, задыхаясь, летела по эскалатору, в конце коридора остановилась перед дверью бара, оглядела зал через круглый иллюминатор, с трудом перевела дыхание и медленно толкнула дверь.

В глубине бара около терминала номер один в аэропорту Ньюарка в полном одиночестве сидела за столиком четырнадцатилетняя девочка и смотрела в окно на взлетные полосы.

Мэри медленно прошла по проходу и уселась напротив нее. Лиза еще с порога почувствовала ее появление, но по-прежнему не сводила глаз с самолетов.

Не говоря ни слова, Мэри ладонью накрыла ее руку, не желая нарушать молчания. И тогда, не поворачиваясь, Лиза сказала:

— Значит, отсюда улетела мама?

— Да, — шепотом отозвалась Мэри, — отсюда.

Посмотри на меня. На секундочку. Мне нужно сказать тебе что-то важное.

Лиза медленно повернула голову и поглядела в глаза Мэри.

— Когда я впервые увидела тебя в промокшей и слишком тесной одежде с рюкзачком и воздушным шариком, я и подумать не могла, что такая маленькая девочка займет так много места в моем сердце. По-моему, никогда в жизни я не испытывала такого ужаса, как сегодня. Мне бы хотелось, чтобы мы с тобой кое-что пообещали друг другу, и это будет нашим секретом. Не пытайся больше уехать, но в день твоего выпуска, когда тебе исполнится девятнадцать, если «там» по-прежнему будет для тебя домом, если ты по-прежнему будешь хотеть уехать, я сама лично привезу тебя в этот аэропорт. Я тебе обещаю. Ты так и сидишь здесь все это время и тебя никто не заметил?

Личико Лизы разгладилось, губы раздвинулись в застенчивой улыбке.

— Ага. Поехали домой? — тихо сказала она.

Они встали. Мэри бросила на столик несколько долларов, и они вдвоем вышли из бара. Подойдя к машине, Мэри выкинула штрафную квитанцию, которую обнаружила под «дворником».

— Ты мне кто? — задала вопрос Лиза.

Поколебавшись, Мэри ответила:

— Я твой парадокс.

— А что такое парадокс?

— Вечером, когда ты ляжешь спать, я тебе объясню. Знаешь, сейчас я немного опасаюсь за свои глаза, жаль, что у тебя нет с собой ни муки, ни сахара, чтобы напечь в машине солнышек!

Она набрала домашний номер телефона. Филипп мгновенно снял трубку.

— Она со мной, мы едем домой, я тебя люблю!

Потом она позвонила лейтенанту Пильгесу, который через несколько дней попросит о переводе в Сан-Франциско. Говорят, это очень красивый город, он узнал об этом от некой Натальи, которая уехала туда работать.

Когда они вернулись домой, Томас бросился к Лизе, и она крепко прижала к себе братишку. Взрослые подошли к детям с вазой фруктов. Есть Лизе не хотелось, она устала и пошла спать.

В спальне Мэри присела на краешек кровати и долго гладила Лизу по голове. Потом поцеловала в лоб и уже собиралась уйти, когда второй раз за день услышала вопрос:

— Так что такое парадокс?

Держась за ручку двери, Мэри улыбнулась:

— Парадокс? А вот что: я никогда не буду твоей матерью, но ты всегда будешь моей дочкой. Теперь спи, все будет хорошо.

Этим летом дети в лагерь не ездили. Филипп и Мэри сняли прошлогодний домик в Хэмптоне и приехали туда всей семьей. Лето, прогулки на лодке, барбекю на свежем воздухе очень их сблизили, смех и радость наконец-то поселились в их доме.

В новом учебном году Лиза рьяно взялась за учебу, что и сказалось на результатах первой четверти. От Томаса она несколько отдалилась, что, впрочем, было вполне естественно для ее возраста.

На Рождество Мэри объясняла Лизе, что случившееся у нее кровотечение — вовсе не признак кровопролитной борьбы ее организма с каким-то кошмаром, просто Лиза превращается в женщину, и это далеко не простой процесс.

В январе Мэри устроила большой праздник по случаю шестнадцатилетия Лизы, и на сей раз поздравить ее пришел весь класс. Весной она заподозрила появление в Лизиной жизни какого-то мальчика, за чем последовала углубленная лекция об особенностях женского организма. Лиза мало внимания обратила на физиологию, но очень внимательно выслушала все, что касалось чувств. Искусство обольщения зачаровало ее настолько, что они с Мэри частенько говорили на эту тему. И впервые за все время Лиза сама затевала разговор. В жажде узнать новое она искала общества Мэри, которая, радуясь подвернувшейся возможности, давала объяснения очень маленькими, тщательно дозированными порциями.

По сплину, овладевшему девушкой при приближении летних каникул, Мэри догадалась, что в ее сердце расцвела любовь. Летние месяцы просто невыносимы, когда влюбляешься в этом возрасте, и обещания писать друг другу не заполняют пустоту, которую впервые в жизни обнаруживаешь в себе.

В среду Мэри забрала Лизу из школы, чтобы провести с ней остаток дня в Манхэттене. Расположившись за столиком в небольшом саду позади кафе «Пикассо» в Виллидж, они съели салат «Цезарь» и филе курицы гриль.

— Значит, ты уже по нему скучаешь, хотя вы еще и не в разлуке, так? — спросила Мэри.

— С тобой так было?

— Довольно долго.

— А почему это так больно?

— Потому что любить — значит в первую очередь рисковать. Опасно доверить себя другому, открыть дверь в собственное сердце. От этого может быть неопишимо больно. Иногда это становится наваждением.

— Да, я только об этом и думаю!

— От этой боли не помогают никакие лекарства.

Благодаря ей я поняла закон относительности времени. Единственный день может быть длиннее года, когда мучаешься без кого-то, но в этом и своеобразная прелесть влюбленности. Нужно научиться ладить со своими чувствами.

— Я боюсь его потерять, боюсь, что он встретит другую... Он уезжает в лагерь, в Канаду.

— Такое вполне может произойти, мне понятны твои опасения. К сожалению, в этом возрасте мальчики часто меняют свои привязанности.

— А потом?

— Некоторые обретают устойчивость. Таких немного, но они есть!

— Если он предаст меня, я не переживу!

— Переживешь! Я тебе гарантирую, хотя сейчас тебе трудно в это поверить. Тем не менее это так.

— А что нужно делать, чтобы влюбить их в себя?

— Мальчики ценят сдержанность, умение держать их на расстоянии, эдакий флер таинственности. Именно это сводит их с ума.

— Ну это я заметила!

— Каким образом?

— Ну мне ведь вообще-то свойственна сдержанность.

— Следи за своей репутацией, в дальнейшем это окажется важным. Нужно держаться золотой середины.

— Ничего не поняла!

— Твой отец убил бы меня, узнай он, что я говорю тебе такие вещи, но ты гораздо взрослее своих лет.

— Говори! — Лиза дрожала от нетерпения.

— Если ты будешь избегать общения с мальчиками, тебя сочтут синим чулком и перестанут обращать внимание, но если ты будешь гулять напропалую, то станешь считаться доступной девчонкой и с тобой будут общаться с вполне определенными целями, что тоже нехорошо.

— И такое я тоже видела! Моя подружка Дженни слетела с катушек!

— Ну а ты сама?

— Висела как-то на волоске, но удержалась.

— Лиза, мне бы хотелось, чтобы в тот день, когда все эти вещи приобретут в твоей жизни еще большее значение, ты не стеснялась бы

задавать мне любые вопросы. Для этого я и существую.

— А тебе кто все это объяснил, когда ты была в моем возрасте?

— Никто. И мне было куда трудней во всем разобраться.

— А в каком возрасте у тебя появился первый парень?

— Не в твоём, во всяком случае. Но и времена тогда были другие.

— И все равно мне это кажется страшноватым.

— Погоди немного и увидишь, насколько изменится твоя точка зрения!

Они продолжили свою беседу после обеда, бродя по улицам Виллиджа и изучая модные бутики в поисках сногшибательного наряда, призванного «добить» одного знакомого юношу.

— Можно сколько угодно твердить, что внешность в любви не главное, — говорила Мэри. — Но, когда хочешь понравиться, одежда играет поразительно большую роль! Самое главное — найти свой стиль!

И когда продавщица Banana Republic сказала сначала Лизе, размышлявшей над узким черным платьем, что с ее фигурой можно носить все что угодно, а потом, когда девушка была в примерочной, шепнула Мэри, что дочь ее просто великолепна, Мэри ощутила не зависть, а гордость.

Выйдя на улицу с кучей покупок, Лиза чмокнула Мэри, шепнув ей на ухо, что его зовут Стивен.

— Ну что же, Стивен, это начало твоих проблем! — громко провозгласила Мэри. — Ты все каникулы будешь помирать от тоски, уж мы об этом позаботимся!

* * *

Лето они снова провели в Хэмптоне, и Лиза тайком дважды в неделю писала письма некоему Стивену. Из этих писем становилось ясно, что она часто думает о нем, но вместе с тем тут вокруг нее «полно симпатных парней» и она проводит «клевые каникулы, много занимаясь спортом». Лиза высказывала надежду, что он тоже неплохо развлекается в своем лагере отдыха, и добавляла, что эти два слова кажутся ей антагонистами.

— Расширение словарного запаса не повредит, — ответила Мэри, когда Лиза спросила ее, не слишком ли высокопарно слово «антагонисты».

В начале учебного года Лиза узнала, что Стивен остался и в ее классе, и в ее жизни.

В ноябре Лиза снова затосковала. Мэри выяснила, что на сей раз Стивен со своей семьей уезжает в Колорадо кататься на лыжах. Ни с кем не посоветовавшись, прямо за ужином Мэри заявила, что было бы неплохо, если бы Лиза наконец научилась кататься на лыжах. Так что приглашение Синди, сестры Стивена, провести каникулы вместе с ними пришлось очень кстати. Отъезд намечался на 27 декабря. Филипп ни в какую не желал разлучать семью на Рождество, но Мэри держалась стойко. На Рождество они созвонятся, разве не пора девочке взрослеть, в конце концов?

Фирменное движение левой бровью, надо полагать, вынудило Филиппа дать согласие.

От Лизы они получили одну-единственную открытку накануне ее приезда, а до этого Мэри ежедневно твердила Филиппу, что волноваться было бы нужно, если бы дочка писала каждый день.

Новый год они встречали вдвоем, Мэри приготовила роскошный стол, вознамерившись утешить свое семейство. И все же пустующий четвертый стул весь вечер бросался ей в глаза. Пустота стучалась в ту самую дверь, о которой она как-то раз рассказывала Лизе...

Лиза вернулась загорелая и счастливая, с двумя медалями, завоеванными на трассе. Мэри наконец увидела Стивена на групповых фото и потом, вечером, в комнате Лизы, на большой фотографии, с которой они улыбались вдвоем.

В течение двух последующих месяцев мысль возобновить журналистскую деятельность все чаще посещала Мэри. Она начала «просто ради удовольствия» редактировать материалы для хроники и из чистого любопытства пообедала с новым главным редактором «Монтклер тайме», с которым когда-то вместе училась. К ее несказанному изумлению, он пригласил ее с тем, чтобы предложить самой написать материал. Скорее всего ей понадобится время, чтобы «расписаться», поэтому сюжет пусть выберет себе сама. На прощанье он пообещал ей всячески помогать, если ей действительно захочется вернуться в журналистику.

«А почему бы и нет?» — спросила она себя, придя домой.

Филипп сидел за рабочим столом и смотрел в окно на солнце, клонившееся к закату. Великолепный майский день подходил к концу. Вернувшись из муниципальной библиотеки, Мэри тут же поднялась к нему.

Когда она вошла, он поднял глаза и улыбнулся, ожидая, что она скажет.

— Как ты думаешь, можно стать счастливой в сорок лет?

— Думаю, в любом возрасте можно осознать свое счастье.

— А если так меняется ощущение, то и человек еще может меняться?

— Он может почувствовать, что достиг зрелости, и проживать свою судьбу, а не бороться с ней.

— Впервые за долгое время я чувствую, что ты рядом, Филипп, и я счастлива.

Весной 1995 года Мэри поняла, что под крышей ее дома поселилось счастье, и поселилось надолго.

Она занималась уборкой в комнате Лизы, погода стояла теплая, матрас пора было переворачивать на летнюю сторону. Под матрасом лежал большой альбом в черной обложке. Поколебавшись, она села за стол и принялась его листать. На первой странице акварельными красками был нарисован флаг Гондураса. А дальше... Чем дальше она смотрела, тем сильнее ей перехватывало горло. Все газетные статьи об ураганах, обрушившихся на планету за последние годы, были аккуратно вырезаны и вклеены в этот альбом. Все, что хоть в какой-то мере касалось Гондураса, было тщательно собрано и помечено числами. Альбом походил на судовой журнал моряка, покинувшего родные берега и мечтавшего по ночам о том дне, когда, вернувшись домой, он расскажет близким о своем невероятном путешествии. Мэри захлопнула альбом и положила на место. Она никому ничего не сказала, но домашние почувствовали, что ее настроение изменилось. Но и они не поняли, что сердце может увянуть всего за несколько мгновений.

* * *

В это лето Мэри уже несколько раз, сама того не замечая, спрашивала Филиппа, как, по его мнению, нужно будет отметить девятнадцатилетие Лизы. Он весело отвечал, что у них есть еще пара лет, чтобы хорошенько это обдумать. В ответ она раздраженно говорила, что время иной раз летит так быстро, что его и не замечаешь.

Утром за завтраком, когда Лиза повела Томаса на бейсбол, Мэри опять

завела разговор о предстоящем совершеннолети Лизы.

— Да что с тобой, Мэри? — озабоченно спросил Филипп.

— Ничего. Я просто, наверное, устала.

— Дело не в усталости. Ты чего-то недоговариваешь.

— Возраст, ничего не поделаешь, пришла пора уставать.

— Лет эдак через тридцать-сорок я тебе поверю, а сейчас этот номер не пройдет. Выкладывай.

— Пошли, я тебе кое-что покажу!

Войдя в комнату Лизы, она извлекла из-под матраса альбом, и Филипп внимательно его перелистал.

— Отлично скомпоновано, у нее отличное графическое чутье. Я очень рад, что у Лизы обнаружился такой талант. Как думаешь, это моя работа ее вдохновила?

Мэри стиснула зубы, чтобы не расплакаться от ярости.

— И это все, о чем ты подумал? Целый альбом посвящен Гондурасу и ураганам, а тебя интересуют ее способности макетчика?!

— Да успокойся ты! С чего ты распсиховалась?

— Ты что, не видишь, что она думает только об ураганах? Что она одержима этой гребаной страной и этими гнусными ураганами?! А мне-то казалось, что мне удалось заинтересовать ее чем-то другим, я-то думала, что смогла пробудить в ней вкус к другой жизни! Время летит так быстро, мне осталось меньше трех лет!

— Да о чем ты?

Мэри не ответила. Филипп взял ее за руку и силой усадил к себе на колени. Всхлипывая, она положила голову ему на плечо. Филипп обнял ее и заговорил ласково и спокойно:

— Любимая, если бы твою мать убили и всех твоих близких в детстве прикончил бы тот же убийца, ты не заинтересовалась бы им?

— Не вижу связи.

— Ураганы — это убийцы, которые приходят к ней по ночам. Тебе лучше, чем кому бы то ни было, известно стремление искать, читать, изучать, чтобы лучше понять какое-то явление. Когда ты была студенткой, ты иной раз отказывалась поужинать со мной, потому что тебе нужно было перечитать свои записи. Ураганы лишили Лизу детства, и теперь она их препарирует, режет и клеивает в альбом.

— Ты это говоришь, чтобы меня успокоить?

— Не сдавайся, Мэри. Сейчас она так нуждается в тебе. Лиза перевернула твою жизнь. Ты поняла это сразу, как только она впервые появилась на пороге нашего дома, но ты не захотела принять ее. Ты

боролась с ней, хотя ее появление и обещало много радости, но оно нарушило привычный для тебя порядок, и ты отталкивала ее. В конце концов ты все равно привязалась к Лизе, открыла ей свое сердце и со временем поняла, что любишь эту маленькую девочку. Я знаю, что вначале это было нелегко, тебе понадобилось колоссальное мужество.

— Ты о чем?

— О твоём терпении и смирении. Потому что смирение — это тоже вера в свою жизнь.

Он закрыл альбом и положил его обратно под матрас. Потом посмотрел Мэри в глаза и расстегнул пуговичку на ее блузке. Когда его ладонь коснулась ее обнаженной груди, Мэри наконец улыбнулась.

— Не в Лизиной же комнате!

— А мне казалось, что она почти взрослая. Так это из-за альбома ты вдруг стала одержима празднованием ее совершеннолетия?

— Дело не в альбоме, дурачок, — заикаясь, ответила она, — просто я испугалась, что этот день попадет на выходной!

— Чуть позже она призналась ему (ей и в голову не могло прийти, что однажды она скажет такое):

— Мне кажется, я поняла, что ты чувствовал в тот день, когда уехала Сьюзен. Когда имеешь дело с сильными чувствами, бессилие убивает.

На следующий день Мэри, сидя в библиотеке, где с некоторого времени она привыкла работать, написала письмо. Запечатала конверт и надресала адрес: «Национальный центр исследования ураганов, отдел связи с общественностью, 11691, 117-я улица, Майами, 33199 Флорида».

Два дня спустя в Центре ураганов прочитали следующее:

Монтклер, Нью-Джерси, 10 июля 1995 года

Господин директор департамента внешних сношений
Национального центра исследования ураганов,

хоть я и журналистка и вскоре намереваюсь опубликовать в «Монтклер тайме» статью, посвященную ураганам и вашему центру, я прошу вас о встрече как частное лицо. Чтобы вам были понятны причины, которыми я руководствуюсь, направляя вам это письмо, мне придется более подробно изложить обстоятельства, вынудившие меня к этому...

Письмо на пяти страницах было подписано «Мэри Нолтон».

Ответ пришел через десять дней:

Сударыня,

я с большим вниманием прочитал ваше письмо. С мая-месяца начали работать наши новые лаборатории, расположенные в студенческом городке при Международном университете во Флориде, и мне думается, мы сможем принять вас вместе с вашей дочерью Лизой в сентябре-месяце. Учитывая особые причины, побудившие вас обратиться к нам, возможно, нам имеет смысл связаться с вами и подробнее обсудить ваше пребывание. Вы можете связаться со мной в моем офисе.

С глубоким уважением,

Ф. Герберт, старший метеоролог

На следующей неделе Мэри пригласила главного редактора «Монтклер тайме» пообедать. Расставшись с ним у дверей редакции, она отправилась в туристическое агентство и купила билет до Майами и обратно. Самолет вылетал на следующий день в 6.35 утра. Она позвонила в секретариат мистера Герберта и подтвердила, что будет в его офисе завтра в полдень. И, если повезет, чтобы не терять времени, вечером того же дня она сможет вернуться домой.

Ранним утром Мэри осторожно спустилась вниз, стараясь никого не разбудить. Сварила кофе, глядя, как за окнами тихо просыпается день, потом бесшумно выбралась из дома, аккуратно закрыв за собой входную дверь. Пока она ехала в Ньюарк, воздух уже прогрелся.

Мэри включила радио и через некоторое время поймала себя на том, что распевает во весь голос.

Шасси самолета коснулись посадочной полосы аэродрома Майами в одиннадцать часов. Багажа у Мэри не было, и она стремительно покинула терминал. Взятая напрокат машина ждала ее, и, положив на соседнее сиденье развернутую карту, она устремила к Вирджиния Гарденс, свернула налево на скоростное шоссе 826, потом направо, на 117-ю улицу. Дорогу ей объяснили предельно точно, и вскоре справа показались строения ННС. Предъявив документы охраннику на въезде в городок, она оставила машину на стоянке и пошла по аллее парка. Здание ННС из белого бетона походило на несколько стилизованный бункер.

— Именно этого мы и добивались, миссис Нолтон! Работая в Майами, конечно, мечтаешь о доме с огромными окнами, чтобы любоваться великолепными пейзажами! Но, учитывая специфику объекта наших наблюдений и те сведения, которыми мы располагаем, мы предпочитаем,

чтобы наше здание могло выдержать натиск любого урагана, насколько бы оно ни казалось уродливым с архитектурной точки зрения. Выбирать особо не приходится.

— Ураган — это настолько страшно?

— Так же как в Хиросиме и Нагасаки.

Профессор Герберт встретил ее в центральном зале и провел к себе в кабинет, расположенный в противоположном крыле. Там она оставила свои вещи, и он предложил ей следовать за собой. Он хотел ей кое-что показать до начала разговора. Из-за отсутствия окон

Мэри казалось, что она идет по трюмам боевого корабля, и она задавалась вопросом, не соответствует ли это истине. Герберт распахнул дверь выставочного зала. Слева высокие белые стены были увешаны снимками, сделанными с разведывательных самолетов ННС. Массы облаков, ужасающие и величественные, закручивались по спирали, а в центре виднелся пятачок синего неба, который некоторые называли «оком дьявола».

— С такой высоты это даже может показаться красивым, верно?

Голос Герберта эхом разнесся по пустому залу. Потом его тон изменился, стал вдруг очень серьезным, почти поучающим.

— Снимки на правой стене спускают вас с небес на землю, если можно так выразиться. На них видно, что происходит внизу. Они напоминают каждому о важности нашей миссии. Глядя на эти фотографии, вы лучше сможете понять, что представляет собой ураган. Каждая из них — свидетельство разрушительной и убийственной силы этих монстров. Сотни, тысячи, миллионы погибших, целые регионы, разрушенные до основания, полностью уничтоженные, сметенные с лица земли.

Мэри приблизилась к одному из снимков.

— На этой фотографии запечатлен Фифи. Забавное имечко для убийцы такого размаха. Он обрушился на Гондурас в 1974 году, смел почти всю страну, нанеся чудовищные разрушения и оставив без крова сотни тысяч людей. Попробуйте представить себе на минуточку кошмарную картинку, на которой десять тысяч трупов детей, женщин и мужчин. На маленьких фотографиях вокруг больших — лишь малая толика того, о чем я вам рассказываю. Мы их подретушировали, но они все равно ужасны.

Мэри молча прошла несколько метров вперед. Герберт указал на следующий отрезок стены.

— Вы рассматриваете 1989 год. Элисон, Барри, Шанталь, Дин, Ирин, Феликс, Габриэлла, Карен, Джерри, Айрис — это лишь некоторые из убийц этого года. Был еще Хьюго, его скорость достигала 130 узлов, он снес

Чарлстон и большую часть Южной Каролины. В вашем письме вы скорее всего говорите о Гилберте. Он резвился 13 дней в 1988 году, его скорость достигала 160 узлов, а ливни, предшествовавшие его зарождению, оказались смертоносными. У нас нет данных о потерях в Гондурасе, я проверял. Мадам, я не хочу вмешиваться не в свое дело, но вы уверены, что хотите, чтобы ваша дочь увидела эти снимки?

— Гилберт или один из его родственников убил ее настоящую мать. Лиза держит в страшной тайне свою одержимость ураганами.

— Именно по этой причине боюсь, как бы наш музей не оказался для нее слишком тяжелым испытанием.

— Незнание пугает. Я стала журналисткой, чтобы преодолеть свои страхи. Лиза ощущает потребность понять, но не знает, где искать информацию. Я хочу помочь ей, я буду с ней рядом, чтобы разделить эти мгновения, сколь бы ужасными они ни были.

— Боюсь, что не смогу одобрить вашу позицию.

— Мне нужна ваша помощь, профессор Герберт. Одна маленькая девочка никак не может повзрослеть. Звук ее голоса слышится все реже, а когда она все же говорит, то приходится напрягать слух, чтобы ее расслышать. И чем больше проходит лет, тем крепче она замыкается в немоте своего страха. Она дрожит при каждой грозе и опасается дождей. Но, когда вы ее увидите, вы поймете, что на самом деле она храбрая и гордая, раз все эти годы скрывает свой страх, который никогда ее не покидает. На протяжении всех этих лет я как минимум раз в неделю вхожу ночью к ней в комнату, чтобы помочь ей справиться с кошмаром. Она мечется вся в поту, и мне не всегда удается ее разбудить. Иногда она до крови прикусывает себе язык, чтобы сладить с напавшим на нее страхом. Никто не догадывается, и она сама не подозревает, что я разгадала ее секрет. Ей необходимо знать, что вы существуете, что мы не закрываем глаза на существование этих монстров, которые унесли ее близких, что вы следите за ними, преследуете их, что огромные средства идут на то, чтобы наука смогла встать на защиту людей от смертельных безумств природы. Я хочу, чтобы она могла смотреть на небо и в один прекрасный день обнаружила, что облака могут быть красивыми, я хочу, чтобы ей снились по ночам красивые сны.

Профессор Герберт, улыбаясь, предложил Мэри следовать за ним. Открыв дверь выставочного зала, он обернулся.

— Не скажу, что наших средств достаточно, но они есть. Пойдемте я покажу вам центр, и мы вместе поразмыслим, что можно будет придумать.

Мэри позвонила Филиппу. Она слишком долго пробыла в ННС, чтобы

тем же вечером вернуться домой. Сквозь окно гостиничного номера в Майами-Бич до нее доносилось ночное веселье.

— Ты не очень устала? — поинтересовался Филипп.

— Нет, узнала много нового и интересного. Дети поужинали?

— Давным-давно. Мы сидим втроем в комнате Лизы, беседы беседуем. Я с тобой говорю из нашей спальни. А ты-то сама ужинала?

— Нет, сейчас пойду.

— Мне не нравится, что ты в этом городе без меня. Там полно типов с мускулатурой как у античных статуй.

— Они тут очень даже шевелятся, эти статуи, а я еще даже не была в баре! Скучаю по тебе.

— Я по тебе тоже. Очень. У тебя странный голос.

— Денек был странным, знаешь ли. До завтра. Я тебя люблю.

Из каждого здания, ресторана, бара на Оушен-стрит, что тянется вдоль побережья, гремела музыка, под звуки которой народ плясал до глубокой ночи. Через каждый километр стояли таблички с надписью: «Место посадки на автобусы до укрытий при объявлении об урагане». Наутро Мэри первым же рейсом улетела домой.

Телефон зазвонил вечером 11 сентября 1995 года. Герберт попросил быть готовыми завтра с утра, он позвонит до того, как Лиза уйдет на занятия, и если все пойдет так, как они предполагают, то он срочно вызовет их приехать. Он повесил трубку. У него еще были дела. В семь утра Мэри услышала в телефонной трубке голос Герберта:

— Вылетайте первым самолетом, на выходе вам дадут бейджи, я вас встречу.

Мэри вошла в комнату Лизы, когда та еще одевалась, раскрыла ее шкаф и стала укладывать вещи в маленький чемодан.

— Что ты делаешь? — изумилась Лиза.

— На этой неделе ты вряд ли попадешь на занятия, но, возможно, подготовишь доклад, лучший за всю историю вашей школы.

— Ты о чем?

— Быстренько сделай себе бутерброд на кухне, у нас через час самолет. Дорогой я объясню тебе, куда мы едем.

Они мчались по шоссе, и Лиза снова поинтересовалась, куда они, собственно, едут и какова-таки цель этой непредвиденной поездки. Мэри ответила, что на такой скорости не может ничего объяснять. В полете у них будет достаточно времени, чтобы спокойно поговорить.

Они бегом помчались к терминалу. Мэри тащила Лизу за руку. Когда они пробегали мимо лестницы, ведущей к верхнему бару, Лиза настойчиво

повторила вопрос:

— Куда мы так спешим?

— По ту сторону стекла! — бросила на бегу Мэри. — Доверься мне и беги быстрее!

Лиза смотрела в иллюминатор на океан облаков за бортом. Самолет заходил на посадку в международном аэропорту Майами. Мэри всю дорогу делала вид, что спит, а Лиза по-прежнему не понимала, что происходит и почему, выйдя из самолета, им тоже нужно бежать бегом. Подхватив чемоданы с транспортера, они тут же взяли такси и поехали по Флагами-Уэст.

— Я не помню, где находится ННС, — сказал шофер.

— Свернете налево, на 117-ю, и через два километра будет вход, — ответила Мэри.

— Что такое ННС? Ты там уже была? — поинтересовалась Лиза.

— Вполне возможно!

На Лизу произвел неизгладимое впечатление бейдж с ее именем, который ей вручили на проходной, и она терпеливо ждала вместе с Мэри в холле, когда появится профессор Герберт.

— Здравствуй! Должно быть, ты Лиза. Рад приветствовать тебя в Национальном центре исследования ураганов. Наш центр — одно из трех подразделений правительственной организации, называющейся Центр тропического прогнозирования. Наша миссия — спасти людей и их имущество, изучая опасные метеорологические феномены в тропиках. Мы анализируем эти явления и распространяем результаты своих наблюдений. В случае необходимости объявляем тревогу. Чуть позже мы с вами осмотрим весь центр, но пока сведения, переданные в полдень с наших разведывательных самолетов, подтверждают, что вы не зря приехали.

Через несколько секунд вы увидите то, что с 14 часов уже официально называется «пятнадцатой в этом году тропической депрессией над Атлантикой». Мы считаем, что еще до конца дня она может превратиться в бурю, а завтра, возможно, и в ураган.

Рассказывая, он вел их к концу длинного коридора. Там, в конце, за дверью находился зал, похожий на диспетчерскую большого аэродрома. В центре зала целая батарея принтеров непрерывно выплевывала потоки бумаги, которую какой-то человек тут же разрезал и раздавал остальным. Вид у всех был очень озабоченный. Герберт подвел Лизу с Мэри к экрану радара. Сэм, оператор, не сводил с экрана глаз, переписывая на листок данные, высвечивающиеся в верхнем левом углу. По экрану бегала по кругу большая стрелка. Когда она оказалась на юго-востоке, Сэм ткнул

пальцем в матовое рыжеватое пятно, четко выделяющееся на зеленом фоне. Лиза села на предназначенный для нее стул. Метеоролог объяснил ей значение мелькающих перед ней цифр. Первые — это дата зарождения депрессии, цифра рядом с буквой «М» — количество дней, прошедших с момента ее зарождения, в табличке «SNBR» — имматрикуляция феномена.

— А что значит «XING»? — поинтересовалась Лиза.

— Это сокращение от «кроссинг», «перемещения», ноль означает, что депрессия не пересекла американскую границу. Во всяком случае, пока. Если цифра другая, значит, он уже на нашей территории.

— А цифры перед тремя «S»?

— Официальная классификация. Сила землетрясений измеряется по шкале Рихтера, а ураганы с 1899 года — по шкале Саффира-Симпсона. Если в ближайшие часы ты увидишь перед тремя «S» цифру 1, значит, тропическая депрессия превратилась в небольшой ураган.

— А если цифра будет 5?

— Уже после трех ураган становится катастрофой! — ответил Сэм.

Все время их пребывания в центре Мэри не сводила с дочери глаз. В длинном коридоре по дороге в операционный зал Лиза взяла ее за руку, пробормотав:

— Это невероятно!

Они поужинали в кафетерии центра, и Лиза захотела вернуться к экранам, чтобы посмотреть, как развивается «младенец». Когда они вернулись в зал, вся команда столпилась вокруг Герберта.

— Господа, — начал он, — сейчас 0 часов 10 минут по Гринвичу, следовательно, 22 часа 10 минут по местному времени. Только что мы получили с самолетов ВВС США информацию, ознакомившись с которой, мы официально классифицируем депрессию номер 15 как тропический ливень. В данный момент он находится на 11°8' северной широты и 52°7' западной долготы. Давление 1004 миллибара, и скорость ветра уже превышает 35 узлов. Прошу немедленно перейти в режим постоянного наблюдения.

— Лиза, — обратился Герберт к девушке, указывая на ставшее уже красным пятно, которое медленно вырисовывалось на большом экране, встроенном в центральную стену, — ты присутствуешь при весьма специфическом рождении. Представляю тебе Мэрилин. Ты будешь присутствовать при всех дальнейших операциях. Мы будем следить за ней до самой ее смерти, и чем раньше она наступит, тем лучше. Мы предоставим вам комнату, где вы с мамой сможете отдохнуть, когда устанете.

Некоторое время спустя Мэри с Лизой отправились в комнату, где им предстояло жить все последующие дни. Лиза молчала, время от времени бросая на Мэри вопросительные взгляды. Мэри улыбалась.

На следующий день, 13 сентября 1995 года, сразу после завтрака Лиза пришла в большой зал и уселась рядом с Сэмом. Ей казалось, что работающие здесь мужчины и женщины обращаются с ней как с членом команды. Ее несколько раз попросили принести распечатки и раздать. Потом ей пришлось вслух зачитывать сводку, а метеорологи записывали себе цифры, которые она называла. После обеда она заметила тревогу на их лицах.

— Что случилось? — спросила она у Сэма.

— Посмотри на цифры на экране. Скорость ветра достигла 60 узлов, но самое скверное — это давление. Плохой признак.

— Я не понимаю.

— Депрессия растет, а чем ниже давление, тем сильнее буря. Боюсь, что через несколько часов мы будем говорить не «она», а «он»!

В 17 часов 45 минут Сэм позвонил Герберту и пригласил его прийти. Профессор вошел быстрым шагом и сразу же направился к экрану. Лиза отодвинулась вместе со стулом, чтобы Герберт смог подойти.

— Что говорят с самолетов? — спросил он. Из глубины зала раздался голос:

— Они заметили формирование стенки глаза.

— Нынешнее положение — 13°северной и 57°7' западной, она перемещается на северо-запад, к проходу канала Святых, заденет французскую часть Антильских островов, давление по-прежнему падает, оно упало до 988 миллибар, а скорость ветра превышает 65 узлов, — добавил сидящий за одним из компьютеров метеоролог.

Герберт направился к принтерам, и Лиза увидела, как на экране радара Сэма перед тремя «S» замерцала цифра 1. Было шесть вечера, и Мэрилин только что превратилась в ураган первой категории.

Мэри заполняла блокнот записями, не забывая при этом краем глаза следить за дочерью. Периодически она откладывала ручку и с тревогой следила за лицом Лизы, черты его обострились, оно становилось все более напряженным. В большом зале только шум аппаратуры нарушал тишину, ставшую тяжелой, как грозовое небо.

Ночью Лизе снова снился кошмар, Мэри легла рядом с ней и прижала к себе. Она вытирала ей лоб и укачивала, глядя по голове, пока девочка не успокоилась. В душе Мэри молила небеса, чтобы не получилось обратное тому, на что она надеялась, привезя сюда Лизу. Уснуть Мэри больше не

смогла и сидела рядом с Лизой до самого утра.

Едва проснувшись, Лиза помчалась в зал. Идти с Мэри завтракать в кафетерий она не пожелала. В зале она тут же поспешила к Сэму. В Майами было 7 часов 45 минут утра, 11 часов 45 минут по Гринвичу.

— Как он? — твердо спросила она.

— В ярости. Приближается к Мартинике. Он перемещается на северо-запад, давление по-прежнему падает.

— Вижу, — сухо подхватила она. — Он по-прежнему первой категории.

— Ненадолго, если хочешь знать мое мнение.

В зал вошел Герберт. Поздоровавшись с Лизой, он развернул ее стул к большому экрану на стене.

— Сейчас мы получим через спутник съемку, сделанную с военных самолетов. Можешь выйти, если не хочешь ее видеть.

— Я останусь!

В зале раздался голос пилота:

— Борт 985 ВВС США вызывает командный центр ННС.

— Слышим вас, борт 985, — ответил Герберт в микрофон.

— Мы только что пролетели над эпицентром. Диаметр 25 метров. Передаем изображение.

Экран зажегся, и появились первые кадры. Лиза затаила дыхание. Маленькая девочка, которая, находясь на земле, так боялась этого монстра, впервые в жизни увидела его с неба. Он величественно вращался. Огромный, невероятно могучий, он вращал вокруг эпицентра свой громадный шлейф. В трансляторе слышалось дыхание пилота. Лиза стиснула подлокотники. Пришла Мэри с чашкой горячего шоколада. Она подняла голову, и глаза ее расширились, так ее поразило разворачивающееся на экране зрелище.

— Господи! — выдохнула она.

— Пожалуй, скорее дьявол, — отозвался Герберт.

Лиза кинулась к нему и судорожно схватила за руку. Мэри попыталась ее успокоить.

— Вы уничтожите его?! — прокричала Лиза.

— Это не в нашей власти.

— Почему самолеты не сбросят бомбу в эпицентр? Его нужно взорвать, пока он еще в море!

Высвободив руку, профессор обнял ее за плечи.

— Бомба не поможет, Лиза. У нас нет таких мощностей, которые могли бы его остановить. Когда-нибудь мы это сможем, обещаю тебе. Ради

этого мы тут и работаем изо всех сил. Я руковожу этим центром тридцать пять лет, я всю жизнь посвятил отслеживанию этих монстров. За последние десять лет мы далеко продвинулись. А теперь успокойся, ты мне нужна, а чтобы от тебя была польза, ты должна сохранять хладнокровие. Ты будешь мне помогать, мы с тобой предупредим население о его приближении, предупредим загодя, чтобы все могли спрятаться в убежище.

Пилот сообщил, что собирается снизиться ближе к эпицентру. Герберт усадил Лизу рядом с собой и взялся за микрофон:

— Будьте осторожны.

Картинки, иногда скачущие, становились все более захватывающими. Бортовые камеры снимали невероятную карусель приблизительно 35 километров диаметром, стенки которой возносились на сотни метров ввысь. Через несколько минут тишину нарушил голос пилота, сообщавшего, что он возвращается на базу. Экран погас. Было одиннадцать часов утра. Сэм принес сводку, которую Герберт тут же прочел. Отложив листок, он взял Лизу за руку и нажал кнопку микрофона:— Говорит директор ННС. Мы объявляем тревогу.

Ураган Мэрилин, в настоящий момент находящийся на 14°2' северной широты и 58°8' западной долготы, направляется к Виргинским островам. К вечеру он достигнет Мартиники и Гваделупы. Все мероприятия по эвакуации населения в убежища должны начаться немедленно. Все суда, находящиеся в районе Антильских островов, независимо от их тоннажа должны немедленно направиться в ближайший порт. Скорость ветра в данную минуту составляет 70 узлов.

Повернувшись к Сэму, он приказал сверить их данные с данными команды CDO на Мартинике. Потом усадил Лизу перед рацией, написал большими буквами на листке сообщение и показал Лизе, как менять частоту.

— Лиза, я хочу, чтобы ты передала это сообщение на всех указанных в этом списке частотах. Когда доберешься до конца, начнешь сначала, и так все время. Таким образом мы не дадим возможности урагану нанести большой вред и спасем людям жизнь. Когда устанешь, тебя сменит мама. Ты все поняла?

— Да, — решительно кивнула Лиза.

Весь остаток дня она передавала предупреждение. Мэри, сидя с ней рядом, переключала частоты. С каждым переданным предупреждением Лиза чувствовала, что боится все меньше и меньше. Она радовалась, она знала, что наконец-то мстит ураганам. Ураган Мэрилин пронесся над Мартиникой и Гваделупой в начале вечера. Когда перед тремя «S»

появилась цифра 3, Лиза отказалась уходить и принялась еще быстрее передавать сообщение. Мэри ни на секунду не отходила от нее и подменяла, когда той требовалось отлучиться.

Мэри повернулась к Герберту. Глаза ее покраснели от усталости.

— Это утомительно! У вас нет системы автоматической рассылки? — спросила она Сэма.

— Конечно, есть! — улыбнулся ей профессор Герберт.

Через тридцать один час после первого предупреждения ураган пронесся над островами Санта-Крус и Сан-Томе, 16 сентября он направился к Пуэрто-Рико. И с каждым его передвижением Лиза меняла частоту, передавая предупреждение об опасности все дальше и все быстрее. 17 сентября давление в нем упало до максимума, 949 миллибар, скорость ветра превысила 100 узлов, и он повернул к Атлантике. К концу дня скорость ветра, достигшая уже 121 узла, упала, давление поднялось на 20 миллибар. Спустя десять часов стенка вокруг эпицентра рассеялась. В ночь с 21-го на 22 сентября ураган Мэрилин умер.

Вернувшись в Ньюарк, Лиза узнала, что ураган унес только восемь жизней: пять на Сан-Томе, одну на Санта-Крус, одну на Сан-Хосе и одну в Пуэрто-Рико. Когда она сделала в школе доклад, то тут же выдвинула предложение, которое учитель географии охотно поддержал. Каждое утро в ее классе начиналось с минуты молчания... И так восемь дней подряд.

Лиза ежеквартально получала информационный бюллетень ННС, к которому прилагалась записочка от Герберта, собиравшегося в июле уйти на пенсию. С Сэмом она переписывалась регулярно. Зимой он даже нанес им визит и поведал Лизе, что все метеорологи центра интересуются ее житьем-бытьем. Мэри весной 1996 года опубликовала в «Монтклер тайме» весьма неплохую статью об ураганах, после чего престижный журнал National Geographic предложил ей написать большой обзор на ту же тему, который и был опубликован в октябре.

Мэри трудилась над ним все лето, не без помощи Лизы, которая взяла на себя проработку всех опубликованных исследовательских материалов, делая краткие резюме.

Почти ежедневно они вдвоем отправлялись в Ман-хэттен, а после обеда в маленьком садике кафе «Пикассо» сидели в Национальной библиотеке на Пятой авеню. Томас со своим лучшим другом отбыл в лагерь в Канаду, а Филипп занялся ремонтом маленькой квартирki, которую они купили в Ист-Виллидже себе или, возможно, хотя об этом и не говорилось, Лизе, если она решит продолжить учебу в нью-йоркском университете. Обзор, подготовленный для National Geographic, получил высокую оценку, а с начала 1997 года Мэри доверили вести две колонки на свободную тему в воскресных выпусках «Монтклер тайме». Лиза пошла по ее стопам и получила колонку в ежемесячном издании лица. Разнообразия ради она на некоторое время позволила себе отойти от метеорологической тематики.

* * *

В начале следующего года Лиза отпраздновала свое девятнадцатилетие, а в марте отметили пятнадцатилетие Томаса. Июнь оказался богат событиями. Подготовка к выпускному балу послужила отличным поводом для двухдневного бегания по магазинам Ист-Виллиджа. Стивен заехал за Лизой, и, когда Филипп рискнул дать ему некоторые советы, Мэри яростным взглядом порекомендовала супругу не изображать из себя раньше времени старого зануду. Впервые в жизни Лиза вернулась домой утром. В этом месяце она заканчивала школу и с

дипломом в кармане поступала в университет. Лиза превратилась в очаровательную молодую девушку, губы ее стали полней, а улыбка более естественной. Роскошные волосы, смуглая кожа — она стала красавицей, каким непросто дается золотая середина. От маленькой девочки, вошедшей давним дождливым днем в дом Мэри, остался лишь взгляд, сверкающий ярким настойчивым блеском.

По мере того как приближался день выпуска Лизы, Мэри волновалась все больше и больше. Воспоминания о клятве, данной пять лет назад за столиком бара в аэропорту, все чаще тревожили ее по ночам, хотя ничто в поведении дочери не предвещало, что ей придется выполнять свое обещание.

* * *

Томас спустился к завтраку последним. Лиза съела оладьи, и Мэри быстро привела кухню в порядок. Филипп уже нетерпеливо давил на клаксон, поторапливая свое семейство. Когда последний пассажир застегнул ремень безопасности, двигатель машины уже урчал. До лица ехать всего десять минут, и Мэри не понимала, к чему такая спешка. По дороге Филипп все время поглядывал на Лизу в зеркало заднего вида, а Лиза смотрела на него. Мэри пыталась сосредоточиться на программе дня, но бросила это занятие. От чтения во время езды ее укачивало. Поставив машину на стоянку, они отправились здороваться с преподавателями. Филипп нервничал как девственница перед брачной ночью. Прежде чем отпустить Лизу к друзьям, Мэри сообщила дочери, что отец всегда такой на церемониях, пусть даже и не очень официальных. Филипп настоял, чтобы Мэри с Томасом заняли места в первом ряду, на стульях, установленных перед эстрадой, где будут вручать дипломы. Мэри дернула бровью, постучав пальцем по циферблату наручных часов. Церемония начнется лишь через час, так что нечего психовать, лично она намерена воспользоваться этим временем и пройтись по парку.

Когда она вернулась, Филипп уже сидел в первом ряду, положив по ботинку на соседние стулья, заняв их таким образом для жены и сына. Усаживаясь, Мэри протянула ему мокасин.

— У тебя просто потрясающая фантазия, когда нужно занять место! Ты уверен, что хорошо себя чувствуешь?

— Я всегда нервничаю на церемониях, только и всего.

— Да получит она свой диплом, Филипп! Раньше надо было нервничать, во время экзаменов!

— Не знаю, как тебе удастся сохранять спокойствие, смотри, она уже на эстраде, сейчас будет говорить речь!

— Которую мы выучили наизусть еще месяц назад. Умоляю тебя, не суетись ты так, пожалуйста.

— Я вовсе не суечусь!

— Суетишься, и стул под тобой скрипит. Если хочешь послушать свою дочь, то попробуй хотя бы сидеть смирно.

Томас прервал их дискуссию: после говорившей девушки следующей шла Лиза. Филипп нервничал, но еще больше он гордился своей красавицей дочерью и поэтому повернулся, чтобы поглядеть, сколько зрителей присутствует на церемонии. Стулья стояли в двенадцать рядов по тридцать в каждом, следовательно, зрителей было триста шестьдесят человек.

Что заставило Филиппа обернуться еще раз, сознательно он это сделал или нет? В последнем ряду сидела женщина, не сводившая глаз с идущей к трибуне Лизы.

Ни солнечные очки, ни легкая накидка, в которую она завернулась, ни следы времени, изменившие лицо, не помешали ему сразу узнать Сьюзен. Мэри ущипнула его за колено.

— Ты уже наговорился с привидениями? Если хочешь увидеть вручение диплома твоей дочери, изволь повернуться — его вручают прямо сейчас.

Лиза благодарила преподавателей, Мэри взяла мужа за руку, и, почувствовав, что рука вся мокрая и дрожит, она крепко ее сжала. Когда Лиза торжественно поблагодарила своих родителей за любовь и долготерпение, Мэри ощутила острую потребность в целительных блинчиках.

Она смахнула навернувшуюся слезу и выпустила пальцы Филиппа.

— Что с тобой было? — спросила она.

— Растрогался.

— Думаешь, мы были ей хорошими родителями? — шепотом спросила она.

Филипп перевел дыхание и снова обернулся. Стул, на котором сидела Сьюзен, был пуст. Он огляделся вокруг, но нигде ее не увидел. Мэри переключила его внимание на Лизу, под аплодисменты заканчивающую свое выступление. Филипп присоединился к овациям.

Напряжение не покинуло его и после церемонии. Мэри раз десять

спросила мужа, кого это он так старательно разыскивает, но Филипп всякий раз отвечал, что он, наверное, перенервничал и поэтому не очень хорошо себя чувствует, и начинал извиняться. Мэри почла за благо оставить его в покое и посидеть с Томасом и Лизой, пока та не убежала к подружкам. Филипп бродил по парку лица, обошел вокруг чуть ли не каждое дерево, коротко здороваясь со встречными, но... Сьюзен нигде не было. К концу праздника он позволил себе рассмотреть предположение, что ему все почудилось. Не признаваясь самому себе, он молился, чтобы так оно и было. Было пять часов вечера, когда все вчетвером они отправились на стоянку, собираясь ехать домой. Подойдя к машине, Филипп увидел всунутый между дверцами маленький клочок бумаги. Несколько строк, от которых у него тут же оборвалось дыхание, хотя он их еще не прочитал. Всю дорогу до дома он сжимал бумажный комочек в ладони, пряча его даже от самого себя. Мэри ни о чем его не спросила. Доехав до дома, он высадил семейство, предоставив ему возможность самостоятельно пройти по аллейке, поскольку самому ему нужно было забрать кое-что из багажника. Как только он остался один, он развернул записку: в ней была цифра и четыре буквы: 7 утра. Сунув записку в карман, Филипп двинулся к дому.

За ужином Лиза никак не могла понять причину царившего за столом молчания, изредка нарушаемого короткими фразами Мэри. Не успели подать десерт, как Томас заявил, что, «учитывая веселенькую обстановку», предпочитает удалиться к себе в комнату. Лиза поглядела на Мэри с Филиппом.

— Да что с вами такое? Почему такой похоронный вид? Вы что, поругались?

— Ничего подобного, — ответила Мэри. — Просто твой отец устал, вот и все. Нигде не сказано, что человек всегда должен быть в форме.

— Жаль, что не получилось душевно посидеть перед моим отъездом, — продолжила Лиза. — Ладно, пока! Пойду соберу вещи, потому что потом у Синди вечеринка.

— Самолет в шесть вечера, ты вполне успеешь собраться завтра, у тебя же все помнется, — возразил Филипп.

— Мятые вещи — самый писк! Аккуратные, все из себя отглаженные шмотки я оставляю вам и вас оставляю тоже.

Поднявшись по лестнице, она вошла в комнату брата.

— Что это с ними?

— А как ты думаешь? Это все из-за твоего отъезда. Мама уже неделю кругами ходит. Позавчера раз пять заходила в твою комнату. То занавески

поправит, то книжку на полке переставит, то простыни натянет. Я проходил по коридору и видел: обняла твою подушку и прижалась щекой!

— Да я всего-навсего на два месяца уезжаю в Канаду! Что же будет, когда я надумаю жить отдельно?!

— Я останусь один и буду без тебя скучать, а особенно этим летом.

— А я буду писать тебе, старичок! На следующий год ты запишешься в мой лагерь, и мы проведем лето вместе.

— Ты моя вожатая?! Ни за какие коврижки! Иди собирай манатки, предательница!

Филипп уже добрых пять минут тер одну и ту же тарелку. Мэри убрала со стола, а он все вытирал и вытирал ее. Бровь Мэри взлетела вверх. Филипп не отреагировал.

— Не хочешь поговорить, Филипп?

— Тебе не о чем волноваться, — ответил он, вздрогнув. — С Лизой в Канаде все будет нормально.

— Я не об этом, Филипп.

— А о чем?

— О том, что привело тебя в такое состояние.

Он поставил тарелку в сушку, подошел к жене и предложил ей сесть.

— Мэри, я хочу тебе кое-что сказать. Я должен был тебе это сказать уже давно.

Она тревожно заглянула ему в глаза.

— Поосторожней со сногшибательными признаниями! Что еще стряслось?

Филипп, пристально глядя ей в глаза, нежно провел по ее щеке. Слова не давались ему, и он замолчал. Уловив выражение его глаз, она спросила по-другому:

— Филипп, что ты хочешь мне сказать? Я тебя слушаю.

— С того дня как в нашей жизни появилась Лиза, я очень многое понял и почувствовал, Мэри. Поднимаясь каждое утро, глядя, как ты спишь, встречая твой взгляд, держа твою руку, как держу ее вот сейчас, я понимаю, как я счастлив, как я люблю тебя, Мэри, и понимаю, как сильно я тебя люблю. Ты отдала мне столько сил, делила мои радости и тревоги, преодолевала свои сомнения, отметала безграничным доверием мои, дарила мне улыбки и терпение. Ты подарила мне самый лучший в мире подарок: не так уж много в мире мужчин, которые удостоились такой изумительной привилегии — любить и быть любимым.

Мэри положила голову ему на грудь, словно для того, чтобы послушать, как бьется его сердце, а может, просто потому, что устала, так

долго дожидаясь этих слов.

— Филипп, тебе нужно поехать, — она обвила руками его шею. — Я не смогу. Да и не должна. Ты сам ей все объяснишь.

— Куда поехать?

— Ты сам знаешь. Лиза так на нее похожа, просто поразительно! Я и без бумажки, которую ты прятал в руке всю дорогу, догадалась, где она назначила тебе свидание.

— Я не пойду.

— Пойдешь. Не ради себя, ради Лизы.

Позже, в спальне, они долго разговаривали, прижавшись друг к другу, о них самих, о Томасе, о Лизе.

Поспать им толком не удалось. Поднялись на рассвете, Мэри тут же помчалась на кухню, чтобы скоренько приготовить завтрак, а Филипп, как только оделся, отправился к Лизе. Подойдя к кровати, он ласково погладил ее по щеке, осторожно стараясь разбудить. Лиза открыла глаза и улыбнулась.

— Сколько времени?

— Давай, малышка, быстро поднимайся, одевайся и присоединяйся к нам внизу.

Она взглянула на будильник и тут же закрыла глаза.

— Мой самолет улетает в шесть вечера, пап! Я уезжаю всего-навсего на два месяца! Право же, вам с мамой надо немного расслабиться, а мне как следует выспаться. Я поздно легла!

— Скорее всего, ты улетишь другим рейсом. Вставай, детка, и не теряй времени, у нас его не так много. Я все объясню тебе по дороге.

Поцеловав ее в лоб, он взял лежащий на столе рюкзак и вышел из комнаты. Лиза потерла лицо, потом встала, натянула штаны, рубашку и торопливо завязала шнурки. Совсем заспанная, вскоре она спустилась вниз. Филипп поджидал ее у входной двери. Сообщив, что идет к машине, он ушел.

Мэри, выйдя из кухни, остановилась в нескольких шагах от девушки.

— Я приготовила завтрак, но, по-моему, у вас на него нет времени.

— Да в чем дело-то? — спросила Лиза, уже начав волноваться. — Почему я еду так рано?

— Папа все тебе объяснит в машине.

— Но... я даже не попрощалась с Томасом.

— Он еще спит. Не волнуйся, я попрощаюсь с ним за тебя. Ты ведь будешь мне писать, да?

— Что вы от меня скрываете?

Мэри подошла, крепко обняла ее и прошептала на ухо:

— Я не смогу сдержать обещание до конца, но я старалась как могла.

— Да о чем ты?

— Лиза, что бы ты ни делала в жизни, помни всегда, как сильно я тебя люблю.

Мэри разжала объятия, распахнула дверь и ласково подтолкнула Лизу к поджидавшему ее на крыльце Филиппу. Встревоженная и озадаченная, девушка некоторое время стояла неподвижно, пристально глядя на Мэри и пытаясь понять, почему в глубине ее глаз таится боль. Отец взял ее за плечо и повел к машине.

Накрапывал дождик. Филипп крепко держал Лизу за руку, в другой она несла рюкзак, который стал гораздо увесистей.

Такой увидела Мэри Лизу в день отъезда, в сумеречном свете дня, когда вдруг снова остановилось время. Черные волосы падали Лизе на плечи, капли дождя стекали по смуглой коже. С одеждой на этот раз проблем не было. Они медленно удалялись по дорожке. Мэри стояла на крыльце, ей хотелось сказать Лизе что-то еще, но это было все равно ни к чему. Дверцы машины захлопнулись, Лиза в последний раз помахала ей рукой, и машина исчезла за поворотом.

По дороге Лиза засыпала Филиппа вопросами, на которые он не отвечал, не находя подходящих слов. Они свернули на дорогу, которая вела к терминалам аэропорта, и Филипп снизил скорость. Лизой овладела паника, потом она разозлилась и твердо решила, что ни за что не выйдет из машины, пока отец не объяснит ей причину скоропалительного отъезда.

— Какая муха вас укусила?! Вас до такой степени нервирует мой отъезд? Папа, да объясни ты мне, в конце концов, что происходит?!

— Я высажу тебя перед терминалом и поставлю машину на стоянку.

— Почему Мэри не поехала с нами?

Филипп поставил машину у тротуара, потом, взяв лицо дочери в ладони, заглянул ей в глаза.

— Лиза, послушай. Ты войдешь в терминал, поднимешься по правому эскалатору, пройдешь по коридору и войдешь в бар...

Лицо девушки напряглось. По странному поведению отца Лиза поняла: приоткрывается завеса над ее прошлым.

— ...пройдешь до конца зала. Там, за столиком у окна, тебя будет кто-то ждать.

Губы у Лизы задрожали, тело сотряслось от глубинного рыдания, а глаза наполнились слезами. У Филиппа тоже повлажнели глаза.

— Помнишь красную детскую горку? — дрогнувшим голосом спросил

он.

— Вы не могли так со мной поступить! Папа, скажи, что это неправда!

И, не дожидаясь ответа, она схватила лежавший на заднем сиденье рюкзак и выскочила из машины, громко хлопнув дверцей.

* * *

Аэропорт Ньюарка. Машина только что высадила ее на тротуар и растворилась в транспортном потоке, наводнявшем пространство вокруг терминалов. Сквозь пелену слез она проводила машину взглядом. Огромный зеленый рюкзак, стоявший у ее ног, весил чуть ли не больше ее самой. Поморщившись, она подняла его и вскинула себе на плечи. Вытерла глаза, миновала двери терминала номер один и почти бегом перебежала зал. Правый эскалатор вел на второй этаж. Сгибаясь под тяжестью рюкзака, она поднялась по ступенькам и решительно двинулась по коридору. Остановилась у залитого оранжевым светом бара и через стекло заглянула внутрь. В такую рань у стойки ни посетителя. Старый бармен вытирает стаканы.

На экране телевизора, висящего у него над головой, мелькают результаты каких-то матчей. Толкнув деревянную дверь с круглым окошком-иллюминатором, она вошла и окинула взглядом красные и зеленые столики.

И увидела ее: Сьюзен сидела в глубине зала, у самого окна. Перед ней на столе лежала газета, а сама она, опершись подбородком о правую руку, левой теребила висящий на шее медальон. Ее глаза, невидимые Лизе, были обращены к бетонному полу, расчерченному желтыми линиями разметки, куда неспешно выруливали самолеты, готовившиеся к разбегу перед взлетом. Сьюзен повернулась, прижала ладонь ко рту, словно желая подавить невольный возглас, и встала. Лиза, поколебавшись, двинулась по проходу слева мягкой и бесшумной походкой. Мать с дочерью не сводили друг с друга покрасневших глаз, не зная толком, что сказать. Сьюзен увидела огромный рюкзак, который волокла Лиза. Точно такой же, но принадлежащий Сьюзен, лежал под столом. И тогда Сьюзен улыбнулась.

— Ты такая красивая!

Лиза, застыв, молча смотрела на Сьюзен, затем, не отрывая от нее глаз, уселась на стул. Сьюзен села. Она потянулась, чтобы коснуться щеки дочери, но Лиза резко отшатнулась.

— Не трогай меня!

— Лиза, если бы ты только знала, как я по тебе скучала.

— А ты... Ты знаешь, что твоя смерть сделала мою жизнь кошмаром?

— Я все тебе объясню.

— Можно ли объяснить то, что ты со мной сделала? Хотя, впрочем...
Объясни, что сделала я! Из-за чего ты меня забыла?!

— Я никогда тебя не забывала, Лиза. Все случилось не из-за тебя, а из-за меня, из-за моей любви к тебе.

— Значит, так ты представляешь себе любовь? Бросить — значит любить?

— Ты не имеешь права судить меня, Лиза, ты не знаешь...

— А ты, значит, думаешь, имела право на чудовищный, бесчеловечный обман?

— Ты должна меня выслушать, Лиза!

— А ты? Ты слышала меня, когда я звала тебя по ночам в моих кошмарах?

— Да.

— Тогда почему ты за мной не приехала?

— Потому что было слишком поздно.

— Поздно для чего? Разве между матерью и дочерью существует «слишком поздно»?

— Об этом судить тебе, Лиза.

— Мама умерла!

— Не говори так, прошу тебя.

— Но именно эти слова определили мою жизнь, они были первыми, которые я произнесла в Америке.

— Если хочешь, я уйду, но любить тебя не перестану никогда, хочешь ты этого или нет.

— Я запрещаю тебе произносить эти слова! Ты хочешь слишком легко отделаться. И если я не права, то объясни мне, «мамочка», в чем именно. И постарайся быть поубедительней.

— Мы получили предупреждение о тропическом урагане, оставаться на горе такой маленькой девочке было слишком опасно. Помнишь, я как-то тебе рассказывала, что однажды в грозу чуть было не погибла?

Поэтому я спустилась вниз, в базовый лагерь в Суле, и оставила тебя там, чтобы укрыть от опасности.

А сама вернулась, я не могла бросить людей в поселке одних.

— А меня одну ты могла бросить?!

— Ты была не одна!

И тут Лиза не выдержала.

— Ошибаешься! — заорала она. — Без тебя я была совершенно одна! Как в худшем из кошмаров! И сердце у меня готово было разорваться!

— Девочка моя, я обняла тебя, поцеловала и поднялась обратно на гору. Посреди ночи Роландо меня разбудил. На нас обрушился потоп, и дома уже начали трещать. Ты ведь помнишь Роландо Альвареса, деревенского старосту?

— Я помню запах земли, помню каждое дерево, помню цвет каждой двери в каждом из домов, потому что самое незначительное воспоминание было частичкой тебя, и кроме этого больше ничего от тебя у меня не осталось. Это тебе что-нибудь говорит?! Дает представление о той пустоте, в которую ты меня бросила?

— Мы отвели жителей деревни на вершину, двигаясь под сильнейшим ливнем. По дороге в кромешной тьме Роландо поскользнулся и поехал вниз. Я бросилась на землю, чтобы удержать его, и сломала лодыжку. Он вцепился в меня, пытался удержаться, но был слишком тяжелым.

— А я? Я тоже была слишком тяжела для тебя, ты и меня не могла нести? Если бы ты только знала, как я на тебя зла!

— При вспышке молнии я увидела, как он улыбнулся. «Позаботься о них, донна, я на тебя надеюсь» — были его последние слова. Потом он выпустил мою руку, чтобы не увлечь за собой в пропасть...

— А твой замечательный Альварес не завещал тебе позаботиться немножечко и о твоей собственной дочери, чтобы она тоже могла немножечко рассчитывать на тебя?

— Он был мне вместо отца, Лиза, — повысила голос Сьюзен, — отца, которого меня лишила жизнь!

— И ты смеешь мне это говорить?! У тебя на это хватает духа? Выходит, мной ты расплатилась по счетам собственного детства? Да что я тебе сделала, мама? Кроме того, что я очень тебя любила, что я, черт побери, еще сделала?!

— К утру выяснилось, что дорогу смыло вместе со склоном горы. Две недели я жила в полной изоляции от внешнего мира. Сель дополз до самой долины, дотащив только обломки и останки. Власти не соизволили прислать наверх никакой помощи, нас всех сочли погибшими. И тогда я взяла на себя заботу о людях, окружавших тебя все твое детство, я поделила с ними все лишения, с искалеченными мужчинами, женщинами и детьми, совершенно обессиленными, которым нужно было помочь выжить.

— Но больше никогда не поделила их со своей маленькой дочкой,

которая в ужасе и отчаянии ждала тебя внизу, в долине.

— Как только стало возможным спуститься, я немедленно отправилась за тобой. Спуск занял пять дней. Когда я добралась до лагеря, тебя там уже не было. Я оставила очень четкие инструкции насчет тебя жене Томаса, директора диспансера в Сейбе. Если со мной что-нибудь случится, тебя следовало отвезти к Филиппу. Приехав, я узнала, что ты еще в Тегусигальпе и только вечером улетишь в Майами.

— Но почему же ты не поехала за мной? — с еще большей яростью рявкнула Лиза.

— Я так и сделала! Тут же села в автобус. И по дороге думала обо всем — о пути, который тебе предстоял, и просто о будущем. Тебя ждал дом, Лиза, откуда каждое утро ты могла уходить в настоящую школу, откуда тебе открывалось настоящее будущее. Судьбе было угодно самой распорядиться на твой счет. Без всяких усилий с моей стороны ты ехала в другое детство, где тебя уже не будут больше окружать смерть, одиночество и горе.

— Для меня было горем, что рядом со мной нет мамы, которая обняла бы меня, в которой я так нуждалась! Одиночество! Да ты понятия не имеешь, как я жила без тебя первые годы! Самым страшным для меня было забыть твой запах. Когда шел дождь, я украдкой выбегала на улицу, брала горстку влажной земли и нюхала, чтобы вспомнить «те» запахи, так сильно я боялась позабыть аромат твоей кожи.

— Я позволила тебе уехать к новой жизни в настоящей семье, в город, где тебе не грозила опасность умереть от приступа аппендицита, потому что больница слишком далеко, где ты могла учиться по книгам, носить нормальную одежду, а не латанные-перелатанные вещи, которые нужно все время надставлять по мере того, как ты растешь. Где можно было найти ответы на все вопросы, которые ты мне задавала, где тебе никогда не пришлось бы бояться дождя, когда он идет по ночам, а мне — что однажды какая-нибудь гроза унесет тебя навсегда.

— Но ты забыла о самом большом ужасе из всех: остаться без тебя, мама! Мне ведь было всего девять лет! Столько раз я прокусывала себе язык до крови!

— Это был твой шанс, любовь моя, не мой шанс, а твой, и единственное, о чем я сожалела, что останусь для тебя матерью, которая не смогла или не сумела быть твоей настоящей мамой.

— Ты так боялась меня любить, мама?

— Если бы ты знала, каким трудным был этот выбор.

— Для тебя трудным или для меня?

Сьюзен сжалась под взглядом Лизы, уже не яростным, а бесконечно

печальным. Дождь, который все же сумел проникнуть не только под крышу, но и внутрь нее, обильно потек по щекам.

— Для нас обеих. Ты поймешь это позже, Лиза, но, когда я увидела тебя на великолепной эстраде, такую красивую, в таком нарядном платье, увидела тех, кто стал твоей семьей, сидящих в первом ряду, то поняла, что для меня спокойствие и грусть могут быть сестрами, во всяком случае, так я могу ответить сейчас на твой вопрос.

— Папа и Мэри знали, что ты жива?

— Нет, до вчерашнего дня. Мне вообще не следовало приходить. Наверное, я не имела на это право, но я пришла, как приходила каждый год, чтобы посмотреть на тебя через решетку школьного забора, оставаясь незамеченной. Чтобы хоть на несколько мгновений увидеть тебя.

— А меня ты лишила привилегии знать, пусть хотя бы на несколько мгновений, что ты жива. Что ты сделала со своей жизнью, мама?

— Я ни о чем не сожалею, Лиза. Она была нелегкой, но это моя жизнь, и я горжусь ею. Твоя жизнь будет иной. Я совершила свои ошибки и сама ответила за них.

Бармен-мексиканец поставил перед Сьюзен креман-ку с двумя шариками ванильного мороженого, посыпанными миндалем, политыми жидким шоколадом и карамелью.

— Я заказала до того, как ты вошла. Попробуй, — сказала Сьюзен. — Это лучший в мире десерт!

— Спасибо, не хочется.

Филипп мерил шагами зал терминала. Тревога его все нарастала, время от времени он выходил на улицу, не уходя, впрочем, далеко от дверей. Вымокнув под дождем, он снова возвращался к эскалаторам и продолжал нетерпеливо наматывать круги по залу.

Сьюзен с Лизой понемногу шли на сближение. Они заговорили о прошлом, погрузились в него, растворяя каждая свою горечь и боль в тайной надежде, что все-таки еще ни для чего не поздно. Сьюзен заказала еще мороженого, и Лиза согласилась наконец его попробовать.

— Ты хочешь, чтобы я уехала с тобой? Поэтому меня сюда и привезли?

— Я назначала свидание Филиппу.

— И как, по-твоему, мне поступить?

— Как поступала я в твои годы: сделать собственный выбор!

— Ты скучала по мне?

— Каждый день.

— По нему ты тоже скучала?

— А вот это только мое дело.

— Хочешь знать, скучал ли он по тебе?

— А это только его дело.

Сьюзен расстегнула цепочку и протянула кулон Лизе.

— Это тебе подарок.

Лиза поглядела на медальон и осторожно сомкнула на нем пальцы матери.

— Этот медальон защищал всегда тебя. Я живу со своей семьей, она меня защищает.

— Возьми, мне будет приятно.

В порыве бескрайней любви Сьюзен подалась к Лизе и обняла ее.

— Я так тобой горжусь, — прошептала она дочери на ухо. Лицо Лизы осветила слабая улыбка.

— У меня есть дружок. Может быть, на следующий год мы с ним поселимся на Манхэттене, поближе к факультету.

— Лиза, каким бы ни был твой выбор, я всегда буду любить тебя, как умею, пусть, возможно, и не как настоящая мама.

Лиза положила руку на ладонь Сьюзен и с непроизвольно нежной улыбкой выговорила-таки наконец:

— Знаешь в чем парадокс? Может, я и не была твоей дочерью, но ты всегда будешь моей мамой.

Они пообещали друг другу попробовать хотя бы писать друг другу. Возможно даже, в один прекрасный день Лиза, если захочет, приедет и навестит Сьюзен. Лиза встала, обошла стол и обняла мать. Положив голову ей на плечо, она вдохнула запах мыла, вызывавший столько воспоминаний.

— Мне пора идти. Я сегодня улетаю в Канаду, — сказала Лиза. — Ты спустишься вместе со мной?

— Нет. Он не захотел подняться, и мне кажется, оно к лучшему.

— Хочешь что-нибудь ему передать?

— Нет, — ответила Сьюзен.

Лиза встала и направилась к выходу. Когда она подошла к двери, Сьюзен окликнула ее.

— Ты забыла медальон на столе! Лиза, обернувшись, улыбнулась:

— Нет, мамочка, я ничего не забыла.

И дверь с большим иллюминатором закрылась за ней.

Время теряло счет, Филипп — выдержку. Нарастающая паника смела остатки терпения, он направился к эскалатору и поехал наверх. И тут увидел на соседнем эскалаторе, едущем вниз, свою дочь. Лиза улыбнулась ему.

— Мне ждать тебя внизу или ты подождешь меня наверху? — поинтересовалась Лиза, когда они поравнялись.

— Никуда не двигайся, я сейчас же спущусь.

— Это не я двигаюсь, а ты!

— Жди меня внизу, и точка! Сейчас буду!

Сердце забилось быстрее, Филипп растолкал пассажиров, пробираясь вперед, в то время как эскалаторы разводили их в разные стороны. Наверху он поднял голову и лицом к лицу столкнулся со Сьюзен.

— Я заставила тебя ждать? — спросила она, взволнованно улыбаясь.

— Нет.

— Ты давно здесь?

— Понятия не имею.

— Ты постарел, Филипп.

— Очень любезно с твоей стороны, премного благодарен.

— Да нет, ты очень красивый.

— Ты тоже.

— Я знаю, что тоже постарела. Это неизбежно.

— Да нет, я хочу сказать, что ты тоже очень красивая.

— Главное, что Лиза очень красивая.

— Верно.

— Странно снова оказаться здесь, — проговорила Сьюзен.

Филипп кинул тревожный взгляд в сторону бара.

— Ты хочешь, чтобы...

— Не думаю, что это удачная мысль. Столик, наверно, уже занят, — возразила она, снова улыбнувшись.

— Как могло такое случиться, Сьюзен?

— Лиза тебе объяснит. А может, и нет. Мне очень жаль, Филипп.

— Да нет, не очень.

— Наверно, ты прав. Но я в самом деле не хотела, чтобы ты меня вчера заметил.

— Как в день моей свадьбы?

— Ты знал, что я приходила?

— Узнал в ту же секунду, как ты вошла в церковь, и считал каждый твой шаг, когда ты пятилась назад.

— Филипп, между нами никогда не было лжи.

— Знаю. Лишь предлоги и причины, которые трудно отличить друг от друга.

— В последний раз, когда мы с тобой тут встречались, та очень важная вещь, о которой я упоминала в письме, — Сьюзен глубоко вздохнула, — то,

о чем я хотела тебе сказать в тот день, была моя беременность Лизой и...

Раздавшееся по громкоговорителю объявление заглушило конец фразы.

— И?.. — переспросил он.

Стюардесса объявила последнее приглашение на рейс до Майами.

— Мой рейс, — проговорила Сьюзен. — Последнее приглашение...

Помнишь?

Филипп прикрыл глаза. Ладонь Сьюзен коснулась его щеки.

— У тебя по-прежнему улыбка Чарли Брауна. Скорей спускайся к ней, тебе ведь до смерти этого хочется.

А я опоздаю на самолет, если ты и дальше будешь стоять передо мной столбом.

Филипп обнял Сьюзен и чмокнул в щеку.

— Побереги себя, Сьюзен.

— Не волнуйся, у меня богатый опыт! Давай! Отправляйся!

Он шагнул к эскалатору, но Сьюзен его окликнула:

— Филипп! Он обернулся.

— Сьюзен?

— Спасибо!

Его черты разгладились.

— Это не меня надо благодарить, а Мэри.

И прежде, чем он исчез из поля зрения, она, гримасничая, надула щеки и послала ему воздушный поцелуй, оставляя напоследок в его памяти свою клоунскую рожицу.

* * *

В зале аэропорта немногочисленные пассажиры с изумлением поглядывали на молоденькую девушку, которая, раскрыв объятия, ждала промокшего мужчину у подножия эскалатора, похожего на красную детскую горку.

Филипп прижал Лизу к груди.

— Ты весь мокрый. На улице так льет? — спросила она.

— Ураган! Что собираешься делать?

— Самолет у меня только вечером! Поедем домой.

Лиза взяла Филиппа за руку и направилась к двери. Лицо Сьюзен, смотревшей сверху, как они выходят

из здания аэропорта, осветила улыбка.

Усевшись в машину, Филипп первым делом набрал номер домашнего телефона. Мэри тут же взяла трубку.

— Она со мной, мы возвращаемся. Я тебя люблю.

22 октября Сэм предупредил нового директора ННС, что над Карибским морем формируется подозрительно разреженная зона. Четыре дня спустя перед тремя пресловутыми буквами «S» появилась цифра 5.

Самый мощный ураган века, шириной в 280 километров, со скоростью 380 км/ч неся в направлении Центральной Америки.

Сьюзен уехала четыре месяца назад. Томас поступил в лицей. Лиза со Стивеном первую неделю учились в университете. Лиза намеревалась вскорости переехать жить в студию на Манхэттене. Филипп с Мэри периодически поговаривали о том, чтобы перебраться из Монтклера в Нью-Йорк.

Митч обрушился на гондурасский берег на закате дня 30 октября. За ночь было разрушено две трети страны, погибли четырнадцать тысяч четыреста человек...

В эту же самую ночь в нескольких тысячах километров от Гондураса, на другом конце света, бармен-мексиканец заканчивал работу в баре аэропорта, протирая тряпкой столик возле окна...

От автора

Благодарю за поддержку и советы

Бернара Барро, Камель Беркан, Антуана Каро, Гийома Гальена, Полин Гена, Филиппа Геза, Катрин Одапп, Лизу и Эмили, Даниеля и Раймона Леви, Лорен Леви, Розелин, Дженни Ликос, Колетт Перье, Алин Сулье, Сюзанну Ли и Антуана Одуара.

А также за бесценную помощь в сборе материалов:

Дани Жюко, следователя Люка Миллера из полиции Нью-Йорка, профессора Хака и весь персонал Центра исследования ураганов.

notes

Примечания

1

Центр изучения ураганов.

Национальный центр изучения ураганов.

Школа искусств в Нью-Йорке.